30к

БОЛЬШЕВИК

№ 3—4

20 МАЯ

1924
МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 20 МАЯ 3—4

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

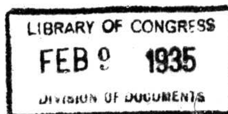
ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Н. БУХАРИНА, Ил. ВАРДИНА, Л. КАМЕНЕВА

1 9 2 4
М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

Главлит № 21521. Тираж 30.000 экземпл.

Типогр. „Красный Пролетарий" Изд-ва „Красная Новь". Пименовская ул., д. 1/16.

Большевистский съезд без Ленина.

Когда 14 марта 1898 года в Минске собрался первый съезд нашей партии, Владимир Ленин находился в сибирской ссылке. Съезд декларировал объединение отдельных кружков в партию. Это было возможно потому, что с 1895 года на российскую историческую арену появился рабочий класс, и с этим классом связалась революционная социал-демократия, руководимая Лениным. Без ленинского «Союза борьбы», без ленинской брошюры о «друзьях народа», без этого гениального манифеста российского коммунизма, 14 марта 1898 года провозгласить образование партии российского рабочего класса было бы невозможно.

Когда 25 июля 1917 года в тогдашнем Петрограде собрался шестой съезд нашей партии, Владимир Ленин скрывался от эсеро-меньшевистских ищеек в кустарниках у Сестрорецких озер. Партия к этому времени уже почти была загнана в подполье «революционной» властью. Подгоняемая буржуазией, военщиной, мещанством, эта власть пыталась раздавить партию борющегося рабочего класса. Из своего «демократического» подполья Ленин руководил съездом побежденной временно, но не сломленной, не согнутой, не поколебавшейся партии.

Когда 17 апреля 1923 года в Москве открылся двенадцатый съезд большевистской партии, наш Ленин, наш Ильич лежал больной, почти безнадежно-больной. Руководить съездом он не мог. Но партия была пронизана мыслями и волей Ленина, и ее съезд безошибочно разрешил основные вопросы момента.

23 мая 1924 года откроется тринадцатый съезд нашей партии, а Ленин навсегда покоится в мавзолее на Красной площади Москвы. На 10-ти съездах Ленин лично руководил большевиками. Первым актом тринадцатого съезда будет—склонить голову перед прахом великого товарища, друга, вождя.

А второй акт съезда, а содержание всей работы съезда, всей работы партии и Интернационала составит продолжение, упрочение, расширение дела Ленина. 200.000 пролетариев ленинского призыва,—это решение рабочего класса неуклонно итти вперед по ленинскому пути. Не было, нет и не будет колебаний! Партия большевиков, партия мирового коммунизма действует, пронизанная мыслями и волею Ленина, действует, прочно стоя на несокрушимой основе ленинизма.

И потому наша мировая партия, наше международное движе-

ние, даже после потери великого вождя, идейно несравненно богаче, организационно несравненно прочнее, чем любая партия, любое движение в мире. Без Ленина, но с ленинизмом идет уверенно и смело коммунизм к грядущим битвам и победам. Без Ленина, но с ленинизмом строит социализм несокрушимая Коммунистическая партия большевиков великого Советского Союза.

* * *

В какой социально-политической обстановке приступает к работе съезд Коммунистической партии Советского Союза? В чем заключаются основные черты текущего политического момента?

Рост народного хозяйства, оживление экономической жизни города и деревни вызывает усиление экономической мощи не только пролетарского государства, но и буржуазии, средней и мелкой. В деревне растет кулак, в городе—торговля, отчасти мелкопромышленная буржуазия.

На противоположном полюсе мы видим: в деревне—отслоение маломощного и беднейшего крестьянства, в городе—численный рост, качественное улучшение, социальную консолидацию пролетариата, материальное положение которого заметно улучшилось.

Экономическое упрочение и социальная консолидация основных классов советского общества вызывает усиление их политической активности. В буржуазном обществе экономический рост страны политически прежде всего и больше всего идет на пользу имущим классам. Опираясь на свое экономическое могущество, капиталистические классы все сильнее и все глубже проникают в «душу» неимущих и малоимущих слоев и подчиняют их своему политическому и духовному влиянию.

Одна из важнейших и прогрессивнейших особенностей советского режима в том и состоит, что этот режим отнимает у эксплоататорских классов возможность серьезного политического и идеологического влияния на массы и, наоборот, открывает небывало широкий политический и культурный простор перед пролетарскими и полу-пролетарскими слоями. Экономически усиливающейся буржуазии и кулачеству, обслуживающей их части интеллигенции пролетарское государство ставит и будет ставить преграды на пути политического и идеологического расширения и укрепления. Наоборот, чем дальше, тем все больше позиций отвоевывает пролетариат у буржуазии, еще достаточно сильной своей старой культурой, знаниями, навыком...

Возвращаясь к характеристике текущего политического момента, необходимо отметить, как явление последнего периода, некоторые настроения отлива, появление скептицизма, ликвидаторских ноток. Социальная основа подобных настроений—желание буржуазных слоев общества повернуть страну на рельсы «чистого» капитализма, покончить с социалистическими «утопиями», заключить революцию в национально-демократические рамки, решительно отказавшись от мировых революционных задач.

Субъективная основа проявляющихся ликвидаторских настроений—усталость, надломленность наименее выдержанных, наименее устойчивых «попутчиков» революции, «остывших» в эпоху великих будней, ищущих покоя. «Попутчики» пришли к революции из рядов интеллигенции и радикальных кругов мещанства. Но далеко не все оказались способными стать постоянными спутниками революции. Совершенно естественно, что подобные элементы раньше всех почувствовали усталость, раньше всех поддались влиянию новой буржуазии и отразили ее стремление—ликвидировать революцию, перевести страну на капиталистические рельсы.

Пролетариат, как класс, Коммунистическая партия, как целое, совершенно чужды настроениям скептицизма и неверия. Наоборот, никогда рабочий класс и ее партия не жили такой интенсивной жизнью, никогда не были они так далеки от всяких мыслей о сдаче своих исторических позиций, как в переживаемую нами эпоху. Но это не значит, что настроения скептицизма не затронули и рядов партии, союза молодежи, профсоюзов. Влияние буржуазии проникает, пытается все сильнее проникнуть в организованные ряды пролетариата.

И тут мы подходим к следующей характерной черте текущего момента. Дело в том, что наши главные политические враги, не полагаясь на собственные силы, для данного момента снимают с порядка дня лозунг непосредственной вооруженной борьбы с большевизмом, признают невозможным прямым ударом ликвидировать республику советов. Враги наши переходят к «осаде» Коммунистической партии.

Главные надежды они возлагают на внутренние процессы в рядах Коммунистической партии и Советской власти, на ее перерождение, развал и распад. Пользуясь внутренними расколами в рядах Компартии, буржуазия рассчитывает упрочить свои экономические позиции, расширить культурно-идеологические позиции, путем обволакивания отдельных слоев партии и власти, найти кое-какие политические зацепки, охватить экономически (прежде всего посредством торговли), а затем и политически, крестьянство. Когда этот сложный процесс достаточно развернется, буржуазия рассчитывает практически поставить вопрос о «штурме» твердынь большевизма.

Таковы существенные черты текущего политического момента. Какие основные проблемы выдвигают они перед Коммунистической партией Советского Союза?

* * *

Новая экономическая политика нашими врагами была понята, как возможность безграничного расширения позиций частного капитала в ущерб экономическим позициям государства. В этом полагали меньшевики, эсеры, кадеты «принцип» нэпа. С этой точки зрения сохранение «командных высот» за государством они считали нарушением провозглашенного на X съезде РКП нэповского «принципа», проявлением непоследовательности со стороны большевистской партии. Еще более вопиющим нарушением принципа, еще большей непоследовательностью—прямо-таки «анахронизмом», «нелепостью» признавали наши политические враги сохранение диктатуры пролетариата после того, как была «развязана» неповская «стихия».

Понятно, что мы совершенно иначе смотрели и смотрим на новую экономическую политику. Достаточно сказать, что это есть политика советского государства, которое было, есть, хочет быть и будет государством рабочего класса. Новая экономическая политика, как и всякая иная политика, служит целям данной власти, данной руководящей партии. Она означает, во-первых, что советское государство воспринимает капиталистические методы и формы хозяйствования, подчиняя эти формы и методы интересам рабочего класса, наполняя эти формы новым содержанием. Само собой, пролетариат применяет эти старые капиталистические формы и методы (хозрасчет, калькуляция, рынок, конкуренция, биржа, банки) с большими «поправками» и, учась на опыте, постепенно будет заменять их новыми формами и методами хозяйствования...

Новая экономическая политика означает, во-вторых, что советское государство, вместо внеэкономического принуждения буржуазии, вступает с ней в экономическое соревнование, причем, там и постольку, где и поскольку государство само сможет справиться с проблемами хозяйства, оно выступает в роли единственного хозяина. Нэп неизбежно «сокращается», поле деятельности частного капитала суживается. Для политических врагов Советской власти это—нарушение «принципов нэпа», возвращение к «военному коммунизму», для нас это—успех советского государства, движение его вперед на основе новой экономической политики.

Такова общая постановка вопроса о новой экономической политике, до сих пор не понятая социал-демократами, либералами, реакционерами всего мира. Как стоит вопрос конкретно на четвертом году новой экономической политики?

Отступление 1921-го года имело основной задачей — восстановить и закрепить на новой основе связь с крестьянством. Ленин на XI съезде в своей программной речи неоднократно подчеркивал необходимость «сомкнуться с крестьянской массой», отступивши, сомкнуться с «рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но за то так, что действительно будет двигаться вся масса с нами». Задача, по мнению Ленина, заключалась в том, чтобы «между той новой экономикой, которую мы начали строить..., и крестьянской экономикой... установить «смычку». Что именно могло явиться основным орудием смычки? На этот вопрос Ленин отвечал:

«Крестьянин знает рынок и знает торговлю. Прямого коммунистического распределения мы ввести не могли. Для этого нехватало фабрик и оборудованья для них. Тогда мы должны дать через торговлю, но дать это не хуже, чем это давал капиталист, иначе такого управления, народ вынести не может. В этом весь гвоздь положения».

В торговле—«гвоздь положения». К ней допущены старый купец, старый приказчик. Происходит соревнование между частной и государственной торговлей. Кто дешевле будет доставлять крестьянину товар, тот и установит смычку с ним. Если коммунисты—говорил Ленин—не научатся торговать, то их крестьянин, несмотря на все их прежние заслуги, «пошлет ко всем чертям». Надвигается «решающий экзамен». Его можно выдержать, с крестьянством можно сомкнуться—побив купца, капиталиста, людей старой буржуазной экономики, по линии мирной, но решающей борьбы на почве умелого хозяйствования, в частности, умелой торговли.

Кто кого? Частный капитал одолеет советское государство, одолеет коммунистов, или коммунисты, опираясь на политическую власть, опираясь на командные высоты в экономике, поставят дело таким образом, что частный торговец не будет нужен крестьянину? Так ставил вопрос Ленин на XI съезде партии. Он выдвигал перед партией, перед рабочим классом новые боевые задачи. Он звал коммунистов—вместе с крестьянской массой в «сто раз медленнее, но твердо и неуклонно итти вперед, чтобы она всегда видела, что мы все-таки идем вперед».

Не о сдаче позиций, не о капитуляции перед капитализмом говорил Ленин, а вместе с ним и вся партия, весною 1923 года. В новых формах, при новых условиях партия продолжала революционную борьбу и работу во имя социализма. Она с открытыми глазами смотрела на опасности и намечала способы борьбы с ними. В резолюции о профсоюзах XI съезд партии, между прочим, говорил:

«Пролетарское государство, не изменяя своей сущности, может допускать свободу торговли и развитие капитализма лишь до известной меры и только при условии государственного регулирования (надзора, контроля, определения форм, порядка и т. д.) частной торговли и частно-хозяйственного капитализма. Успех такого регулирования зависит не только от госвласти, но еще больше от степени зрелости пролетариата и трудящихся масс вообще, затем от уровня культуры и т. д.».

Если капиталистические отношения развиваются без «меры» и границ, если нет «государственного регулирования», пролетарское государство «изменяет своей сущности», оно начинает перерождаться в обычное буржуазное государство. Но удержать частный капитал в определенных рамках, это значит выдержать с ним соревнование, это значит его преодолеть.

Решение всех этих задач—не вопрос месяцев и одного-двух лет. Тут сложный и длительный период, во время которого пролетариат должен учиться, приобретать навык, подняться на более высокую ступень культуры. Кто кого? Этот вопрос решается путем серьезной, упорной, продолжительной борьбы, не прекращающейся ни на один день. На какой стадии развития этой борьбы находится в настоящее время республика Советов?

В торговле частный капитал захватил весьма сильные позиции. Купец наступает, государство обороняется. Задача, поставленная Лениным в марте 1922 года, разрешена в слабой степени. Смычку с крестьянством устанавливает частный капитал. Дальнейшее развитие в данном направлении грозит пролетарской власти величайшими опасностями. Проблема внутренней торговли это есть проблема рабоче-крестьянского союза. Ныне это главное звено той цепи, которая при-

вязывает друг к другу пролетариат и крестьянство. Через частную торговлю буржуазия пробирается к «мужику». Частный торговец объективно (а нередко, вероятно, и субъективно) становится политическим агентом эсеров, меньшевиков, кадетов.

Вот почему мероприятия Советской власти по организации внутренней торговли, в особенности организация Комвнуторга, вызвали в белой печати страшный вой. На защиту частной торговли единодушно стали эсеры, меньшевики, кадеты, при чем, все они вопрос о внутренней торговле совершенно справедливо связали с вопросом о взаимоотношениях между Советской властью и крестьянством. В этом смысле крайне характерна передовица милюковской газеты «Последние Новости». В № от 8-го мая левокадетская газета писала:

> «Советская власть все более принуждена разжимать руку, державшую крестьянство за горло. Правда, остается еще монополия промышленности и внешней торговли и привилегированное положение советских органов в области внутренней торговли. Как мы отмечали в одной из последних статей, в настоящее время имеется в виду еще усилить эту последнюю привилегию путем борьбы с частной оптовой торговлей и с самостоятельной деятельностью крестьянской кооперации. Но использование этих монополий все время вертится в заколдованном кругу: низкие цены на хлеб приводят к «ножницам», к кризисам сбыта в государственной промышленности, высокие цены увеличивают расходы этой промышленности. *Центральный вопрос и экономического и политического положения сводится к тому, когда крестьянство решительно потребует ликвидации этих преград, стоящих на пути его свободного экономического развития.*
>
> Когда оно этого потребует, то борьба будет для Советской власти безнадежной».

Если буржуазии удастся перетянуть крестьянство на свою сторону, если оно поддержит чисто буржуазную программу безграничного расширения частного капитала, всевластия частного капитала, тогда, пожалуй, «борьба будет для Советской власти безнадежной». Но для этого необходимо, чтобы предварительно коммунисты обанкротились, чтобы они показали свою неспособность установить экономическую смычку с «мужиком». Тогда в самом деле крестьянин—как выразился Ленин на XI съезде—пошлет нас «ко всем чертям». Буржуазия и ее агенты всемерно этому будут содействовать. Но вопрос этот—«центральный вопрос и экономического и политического положения»—решает борьба, в которой положение Советской власти, несмотря на некоторые неудачи, достаточно прочно. Вся партия, весь рабочий класс бьет ныне в одну основную точку, решает—и решит!—одну основную задачу овладения внутренней торговлей.

Программа буржуазии формулирована милюковской газетой ясно: ликвидация государственной промышленности и торговли, т.-е. ликвидация социалистической экономики, «самостоятельная» крестьянская кооперация, т.-е. кооперация, дополняющая буржуазную экономику. Эта милюковская программа бесспорно разделяется всеми имущими слоями страны, всеми теми груг[illegible], эксплоататорский размах которых сильно сокращается советским режимом. Но гигантское большинство народа, среднее и беднейшее крестьянство ни в какой мере не заинтересовано в восстановлении буржуазной власти. *Рассудок* никогда не подскажет крестьянину отдать предпочтение буржуазному режиму перед режимом пролетарским. Но крестьянин, неся за спиною темное наследие веков, нередко действует не по указаниям рассудка, а под влиянием *предрассудков*. С другой стороны, нельзя забывать и той бесспорной истины, что крестьянин, как мелкий собственник, постоянно колеблется между буржуазией и пролетариатом.

Все эти обстоятельства выдвигают на первый план необходимость *развертывания политической работы в деревне до невиданных доселе пределов*. Экономические мероприятия должны сопровождаться мероприятиями политическими. Направление нашей работы в известном смысле намечают наши враги. В цитированной выше передовице милюковской газеты читаем:

> «На низших ступенях советской иерархии в деревне развилось, по всем сведениям, *вполне реальное самоуправление*: монополия Компартии, обращающая выборы в городах и на съездах в фикцию, не имеет значения в пределах села и волости, где коммунистов почти нет и партийная организация выборов вообще не нужна, так как все друг друга знают. *Бедность государственой власти*, приведшая к передаче почти всех местных административных функций на местные средства, содействует этой *автономии деревни*. Вычеркнув сельские школы из бюджета, предоставив это дело самим крестьянам, на началах частных соглашений с учителями, Советская власть нанесла жестокий удар народному образованию. Зато, поскольку *сельская школа* существует, она *зависит от населения, а не от власти*. Неудивительно, что вопрос об отношениях с *сельским учительством* сильно заботит советскую печать. При таких условиях мало помогут разговоры о «культурном шефстве» и «культурной смычке».

Враг указывает наши слабые места. Советский аппарат, местные финансы, школа, учительство и—кооперация, вот точки, куда со всей энергией необходимо бить. «Реальное самоуправление»—это значит аппарат, захваченный кулаками, агентами буржуазии, и действующий *против* Советской власти. Учительство—это вопрос об осуществлении культурно-политической смычки между городо и деревней. Кадетская газета надеется, что обстоятельства в деревне работают на буржуазию. Она все силы приложит к тому, чтобы добиться своего. *Борьба за политическую «душу» крестьянина снова становится в порядок дня.*

Переходя к экономической стороне вопроса, милюковская газета и здесь находит много для буржуазии отрадного. В деревне

«идет процесс социального расслоения». За годы разрухи «создались резкие экономические различия на почве владения скотом и инвентарем. Ссуда этих предметов создает новые отношения экономической,—а вероятно, и социальной,—зависимости». Большевики насаждают кооперацию. Но и в кооперации и в комитетах взаимопомощи «зажиточные элементы, зачастую, играют преобладающую роль». И большевики тут ничего поделать не могут, ибо «раз Советская власть не в состоянии оказать деревенским экономическим организациям сколько-нибудь серьезной материальной помощи, то руководящая роль зажиточного крестьянства в этих организациях становится неизбежной».

Словом, положение блестящее: буржуазная агентура в деревне имеется, кулак командует и завтра еще энергичнее будет командовать...

Милюковы запели слишком рано. Однако, зевать нельзя: обязательна самая энергичная работа по линии экономической и политической во имя осуществленя ленинского лозунга о смычке. «В этом весь гвоздь положения».

Буржуазия тянет крестьянство назад, к «нормальному» капитализму. Советское государство ведет крестьянство вперед, к социализму. Пролетариат отказался от «ускоренного Коммунизма» военной эпохи, он идет медленно, он, говоря словами Ленина, начинает с того, что крестьянину «понятно, знакомо и сейчас доступно». Но идет пролетариат все же вперед и ведет крестьянство тоже вперед, поднимает его из вековой тьмы, невежества, косности.

В числе средств, которые крестьянину «понятны, знакомы и сейчас доступны», первое место занимает кооперация. Буржуазия хочет превратить ее в орудие реакции. Пролетариат должен превратить—и превратит—кооперацию в орудие медленного, но уверенного движения стомиллионной крестьянской массы к социализму.

* * *

Только с точки зрения укрепления рабоче-крестьянского союза, т.-е. с точки зрения сохранения пролетарской диктатуры, должны мы рассматривать все основные вопросы текущего момента. Интересами сохранения власти рабочего класса определяется наше отношение ко всем основным проблемам современности.

Острая борьба на экономическом фронте сопровождается гораздо менее заметной, но по существу не менее острой борьбой на идеологическом фронте. Буржуазные взгляды и настроения проникают во все щели. Художественная литература, всяческие специальные издания, школа, служат ареной, на которой разыгрывается нешумная, но политически крайне важная борьба между идеологией революции и идеологией буржуазно-мещанской реакции. Отмеченные выше настроения упадка и скептицизма находят свое выражение в печати и до сих пор должного отпора не встречают.

Необходимо снова заострить оружие идеологической борьбы. Малейший, самый на первый взгляд незначительный уклон в сторону реакции, мистицизма, упадочничества, будет ли это проявляться в художественной литературе, театре, или экономической литературе, необходимо подвергать беспощадной, уничтожающей, марксистской большевистской критике. Всяческие мотивы скептицизма, ликвидаторства, ренегатства, под каким бы соусом они ни подавались, должны беспощадно разоблачаться и клеймиться.

Печать наша, наши партийные органы должны следить за малейшими попытками некоммунистических течений, идеологически воздействовать на промежуточные слои населения, прежде всего, на крестьянство. Такие попытки могут принимать подчас совершенно невинные формы, но от этого по существу они не становятся менее опасными и вредными.

Одна из центральных проблем текущего момента — вопрос о молодежи. Молодежь проявляет самый обостренный интерес к вопросам политики, морали, искусства. Мучимая противоречиями переходной эпохи, волнуемая заминкой в международном рабочем движении, она страстно ищет ответов на бесчисленные вопросы. Известная часть молодежи, разумеется, отражает настроения буржуазии и мещанства, облекая это в формы, внешне, конечно, далекие от мещанства. В общем, в исканиях, современной молодежи часто немало отрыжек прошлого, но, несомненно, еще больше в них частиц исторического завтра.

Необходимо проникнуться интересами молодежи, необходимо ее вопросы превратить в вопросы всего советского общества. Необходимо вокруг «молодежных» вопросов развернуть широкую идейную войну, безжалостно вскрывая все и всяческие уклоны, ошибки, заблуждения, втягивая в эту войну работников разного возрастного состава. В общую идеологическую войну с представителями буржуазных школ и направлений молодежь должна быть втянута, как наиболее подвижная часть идеологического фронта.

Из отдельных уклонов, пытающихся утвердиться среди нашей молодежи, главнейшего внимания заслуживает уклон, сущность которого сводится к недооценке значения крестьянства. Этот уклон выступает под внешне «левым» лозунгом «классовости», но по существу мы имеем здесь проявление цеховщины, синдикализма, — чего хотите, но только не той революционной пролетарской классовости, которая исходит из понимания исторической миссии рабочего класса, как класса-вождя, класса-руководителя всеми угнетенными и эксплоатируемыми слоями народа.

Сторонники лозунга «классовости» на деле проявляют полное непонимание того, что пролетариат Советского Союза может осуществить свои исторические задачи только в союзе с крестьянством, только привлекая на свою сторону его лучшие передовые элементы, только ведя за собою всю многомиллионную массу мелкособственнического населения. Они не понимают, что социалистическая переработка деревни еще целиком впереди, что эта великая задача на девять десятых должна быть разрешена теперешней молодежью, что, следовательно, революционно-коммунистическая база в деревне с каждым годом должна расширяться, а не суживаться. Между тем, под лозунгом «классо-

вости» кроется тенденция разрыва между пролетарским городом и крестьянской деревней, тенденция отказа от руководящей роли пролетариата. В своей основе — это ликвидаторская идея. Уже сейчас подавляющее большинство молодежи решительно отклонило этот ликвидаторский уклон. Наша смена идет и пойдет дальше по ленинскому пути, т.-е. по пути теснейшего союза между пролетариатом и крестьянством, по пути руководства рабочим классом крестьянскими массами.

Свои внутренние вопросы коммунистическая партия, разумеется, может решать исключительно с точки зрения сохранения диктатуры пролетариата. Партия должна усиливать свою боеспособность на всех фронтах—политическом, хозяйственном, идеологическом, культурном. Партия должна усилить свою внутреннюю прочность, чтобы и при усложняющихся условиях сохранить свое руководящее положение.

В чем, с этой точки зрения, заключался главный смысл пережитой партией дискуссии? Каково было основное содержание платформы оппозиции?

Отражая давление непролетарских слоев, оппозиция стремилась пробить первую брешь в системе диктатуры, сделать первый шаг в сторону демократии. Никакого иного объективного смысла линия оппозиции не имела. Это сразу поняли все без исключения политические враги коммунизма, одобрившие оппозицию за то именно, что она наносит первые удары диктатуре, что она открывает путь к демократии.

Платформа оппозиции это—платформа ликвидаторства. Ликвидация начиналась сразу по нескольким основным линиям: партийной, советской, хозяйственной. По партийной линии ленинизм подвергался основательной «ревизии», при чем «ревизия» начиналась с разводнения ленинизма, с попытки доказать, что ленинизм составился из различных идейных прослоек. Пытались представить дело таким образом, будто теории, с которыми большевизм постоянно вел борьбу, являются составной частью большевизма. Для такого утверждения было только то основание, что носители этих теорий с некоторого времени примкнули к большевизму. В итоге получался большевизм не исторически цельный, а сборный, лоскутный.

Из такого понимания большевизма логически вытекала необходимость борьбы против «стариков», «аппарата», «традиций». Теория сборного «большевизма» по организационной линии подразумевала превращение единой ленинской партии в союз различных автономных фракций и группировок. Но это было бы уже началом конца диктатуры.

Партию нашу хотели превратить в блок равноправных течений, опиравшихся на различные социальные элементы. Партию нашу хотели не только разбольшевичить, но и распролетарить. В основном оппозиционном документе—брошюре тов. Троцкого «Новый курс»—мы читаем:

«Фабрично-заводские ячейки по классовому составу своему являются, разумеется, коренными. Но тот факт, что они составляют одну шестую часть партии, и что наиболее активные элементы партии изъемлются из них и вводятся в партийный или государственный аппарат, не позволяет партии пока еще, к несчастью, опираться только или даже преимущественно на производственные ячейки. Рост этих последних, будет надежнейшим измерителем успехов партии в области промышленности и вообще хозяйства и, вместе с тем, лучшей гарантией сохранения ее пролетарского характера. Но вряд ли можно надеяться на их быстрый рост уже в ближайшее время. Партии придется, следовательно, в ближайший период обеспечивать свое внутреннее равновесие и свою революционную линию, опираясь на ячейки разного состава». («Новый курс», стр. 36).

Эта цитата замечательна во многих отношениях. Прежде всего она показывает необычайный дар политического предвидения тов. Троцкого. В середине января 1924 года он не надеется на «быстрый рост уже в ближайшее время» фабрично-заводских ячеек, а несколько недель спустя в партию вливаются сотни тысяч пролетариев от станка. Бесспорно, что новый поворот рабочей массы к своей партии наметился еще весною 1923 года, проявился он наиболее ярко в бесчисленных демонстрациях солидарности, устраивавшихся во всех концах Советского Союза к 25-летию нашей партии. Ленинский призыв фактически начался именно в период XII съезда партии. Тов. Троцкий этого не видел и потому не надеялся на рост рабочих ячеек. Большевистский Центральный Комитет это ясно видел и потому он—до смерти В. И. Ленина—объявил о стотысячном призыве. Вхождение новых десятков тысяч рабочих в партию было политически подготовлено всем предшествующим. Смерть Ленина дала толчок новым десяткам тысяч, которые, возможно, при жизни вождя некоторое время еще подождали бы взвалить на себя тяжелое бремя обязанностей члена РКП. Но во всяком случае «быстрый рост» рабочих ячеек именно «в ближайшее время» партии был обеспечен.

Тов. Троцкий на все это закрывал глаза, он не видел новых сил, поднявшихся в рабочем классе, он был полон скептицизма. От теоретического разводнения большевизма он совершенно естественно переходил к социальному разводнению большевистской партии. Ревизуя ленинизм, он одновременно отодвигал на второй план пролетарское ядро партии, превращая партию из пролетарской—в сборную. «Партии придется... обеспечивать свое внутреннее равновесие и свою революционную линию, опираясь на ячейки разного состава». Единственный смысл этого заявления таков: «ячейки разного состава» равноценны. Равноправные фракции и группировки, представляя различные социальные слои в партии, договариваются между собою и таким путем устанавливают «внутреннее равновесие». Нет пролетарской партии-монолита, остается широкая народная партия, в которой гегемония уже не принадлежит рабочему классу. Вот что говорил тов. Троцкий о «социально-групповом составе» партии:

«Фабрично-заводские ячейки, обеспечивающие связь партии с основным классом революции, составляют ныне одну шестую часть партии.

Советские ячейки, при всех своих отрицательных сторонах, обеспечивают партии руководство государственным аппаратом, чем и определяется большой удельный вес этих ячеек. Высокий процент старых работников участвует в партийной жизни через посредство этих советских ячеек.

Крестьянские ячейки дают партии некоторую, хотя и чрезвычайно распыленную пока, связь с деревней.

Военные ячейки осуществляют связь партии с армией и через нее—преимущественно с деревней.

Наконец, в ячейках учебных заведений все эти тенденции и влияния сочетаются и пересекаются».

Положение ясное. Фабрично-заводские ячейки составляют в партии ничтожную часть. Надежд на их численный рост нет. Советские ячейки имеют «большой удельный вес». Крестьянские и военные ячейки весьма важны. Все ячейки хороши, все они нужны. Но молодежь, это—лучший «барометр», а старики «перерождаются», партию заедает «секретарский бюрократизм» и т. д. и т. п.

Отсюда ясно: партии придется опереться «на ячейки разного состава»—прежде всего, на вузовские ячейки, обладающие всеми нужными качествами, на советские ячейки, имеющие «большой удельный вес», располагающие «высоким процентом старых работников»...

Это была программа упадочничества. Если бы партия послушалась тов. Троцкого, она бы ни в какой мере не смогла «обеспечить... свою революционную линию». Эту линию нельзя обеспечить, отодвинув на второй план ячейки, связывающие партию «с основным классом революции».

Большевистская партия не пошла по ликвидаторскому пути тов. Троцкого. Она добилась того, что фабрично-заводские ячейки из одной шестой части партии превратились в ее подавляющее большинство. Она решительно взялась за чистку «ячеек разного состава»—тех ячеек, которые, по мысли тов. Троцкого, должны были послужить «опорой» партии. Партийным лозунгом в дискуссии стало: еще большая большевизация, еще большая пролетаризация РКП! Ликвидаторские уклоны потерпели жестокое поражение. В идейно-политическом и организационном отношении большевистская партия осталась монолитом.

* * *

30 лет тому назад В. И. Ленин в брошюре «Что такое друзья народа» писал:

«На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

Гениальное пророчество Ленина сбылось. Седьмой год русский пролетариат идет в авангарде международной пролетарской борьбы за коммунистическую революцию.

Большевизм—явление мировое. Он не может быть втиснут в национальные пределы. Всякая попытка замыкания нашей революции в российские национальные рамки является ликвидаторством.

Октябрь победил под знаком мировой пролетарской борьбы. Мировые задачи стоят перед нашей партией на-ряду с национальными,—вернее, ее национальные и интернациональные задачи неразрывно сливаются. Национальная ограниченность является врагом революции, и против него большевизм ведет непримиримую борьбу.

Историческая задача заключается в том, чтобы российскую пролетарскую победу развернуть в победу европейскую, а затем мировую. Съезд Коммунистической партии большевиков Советского Союза будет всеми силами работать над тем, чтобы приблизить осуществление этого великого завета мирового пролетарского вождя Ленина.

А. Слепков.

Об „уклонах“ и возможных путях возможного перерождения.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Гнуснейшим извращением марксизма является толкование его, как фаталистической теории.

Марксизм вскрывает закономерности общественного развития, правильно обнаружив эти закономерности, он становится орудием теоретического предвосхищения хода социальных событий, подготовляя этим предвосхищением почву для верной политической линии поведения пролетарской партии.

Подходя к ревизии теории марксизма, как системы закономерностей общественного развития, оппортунистическая школа Бернштейна попыталась придать марксизму характер фаталистической теории.

Если Маркс прав, что в тенденциях развития капитализма заложены его гибель и торжество социализма, то о чем же беспокоиться революционной партии пролетариата? Сама история оправдает правильность прогноза Маркса, она старается за социализм и нечего своей суетливо-революционной работой форсировать наступление неизбежного, исторически неотвратимого момента социалистической революции. Таков смысл позиции Бернштейна, который пользуется буржуазными теориями для изничтожения марксизма.

Фаталистический момент типичен и для меньшевизма. В эпоху первой русской революции 1905—6 гг. меньшевики, поняв объективно-буржуазный характер революции, никак не могли усвоить, что эту революцию нужно сделать, что для ее совершения мало «понимания», нужно революционное действие, нужна агрессивная политика пролетарской партии, упирающаяся в «демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства».

Тот же самый фатализм сквозит из каждого положения каутскианской системы «социалистической революции», в основе которой лежит теория органического «вызревания» социализма и его стихийно-мирного осуществления.

Нет ничего более далекого от марксизма, чем эта поповская интерпретация его.

Политический смысл ее заключается в расслаблении пролетариата, притуплении его классовой инициативности, кастрировании его революционности.

Марксисты понимают закономерности общественного развития, вскрывая их даже в рыночной стихии товарно-капиталистического общества, но, в противоположность фаталистам, они понимают тот простой факт, что история делается людьми, что тенденция социалистической революции может быть реализована только путем революционного действия, направление которого должно быть обусловлено учетом этих закономерностей.

Революционный марксизм вырос, окреп, побеждал, побеждает и будет побеждать, непрестанно учитывая неразрывность революционной теории и революционного действия.

Революционная теория обязывает к изучению различного рода взаимо- и противоборствующих тенденций общественного развития, к сознательному действию, способствующему усилению революционных и ослаблению враждебных нам сил.

Наша партия привела российский пролетариат к государственному господству. Диктатура рабочего класса сделала за годы своего существования крупные успехи, и медленно, но верно продвигается к социализму.

Однако, и в эту эпоху мы настолько же далеки от фатализма, насколько были далеки от него в досоветский период.

С той же, как и прежде, внимательностью, мы обязаны присматриваться к противоречивым процессам общественного развития, с еще большей бдительностью следя за враждебными нам тенденциями социального развития, с еще большей энергией борясь в нашей практически-политической деятельности с теоретически осознавшими себя враждебными нам силами.

Исключительно важным вопросом с этой точки зрения является вопрос о возможном «перерождении» партии, об уклонизме в нашей партии, намечающем вехи к возможному перерождению ее.

II.

Рабочий класс борется и боролся за власть в условиях экономического, политического и культурного господства буржуазии.

Занимая командные высоты, капитал мог систематически подвергать разложению пролетариат и его политические организации, подчиняя своему гибельному влиянию в первую голову те слои рабочего класса и его партии, которые по объективному положению наиболее предрасположены к соглашательству. Выясняя условия возникновения и развития политических рабочих организаций, мы можем обнаружить те каналы, по которым буржуазная идеология легче всего просачивается в рабочий класс.

Во-первых, политические организации пролетариата неизбежно включают в свой состав значительные слои интеллигенции, ибо пролетариат, подготовляющий социалистическую революцию против капитала, в отличие от буржуазии, является не

только бесправным в политическом отношении, но и экономически угнетенным, следовательно, он не имеет прибавочного продукта, необходимого для достаточного выделения культурно-политического авангарда из своей социальной среды.

Эта интеллигенция, живущая в условиях индивидуализированного труда, воспитанная на буржуазной культуре, вступая в партию пролетариата, приносит в нее и присущую ей предрасположность к буржуазным влияниям. Таким образом, в интеллигентском секторе рабочей партии мы имеем первый слабый участок, через который с наибольшей легкостью при определенных условиях проникают лазутчики буржуазии в лагерь пролетариата...

Поскольку рост стихийного революционного движения пролетариата сопровождается отслаиванием наиболее передовых, энергичных и сознательных бойцов в партию, последняя начинает терять свой преимущественно интеллигентский характер.

Но и пролетариат не рождается в результате «непорочного зачатия». Он происходит в громадной массе от разорившейся мелкой буржуазии, оплодотворенной в ее идеологии буржуазией (в Западной Европе таким социальным родителем пролетариата явилась преимущественно ремесленная мелкая буржуазия, у нас в России—крестьянство).

Вступая в ряды пролетариата, эти вчерашние частные хозяева и товаропроизводители зачастую не теряют связи со своим частным хозяйством и после вовлечения в промышленную рабочую армию.

Черпая материал из этой части пролетариата, не отдифференцировавшейся от мелкой буржуазии, а также включая в свои ряды и непосредственно крестьян, ремесленников и т. п., политические организации рабочего класса тем самым создают себе второй слабый участок фронта против капитала.

Далее. Процесс общественного и технического разделения труда дифференцируют пролетариат, намечая в среде самого рабочего класса различие в экономическом положении отдельных групп рабочих. Квалифицированнейшая верхушка рабочего класса, особенно категории, в которых вновь возрождаются, правда, на иной основе, чем у ремесленника, тенденции индивидуализации труда,—подвержены забвению общеклассовых интересов в угоду цеховым устремлениям.

Эти тенденции получают благоприятные условия для соответствующего социально-политического проявления, благодаря буржуазной политике подкупа.

Рабочая аристократия, таким образом, является третьим участком политического фронта пролетариата, наиболее подверженным буржуазному влиянию.

Значение этой последней социальной категории, как фактора соглашательской политики, особенно характерно для развития капиталистических стран Запада.

Именно эти прослойки рабочих политических организаций по своему объективному положению отличаются особой чувствительностью по отношению к буржуазным влияниям в эпоху господства капитала. Меняется ли положение дел в эпоху диктатуры пролетариата? Конечно, значительно меняется. Но все же, имеются ли в нашей Коммунистической партии эти прослойки и заложены ли в самых объективных условиях их социального бытия возможности антикоммунистических течений?

На этот вопрос следует ответить, бесспорно, утвердительно. Во-первых, если капитал у нас и не стоит у власти, то на целом ряде участков экономического фронта, главным образом, в области товарного обращения, частный капитал может временно укрепляться, усиливая свой удельный вес в общехозяйственной жизни.

Во-вторых, капитал силен культурными традициями буржуазного общества. При скудости наших сил, громадном объеме задач, мы не можем очень быстро критически переварить буржуазную культуру, воспринимая полезное, отбрасывая вредное, создавая свою культуру.

Укрепление капитала и его экспансия в экономической и культурной области суть опаснейшие процессы текущего момента. Возьмем, к примеру, положение партийной интеллигенции в наших ВУЗ'ах.

На 132 тысячи студентов ВУЗ'ов к 1-му декабря 1923 г. приходится менее 15% рабочих и детей рабочих, свыше 58% падает на служащих, интеллигентов и их детей, около 27%—крестьян и их детей.

Члены партии составляют в этом студенчестве менее 6%, члены РКСМ менее 5%, беспартийные студенты—90%. Если этот язык цифр переложить на язык социальных отношений, то что мы будем иметь?

Небольшая горстка партийных студентов окружена советски-настроенным студенчеством, это последнее в своем быту находится в сфере воздействия сменовеховской интеллигенции; в свою очередь, последняя есть левый соглашательский фланг на буржуазном антикоммунистическом фронте.

Неудивительно, что именно здесь мы имеем наименее выдержанный сектор нашей партии.

То же самое с хозяйственными и советскими учреждениями. Коммунист-хозяйственник окружен советски-настроенными спецами; последние подвержены воздействию нэпманской буржуазии и т. д.

Так обстоит дело с условиями работы партийной интеллигенции.

Теперь о рабочих, не отдифференцированных от деревни.

Эпоха первоначального социалистического накопления сопряжена с отчуждением известной части прибавочного продукта мелкой сельской буржуазии в фонд пролетарского государства. Перспективно-исторически, этот прибавочный продукт обеспечивает хозяйственное благополучие сельского производителя; но в первые годы нэп'а, когда он берется без немедленной компенсации, он является, с точки зрения мелкого буржуа, непроизводительной данью городу. Правда, эта дань менее страшна,

чем дань помещику, но все же она расценивается именно как дань. Эти настроения среднего крестьянства могут явиться фактором солидаризации с крепким мужичком, кулаком.

Нашей задачей является усиление противоположных факторов путем кооперирования средняка, соответствующей налоговой, кредитной политики и т. д. Однако, поскольку в массе трудового крестьянства имеются настроения против пролетарского государства, связь рабочего (и партийца тоже) с деревней может дать ему мелкобуржуазную зарядку.

Рабочая аристократия в России вообще, и в советских условиях в частности не играет столь значительной роли, как на Западе, но она имеется и несомненно должна быть учтена.

В эпоху нэп'а, конечно, мы не можем и не должны в нашей тарифной политике проводить полную нивеллировку заработной платы, ибо это противоречит интересам развития производительных сил в советской промышленности. Однако, поскольку РКП, руководящая Советской властью, является партией всего рабочего класса, она заботится об относительной нивеллировке, о поднятии заработной платы наиболее плохо оплачиваемых слоев даже тогда, когда это сопряжено с приостановкой роста таковой у наиболее хорошо оплачиваемых групп.

Поскольку, таким образом, в прежнее соотношение заработных плат вносится изменение, временно ущемляющее цехово-настроенные верхушечные группы рабочих, постольку создается почва для возможных группово-цеховых настроений и в тех слоях рабочей части партии, которая представляет эти группы.

Особенно остро эта цеховщина может проявляться в том случае, если условия рынка ставят группу заводов, находящихся на коммерческом расчете, в исключительно хорошие условия.

Следует отметить, что эта цеховщина может быть характерной в определенные моменты и для более широких слоев пролетариата. Далее, он может проявляться преломленно в партийной среде на расширенной базе, являясь, таким образом, фактором цехового уклона в партийной политике.

Не следует, однако, из вышеизложенных положений делать выводы махаевского, крестьянофобского и т. п. типов. Как положения, характеризующие массовые процессы, они представляются бесспорными; но это совсем не исключает того, что мы должны строить партию, исходя из имеющегося людского материала, что состоящий в партии интеллигент должен пользоваться всеми правами члена партии; что мы не только можем, но и должны принимать в партию лучших и наиболее тяготеющих к РКП рабочих, связанных с деревней, бедняков-крестьян и даже средняков-крестьян.

Необходимо только самое бдительное, самое напряженное внимание к тем процессам, которые происходят в подвергнутых рассмотрению слоях партии.

Не следует, далее, полагать, что каждая из этих группировок партии может послужить субъектом самостоятельного уклона. Действительность может подарить нас различным сочетанием этих группировок. История рабочего движения показала, что оппортунистическое меньшевистское течение возглавлялось интеллигентской частью партии, но опиралось на рабоче-аристократические слои печатников и т. п., что кронштадтские настроения, получившие политическое оформление в меньшевистско-эсеровской программе, имели опору в крестьянском охвостье пролетариата и т. д.

Нам важно уловить те элементарные тенденции, из различных сочетаний которых могут образоваться не-коммунистические уклоны в Коммунистической партии.

III.

Коммунистическая партия должна была выдержать на пути к диктатуре пролетариата большую и длительную борьбу внутри рабочего движения. Врагами, «в борьбе с которыми внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм», были, во-первых, оппортунизм, во-вторых, мелкобуржуазный революционаризм.

Серьезнейшие расхождения в тактике с этими течениями вынуждали большевиков вступить на путь расколов. Каждое течение было особо организационно оформлено, представляло особое партийное образование. Именно благодаря этому расколизму мы имеем теперь боеспособную, революционную партию. Несомненно, что теперь обстановка значительно изменилась.

Расколизм в наших условиях, когда партия руководит правящим пролетариатом, есть начало гражданской борьбы внутри советского фронта.

Это необходимо учитывать.

Однако, в условиях оживления буржуазии и мелкобуржуазного окружения—единственная легальная партия пролетариата, каковой является Коммунистическая партия, далеко еще не единая по своему социальному составу, не может не отражать в настроениях отдельных своих членов и групп буржуазного и мелкобуржуазного влияния.

Это влияние проявляется в виде уклонов, которые у нас принято называть «правыми» и «левыми». Как партия, видящая в этих уклонах бледное продолжение тех течений, «в борьбе с которыми внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм»,—РКП будет бороться с этими течениями.

Как партия, учитывающая особое положение правящей партии, РКП будет стараться не допустить раскола.

Избегнуть этого раскола можно только захватывая болезнь в зародыше, преодолевая уклон в его еще зачаточной форме, справляясь с уклоном в его еще утробном состоянии.

Именно этими соображениями руководствовался т. Ленин, когда он провел на X партсъезде резолюцию об анархо-синдикалистском уклоне в нашей партии. Этот уклон мы захватили, преодолели, осудили в самом зародыше; партия приобрела обостренное внимание к течениям анархо-синдикалистского порядка, как вредным течениям.

Захватив болезнь в самой начальной ее стадии, фиксировав внимание всей партии на ней, как на болезни, мы предотвра-

тили ее развитие, усиление, разрушительные процессы внутри партии.

Мы должны быть теперь еще бдительнее, чем раньше, должны уметь захватить уклон в его становлении.

В этой борьбе с уклонами следует прежде всего освободиться от предрассудков о принципиальной разнице «правых» и «левых» уклонов. Вообще, это ничего не говорящая терминология. Есть ли разница в объективно-историческом смысле уклонов? — Никакой.

С точки зрения интересов пролетариата совершенно безразлично, какой уклон ослабил диктатуру пролетариата, «правый» или «левый».

Предположим, что правые и левые уклоны имели бы в нашей партии более крупный успех. Разве объективно не все равно, привели ли диктатуру пролетариата к гибели «левые коммунисты», втянувшие в 1918 г. бессильную Советскую Россию в войну с Германией или «правые» товарищи, ликвидировавшие монополию внешней торговли и обеспечившие капиталу благоприятные условия в борьбе с социалистическим хозяйством? — И то и другое течение имело бы объективно контр-революционный смысл, как бы ни была революционна и различна внешняя субъективная мотивировка «уклонистов».

Это — во-первых.

Во-вторых, нам представляется, что и правые и левые уклоны имеют то основное общее, что они являются мелкобуржуазными. На самом деле. Посмотрим на прошлое, из которого растут наши уклоны.

Большевики боролись с оппортунистами. Оппортунисты соглашательствовали, т.-е. тянули пролетариат к таким компромиссам, в которых он должен был сдать капиталу свои основные классовые позиции.

В этом соглашательстве отражается преклонение мелкого буржуа перед всесилием капитала.

Что было движущей пружиной меньшевистской политики погони за «цензовыми» буржуазными элементами, как не эта мелкобуржуазная загипнотизированность частного хозяина и товаропроизводителя, который каждодневно убеждается на рынке в превосходстве и силе капитала? «Без капитала не обойтись, без уступки ему ничего не сделать»,—таков смысл этой жалкой позиции.

Теперь о «левых» течениях. Чем они грешили? Всегда тем, что они не учитывали роли крестьянства в революции, необходимости в своей тактике исходить из сочетания революционного движения пролетариата с крестьянским, а поэтому отрицали и отвергали такие компромиссы, в которых основные классовые позиции пролетариата не уступались, но реализация которых укрепляла пролетариат, иногда даже спасая его положение.

Откуда берется у «левых» эта политика изолированного действия пролетариата? Это своеобразная цеховщина в политеке, принесенная из мелкобуржуазной среды, в которой родился пролетариат, ограниченность, индивидуализм, замкнутость мелкого

производителя. Отдельные группы рабочих и их идеологи перерабатывают эти элементы мелкобуржуазной идеологии в рабоче-цеховую идеологию, которая находит политическое выражение в «левых» тенденциях изолированного действия пролетариата.

Именно этой политической цеховщиной дышали все выступления «левых» отзовистов и ультиматистов, ею же проникнуты все выкладки «левых» коммунистов в дни Бреста («крестьянство воевать не хочет, повоюем сами!»), в период профсоюзной дискуссии и т. д.

На этом пути идеологического развития крестьянская ограниченность и цеховщина мелкого производителя диалектически обратились в рабочую цеховщину, объективно направленную против смычки с крестьянством.

Из этого следует, что правые и левые уклоны родственны не только по объективно-исторической роли, но и по социальному мелкобуржуазному характеру их идеологии.

Не следует поэтому всерьез принимать во внимание аргументы некоторых уклонистов, что, дескать, мы все же «левые», «революционные».

На самом деле, какой уклон: «правый» или «левый», представляла оппозиция в последней дискуссии?

В самом начале дискуссии оппозиция представляла как-будто бы «левый» уклон, а к концу не только отступила от организационных принципов большевизма, но некоторые лидеры ее установили идейную смычку с правыми оппортунистическими течениями Коминтерна на Западе.

IV.

Какого рода уклонов мы можем ждать в эпоху нэп'а в нашей партии, учитывая враждебные нам тенденции развития, заключающиеся в советском обществе, учитывая классовые взаимоотношения, социальный состав и социальные связи нашей партии?

Прежде всего следует отметить возможность кулацко-крестьянского перерождения нашей партии.

Недавно на одном партийном собрании, при обсуждении вопроса о нашей политике в деревне, ряд товарищей выступил с предложением развязать капитализм в деревне. Нам неоднократно приходилось спорить с некоторыми коммунистами, защищающими эту столыпинско-советскую политику в деревне.

По сути дела аргументация в защиту этой политической линии—чисто-меньшевистская. Во-первых, дескать, развязать капитализм следует, исходя из понятной необходимости развития производительных сил. Во-вторых, буржуазная дифференциация в деревне, сопровождающаяся пролетаризацией большей части крестьянства, расширяет сферу нашего непосредственного влияния в деревне, как партии пролетариата и бедноты. В третьих, приводят следующий аргумент: если мы допускаем капитализм в городе, то почему на него положен запрет в деревне? Согласование городской и деревенской экономической политики должно итти именно по пути развязывания капитализма в дерев-

не. Эта мотивация настолько же теоретически наивна, насколько политически контр-революционна.

В самом деле. Если бы мы так плоско, не по-марксистски, понимали критерий развития производительных сил, как эти товарищи, то мы никогда не сделали бы социалистической революции.

Мы знаем, что развитие производительных сил в мировом масштабе стесняется господствующей капиталистической системой производственных отношений. Только при социализме, т.-е. принципиально иной системе отношений, установление которой невозможно без социалистической революции и диктатуры пролетариата, это противоречие производительных сил и производственных отношений исчезнет.

Однако, революция неизбежно потрясет старую капиталистическую производственную систему и ведет к временному падению производительных сил, но эта эпоха падения производительных сил *исторически* есть эпоха, обеспечивающая условия для не стесняемого социальными условиями развития производительных сил при социализме. Подъем производительных сил может начаться только после окончания периода военно-гражданской борьбы. Однако, поскольку этот подъем начинается на товарной основе и в условиях экономического соревнования с капиталом—при чем, крупнейшее преимущество социалистического хозяйства перед буржуазным заключается в поддержке пролетарского государства,—производительные силы развиваются одновременно и в системе буржуазных производственных отношений и в системе отношений социалистических. Если производительные силы в капиталистической системе развиваются быстрее и за счет развития производительных сил социализма, то мы становимся перед началом нового цикла капитала, что *исторически* означает новую полосу стеснения развития производительных сил.

Таким образом, даже частичные *успехи развития производительных сил* в капиталистической системе *исторически* есть препятствие для развития производительных сил во всей общественной системе.

Если, наоборот, производительные силы социализма растут за счет развития производительных сил капитализма, мы имеем укрепление строя, в котором производительные силы не стесняются складом производственных отношений.

Критерий производительных сил у Маркса иной, чем у меньшевиков и у тех товарищей, среди которых меньшевистская аргументация имеет успех.

У нас не может быть чисто-технического взгляда на развитие производительных сил. *Нам важно не просто развитие производительных сил в деревне, а их развитие в системе социалистических отношений. Именно в этом направлении пойдет кооперирование бедноты и средняцкой массы деревни.*

Дифференциация, будто бы, расширит пролетарскую и полупролетарскую социальную базу коммунизма. Но, во-первых, ведя в деревне «фритредерскую» политику и обеспечивая тем самым условия установления экономической и идеологической гегемонии кулака в деревне, рабочее государство тем самым подготовляло

бы ликвидацию своей политической гегемонии; во-вторых, масса среднего и бедного крестьянства, разоряемая всевластным кулаком, конечно, отказала бы Советской власти в политическом кредите. *Развязывание буржуазной стихии в деревне есть кулацкая политика* и как таковая она должна быть *отвергнута*, встречена в штыки.

Несомненно, что имея в руках социалистическую промышленность, мы тем самым имеем мощное орудие борьбы с частным капиталом не только города, но и деревни.

Однако, поскольку, во-первых, наша экономическая экспансия в деревне весьма сильно ограничена слабым уровнем промышленно-социалистического производства, во-вторых, деревня в полосе *обращения* отделяется от нас сферой господства капитала в розничной торговле,—постольку с капиталом деревни, который к тому же вырастает в трудно уловимых и регулируемых формах, бороться труднее, чем в городе.

Эти трудности становятся еще более ясными, если вспомнить, что в городе мы боремся с капиталом, имея крупные концентрированные сильные политические организации рабочего класса, а в деревне таких организаций мы почти не имеем.

Вот почему нельзя совершенно идентифицировать нашу политику по отношению к капиталу в городе и деревне.

Мы еще не имеем в нашей партии выявленные и систематизированные кулакофильские тенденции, но *настроения* подобного рода имеются.

Если в области внутренней экономической политики такой уклон можно характеризовать как «советско-столыпинский», то *в области внешней экономической политики* он проявляется в стремлении *прорвать монополию внешней торговли*. Кулак желает непосредственной смычки с западным капиталом для получения более дешевого промышленного продукта, с одной стороны, и уменьшения издержек обращения, с другой.

В этой же внешней политике для кулакофильской тенденции вероятна позиция *большей* уступчивости при различного рода экономических сделках с западным капиталом (заведомо невыгодные концессии, денационализация).

По сути дела, — это мыслимое крестьянское перерождение было бы лишь исходным пунктом для перерождения буржуазного, ибо капиталистическая политика в деревне непременно уперлась бы в капиталистическую политику в городе. Таким образом, кулакофильская позиция есть шаг к позиции «Рабочей Правды», которая, в свою очередь, по своему существу является позицией меньшевистской.

Но если такова развернутая позиция кулакофилов, то *начальные* формы ее проявления конкретно предугадать трудно. Надо смотреть в оба в этом направлении.

Надо следить за развитием капитализма в деревне, противопоставляя ему кооперативный фронт массы бедного и среднего крестьянства.

Однако, не следует и здесь за формой проглядывать содержание.

Тов. Ленин указал нам в двух своих последних статьях «О кооперации» пути к социализму в деревне.

Но когда он пишет, что «у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения», что при «условии максимального кооперирования населения сам собой достигает цели... социализм»,—когда он пишет это, то он указывает нам основную точку приложения наших сил, но отнюдь не понимает кооперирования формально.

В первомайском № «Правды» (1924 года) тов. Сарабьянов в статье: «Массы через кооперацию к социализму»—дает несколько неосторожных формулировок, пытаясь разъяснить эти статьи тов. Ленина.

«Практически теоретизирующий Ленин не мог не сказать, что при прогрессивном режиме диктатуро-пролетарского общества мелкобуржуазная масса не может выступать против пролетариата.

«Не может выступать»! Не слишком ли это «кооперативно», тов. Сарабьянов?

Может выступать, и если не выступает в наши дни с оружием в руках, то на экономическом фронте может выступать против нас каждодневно.

Кооперативная теория врастания крестьянства в социализм—отнюдь не есть «принятие» народничества в своеобразной форме.

Если в наших условиях усиливающейся дифференциации крестьянства говорить тысячу и один раз просто «мелкобуржуазная масса», не различая в ней разных социальных групп; если затем уже на основании этой подстановки утверждать, что эта «масса» не может выступать против пролетариата, то тогда ничего не стоит перейти к такому пониманию, вернее, непониманию, кооперации, при котором видят только ее форму, но не видят содержания.

На самом деле, не может ли кулак на целом ряде участков кооперативного фронта «мирно врасти» в кооперацию, как ее господин?

Не имеются ли такие процессы в деревне?

Ну, не правда ли, тов. Сарабьянов, что рост кулацкой кооперации не равнозначен социализму?

Если бы в нашей практике исходили из формального понимания положения «кооперация—это социализм», то мы с кооперативной фразеологией помогли бы укрепляться кулаку.

Кстати, партии следует заняться теоретической разработкой вопросов крестьянского хозяйства и кооперации: исключительно опасным нам представляется тот факт, что будущий советский агроном и будущий советский кооператор получает теоретическую закваску не от марксистов, которые блестяще отсутствуют на этом фронте идеологической борьбы, а от народников и буржуазных экономистов. (Так обстоит дело, например, в сельскохозяйственной академии им. Тимирязева и в высшем кооперативном институте).

Теперь о другой возможности перерождения.

Эта другая возможность заложена в укреплении цехово-идеологических тенденций в части нашей партии.

Если бы, например, при проведении крупнейших экономических реформ, мы исходили бы при разработке маневрового плана из учета интересов изолированного пролетариата, не понимая того, что реальные интересы рабочего класса могут быть представлены только партией, ведущей широкую политику, учитывающей взаимоотношения классов,—то мы подготовили бы крупнейшие поражения диктатуре пролетариата.

Возьмем пресловутый вопрос о «ножницах». Смотря с цехово-рабочей точки зрения—мы должны были бы настаивать на «наибольшей прибыли» и пр.; расценивая этот факт под углом смычки пролетариата и крестьянства, являющейся непременным политическим условием успешного строительства социализма, мы высказались бы именно так, как высказалась наша партия. По сути дела, рабочий класс здесь временно отказался от увеличения своей заработной платы на ряд ближайших месяцев, чтобы обеспечить рост ее в недалеком будущем на основе укрепляющегося производства. Цеховой подход привел бы к отказу от широкой политики, обеспечивающей гегемонию пролетариата в советском обществе, а, стало-быть, и обеспечивающий успехи социализма.

Возьмем другой пример. Мы проводим сейчас денежную реформу, ибо всем ясно, что без твердой валюты немыслим прочный производственный успех. Для того, чтобы эту стабилизацию провести, мы бьемся за низкие цены. Это, в свою очередь, обязывает нас продавать продукты промышленности по пониженным ценам; последнее, под углом зрения сегодняшнего дня, ухудшает положение пролетариата и т. д., и т. п.

Однако, если подходить к вопросу не с сегодняшними настроениями цеховика-рабочего, а учитывая перспективу, нужно поступать именно так, как поступаем мы.

Суть этого возможного уклона ясна. Когда нам предлагают вести политику, не учитывающую социальных отношений эпохи, когда суживают теоретически громадный объем наших задач до задачи строительства социализма в обществе, состоящем только из пролетариата, при чем, даже в этом выдуманном чисто-пролетарском обществе вся общественная политика расценивается не перспективно, а под углом зрения только сегодняшнего дня,—тогда мы имеем уклон, который отдает той мелкобуржуазной цеховщиной, какой характерен был для «левых» уклонов. По сути дела, это было бы отказом от руководящей политической роли и отказом от марксизма. Еще в «Что делать?» тов. Ленин писал:

«Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же, тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических, вернее даже сказать, не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении всех классов общества».

Все это так же свежо и верно в 1924 г., как было верно в эпоху борьбы большевизма с экономизмом.

Мы затронули в этой статье вопрос о возможном перерождении только в самой общей постановке.

В следующей статье мы наметим третью возможную линию возможного перерождения (о так-наз. «технически-организаторской интеллигенции»).

Тогда нам будут ясны основные линии, по которым следует ожидать опасных уклонов в нашей партии.

Наметив эти линии возможного перерождения, мы, однако, отдаем себе ясный отчет в разнице между линией перерождения и частными временными тактическими маневрами, допустимость и целесообразность которых должна учитываться и определяться отдельно в каждом конкретном случае. Необходимо бороться лишь тогда, когда цепь политических выступлений направляется по линии социального перерождения, когда мы имеем тактический уклон от большевизма.

Но основные линии, по которым следует ожидать опасных уклонов в нашей партии, представляются нам именно такими. Конечно, в действительности дело может и не начаться с тактических разногласий; разногласия могут вестись в плоскости организационной; но разве не ясно, что это две стороны одной и той же медали?

Разве различные установки организационного вопроса не упираются—сознательно или полусознательно—в разные оценки социальных отношений?

Наша партия ныне сильнее, чем когда бы то ни было, но именно поэтому она может теперь не только бороться с уже выявившимся уклонизмом, но и предвидеть возможные новые формы его проявления. Будем же глядеть в оба!

В. Астров.

Один из примеров мелкобуржуазного перерождения.

(О программе „мясниковщины").

Пути, по которым буржуазная и мелкобуржуазная идеология пробирается в ряды нашей партии, требуют изучения. Изучение это невозможно вести чисто-абстрактным путем одних общих рассуждений. Вместо этого полезней внимательно присмотреться к тем частицам партийной ткани, которые на наших глазах уже начали социально перерождаться, сходя с точки зрения пролетариата, переходя с его правильной линии поведения на классово-чуждые рельсы.

Одним из примеров такого мелкобуржуазного перерождения является так-называемая «Рабочая Группа», возглавляемая исключенным из РКП и Коминтерна Мясниковым. История образования и ликвидации этой «Группы» имеет свой интерес, но мы оставляем ее вне поля зрения нашей статьи, обратясь исключительно к политической программе «Группы», как она изложена в ее «Манифесте» и в обращении «К коммунистам всех стран».

I.

„Пролетарская" демократия.

Исходной точкой аргументации «Манифеста» является то положение, что класс, борющийся за власть, «проповедует гражданскую войну», а класс, стоящий у власти, «проповедует гражданский мир». Если с этим положением и можно согласиться, то лишь при очень условном и определенном толковании слов «гражданская война» и «гражданский мир».

Можно согласиться с тем, что лейт-мотивом идеологии господствующего класса, на протяжении всего периода его господства, является проповедь классового гражданского мира. Но, во-первых, это еще ровно ничего не говорит о тех методах и формах борьбы, при помощи которых господствующий класс в каждый отдельный момент поддерживает свое господство внутри страны. Буржуазия во время войны, проповедуя «бургфриден», поддерживала его путем массовых расстрелов рабочих, ведя

гражданскую войну во имя гражданского мира. Во-вторых, сама «проповедь» гражданского мира существенно различна, например, в устах буржуазии, желающей увековечения классовой эксплоатации, и в устах пролетариата, стремящегося к уничтожению классов.

Если взять лозунг «гражданской войны», то и для него действительны те же ограничения. Во-первых, если никакой класс без обострения классовой борьбы не может вырвать власти у врага, то в отдельные периоды развития классовой борьбы применяются отнюдь не методы гражданской войны. Пример: тактика частичных требований, блоков и компромиссов, которую иногда применяют коммунисты,—готовит в буржуазных странах гражданскую войну, но сама еще не является гражданской войной. Во-вторых, пути к власти для разных классов существенно различны. Если пролетариат не может взять власти без гражданской войны, то буржуазия сплошь и рядом «врастает» в феодальную власть. «Манифест» впадает в полный конфуз, когда заявляет, в угоду своей «диалектической» схеме, что русские кадеты 1905 года были сторонниками гражданской войны с самодержавием. Этого не было. Борясь за власть, кадеты боялись гражданской войны, оглядываясь на рабочих и крестьян, дрожа за собственную шкуру.

«Манифест» рассматривает свою «диалектическую» схему смены лозунгов, как универсальную, охватывающую все революции всех времен, и, вместе с тем, одинаково относит ее и к лейтмотивам классовых идеологий и формам борьбы, спутывая понятия координирующего лозунга эпохи и лозунгов действия в каждый отдельный момент.

Эта путаница есть основа всего недомыслия в «Манифесте».

Расточая много фраз о «войне кровавой и суровой», о необходимости «сеять ветер, ибо хотим бури»,—«Манифест» с необыкновенной елейностью «отдыхает» от словесных кровопролитий на периоде диктатуры пролетариата:

> «Но еще с большей силой мы будем проповедывать гражданский мир и в человеках благоволение во всех странах, где пролетариат победит и станет у власти».

Кроме сказанного, здесь требуется еще одно замечание. Свергнув буржуазию, пролетариат «проповедует» ей «мирное» подчинение диктатуре пролетариата. Но это не мешает диктатуре пролетариата «проповедывать» и готовить новую гражданскую войну за захват власти во всем мире. Пролетарская страна обращается, до известной степени в военный лагерь мирового пролетариата. Можно ли называть это, с легким сердцем, проповедью «в человеках благоволения? Не запутывают ли вопрос такие «лозунги»?

Вся беда этой «диалектики» здесь заключается в том, что «все страны, где пролетариат победит», выдергиваются совершенно абстрактно из империалистического окружения. Стоит вспомнить об этом, как елейные и смешные слова о проповеди «благоволения в человецех» становятся непростительны в устах столь «кровопролитного» (для других стран, кроме собственной) расейского «революционера» Мясникова.

Он старается изобразить нашу гражданскую войну 1918—20 годов, как исключительно оборонительную. Пролетариат,—говорит он,—в 1917 году хотел, чтобы буржуазия покорилась «без драки», но она ответила войной. Рабочий класс ответил тем же, но он «фактически хотел мира».

Исторически это совершенно верно. Российский пролетариат в 1918—20 гг. хотел мира, ибо страна была разорена, армии не было, диктатура его только еще укреплялась. Но нельзя особые исторические условия России 1918—20 годов возводить в универсальный мировой принцип пролетарской борьбы.

Принципиально вполне мыслимо, что пролетарская диктатура начнет войну «наступательную», с целью помочь победить, захватить власть рабочим других стран. Ошибка «левых» в дни Бреста заключалась не в том, что они хотели сопротивлением на немецком фронте вызвать революцию в Германии, а в том, что они переоценивали наши реальные возможности для этого. Ошибка наступления на Варшаву, опять-таки, была в чем-угодно, но не в том, что мы хотели этим ускорить революцию на Западе.

Пролетариат берет власть в одной или нескольких странах не затем, чтобы почивать на лаврах, проповедуя «в человецех благоволение» (!), а для того, чтобы ускорить победу коммунистической революции в мировом масштабе.

И он должен это делать, в меру всех тех сил, которые у него имеются.

Для Запада «Манифест», исходя из своего вульгарного и упрощенного толкования лозунга гражданской войны до захвата власти пролетариатом, отвергает тактику единого фронта и борьбу за частичные требования.

Зато «единый фронт» принимается «Манифестом» там, где РКП его категорически отвергает, именно—в России.

Автор «Манифеста» органически не способен принять тактику единого фронта иначе, как истое соглашательство, как капитуляцию перед заграничными меньшевиками и эсерами. Он понимает только одну революционную тактику: «набить морду» (его буквальное выражение) буржуазии и социал-предателям. Все остальное от лукавого. Что тактика единого фронта есть подготовка гражданской войны, разоблачение социал-прохвостов, а не соглашательство с ними, это недоступно его мышлению, имеющему претензии на диалектичность.

Для России политическая программа «Манифеста» состоит в так-называемой «пролетарской демократии»:

«Единый фронт в России равен пролетарской демократии»,—гласит заголовок раздела VII.

Здесь еще раз обнаруживается коренное непонимание революционной сути тактики единого фронта. «Единый фронт» наивно понимается «всерьез», как настоящее соглашательство с мелкобуржуазными партиями, а не тактика завоевания на свою сторону идущих за ними масс. В таком виде он отвергается для Запада и—увы!—в таком же виде он принимается

для Советской России, где пролетариат стоит у власти, хотя здесь давно массы уже с нами.

Такой «единый фронт в России», понятно, является гигантским шагом назад от диктатуры пролетариата—к буржуазной демократии, ибо он означает, прежде всего — легализацию эсеров, меньшевиков, анархистов и др. партий. Промежуточность этой программы, половинчатость этого шага назад к учредилке (подчеркнутая в названии: «пролетарская» демократия) состоит в том, что эти партии легализуются только среди рабочих.

Аргументация «Манифеста» в этом центральном пункте его программы заслуживает быть приведенной здесь, как заключающая в себе полную ликвидацию идеи диктатуры пролетариата. Вот она:

> «У нас коммунистического рабочего класса нет. Есть просто рабочий класс, среди которого есть большевики, и анархисты, и эсеры, и меньшевики (все это не обязательно партийные), а лишь по складу мыслей своих. Какое отношение к нему? Никаких рассуждений с кадетами, буржуа, профессорами, адвокатами и докторами, здесь одно лекарство—мордобитие, другое дело с рабочим классом. Нам надо его не в страхе держать, а идейно влиять на него и вести за собой, а потому не принуждение, а убеждение; вот линия, вот закон» (стр. 52).

Что означают такие слова, как: «у нас коммунистического рабочего класса нет»? Если взять их отдельно от остальной фразы, то в них можно вложить различный смысл.

Первое. Рабочий класс потому не «коммунистичен», что еще нет коммунистического строя. Подобный «смысл» был бы бессмыслицей, ибо в коммунистическом строе не будет никаких, в том числе и «коммунистических» (?), классов.

Второе. Рабочий класс потому не «коммунистичен», что он не весь входит в коммунистическую партию. Тогда он не «коммунистичен» не только «у нас», но всегда и везде, ибо условия, когда он весь смог бы войти в коммунистическую партию, создадутся лишь при наступлении коммунизма, когда пролетариат уже исчезнет как класс.

Третье. Рабочий класс России не поддерживает коммунистов. Это явная неправда, очевидная даже для наших врагов. За коммунистами идет на протяжении семи лет революции огромное большинство рабочих, а меньшевики, эсеры, анархисты не пользуются почти никаким влиянием среди рабочих.

Четвертое. Пролетариат потому не «коммунистичен», что он не является историческим носителем коммунизма. Вот единственное толкование слов манифеста, имеющее принципиальный смысл. Из отрицания такой коммунистичности российского пролетариата, действительно, с неизбежностью вытекает признание равноценности для него всех партий: большевики, меньшевики, кадеты, эсеры и пр.

Но подобное утверждение покоилось бы на полном забвении классовых интересов пролетариата, на шарлатанской подмене понятий. Вместо рабочего класса с определенными интересами, вытекающими из его объективного положения в современном обществе, которое толкает его к борьбе за коммунизм, перед нами оказался «рабочий класс», как простая сумма личностей, не связанных ничем друг с другом, исповедующих разные взгляды и защищающих разные социальные интересы.

«У нас коммунистического рабочего класса нет»! Это чудовищное утверждение представляет собой настоящий перл ликвидаторства в устах того, кто продолжает считать себя коммунистом (!). Если рабочий класс—не коммунистический, а «просто» рабочий класс, то и диктатура его не коммунистическая, а «просто» диктатура. Для осуществления ее, конечно, не надобно коммунистической партии, достаточно «просто рабочих» партий. Как все это необыкновенно «просто» в устах... «коммуниста»!

У нас есть коммунистический рабочий класс, господа Мясниковы! У него есть одна рабочая партия, та самая, из рядов которой вы, ренегаты, переметнулись в стан буржуазии. Взгляните на сотни тысяч ленинского призыва; вспомните историю героической борьбы русских рабочих на всех фронтах, — кто их вел к победе, кому беззаветно доверяла «не обязательно партийная» масса, чья она была «по складу мыслей своих»?

Кого победили русские рабочие в гражданской войне, если не меньшевиков, эсеров и буржуазию? И вот, эти партии наравне с большевиками фигурируют в «Манифесте», как партии в среде «просто рабочего класса». Им предоставляют полное право начать сызнова подготовку гражданской войны против рабочего класса, пользуясь легальностью и свободой («убеждение, а не принуждение»).

«Среди» и «просто» рабочих могут быть, конечно, не только социалистические партии и анархические группы. Среди них, конечно, найдутся и кадеты (не буржуа, зачем же; не профессора, не доктора, не адвокаты, а «рабочие»!) и монархисты. «Милости просим!»—отворяет им ворота широкая «пролетарская» демократия. Все «свой брат»—«рабочий»... Что истинный смысл «мясниковщины» именно такой, в этом не остается никакого сомнения после того, как Мясников еще в 1921 г. выставил требование «свободы печати от монархистов до анархистов включительно».

Рассуждая так, пришлось бы отрицать за рабочими право изгонять из своей среды штрейкбрехеров!..

Называть подобную демократию «пролетарской», значит бесстыдно издеваться над словом «пролетариат» и «пролетарская демократия».

Хоть ты и в новой коже, а сердце у тебя все то же,—так остается сказать новоиспеченным «коммунистам-демократам». Их программа на деле защищает свободу для буржуазии. Под маской рабочего ни кадет, ни меньшевик, ни эсер, ни монархист не перестают быть наймитами буржуазии. Наоборот. Рабочее происхождение монархиста, меньшевика, кадета, эсера делает его, по своему, еще более вредным и опасным для диктатуры пролетариата, незаменимым, с точки зрения буржуазии, сотрудником ее. Разве это нуждается в пояснении для того, кто хочет (как авторы «Манифеста») хотя бы считаться коммунистом?

Но, помимо этого,—какое ГПУ сможет уследить, кто поступает на наши фабрики под видом рабочих, кто приходит к ним и собирается вместе с «рабочими» кадетами, эсерами, кто пишет из-за границы и подполья в их «рабочие» (!!) газеты (кто руководит ими из-за границы и подполья—это уже заведомо известно гг. Мясниковым)?..

Кадеты, эсеры, меньшевики, анархисты есть буржуазные и мелкобуржуазные партии. Дать свободу этим партиям не только в среде целого рабочего класса, но даже хотя бы в одном уголке советской общественности (например, хотя бы, рабочие библиотеки, или рабочий театр), и в то же время воображать, что это будет не свобода буржуазии дурачить рабочих, а нечто другое,—это значит по-мелкобуржуазному мечтать, закрыв глаза на действительную борьбу классов.

Свою «пролетарскую демократию» «Манифест» приурочивает в России к периоду нэпа, когда пришло время для лозунга гражданского мира. В ответе Мясникову в 1921 году Ленин признавал, что «кто не понимает смены лозунга гражданской войны лозунгом гражданский мир, тот смешон, если не хуже» (см. соч. т. XVIII, ч. I, стр. 339). Видимо, это брошенное мимоходом замечание окрылило Мясникова на вышеприведенную «диалектику».

Но, во-первых, Ленин говорил не «вообще» о ходе революций, а об определенном периоде в русской революции. Во-вторых, Ленин понимал лозунг «гражданский мир» совсем не по-мясниковски. Отвергая «свободу печати от монархистов до анархистов включительно», как свободу политической организации буржуазии и ее вернейших слуг, Ленин писал:

«Вы забыли мелочь, совсем малюсенькую мелочь, именно: мировую буржуазию и ее свободу покупать себе газеты, покупать себе центры политической организации» (там же, стр. 341).

Окончание гражданской войны для Ленина не означало прекращение «принудительности» в классовой борьбе с непролетарскими партиями.

Итак, политическая программа мясниковщины по отношению к пролетариату объективно состоит в попытке развязать буржуазные и мелкобуржуазные влияния на пролетариат. Таков классовый смысл этой, на словах «пролетарской», демократии.

Естественно, что, будучи агентом чуждых влияний в пролетариате, мясниковщина раскрывает им двери и в пролетарскую партию, в среду РКП.

Она делает это уже самым фактом своего существования, как подпольная фракция внутри РКП, проводящая свое влияние на партийную линию поведения всеми доступными средствами. Она, таким образом, разлагает партию не только проповедью своих мелкобуржуазных взглядов, расходящихся с программой и основами тактики партии, но и организационной формой своего существования, поскольку всякая фракционность есть опасность раскола, грозящего гибелью диктатуре пролетариата.

Это есть двоякое: идейное и организационное разложение РКП. Об «идеях» мясниковщины мы будем говорить

еще ниже. Остановимся здесь на ее партийно-организационных позициях.

«Манифест» уже не рассматривает РКП, как нечто единое и цельное. Партии в большевистском значении слова, т.-е. партийного большинства, устойчивости и преемственности в программе, тактике и организационных принципах, для него не существует. Когда «Манифест» не соглашается с партией, то он говорит не о партии, а о «руководящей в РКП (б.) группе».

Большинство партии — не партия, а «руководящая группа». Мы, мясниковцы, тоже группа, хотя еще и не руководящая.

Хорошо «руководящей группе», ей не нужна фракционная организация, у нее в руках партийный аппарат. А разве мы хуже другой «группы»? Что ж, что у нас пока нет в партии большинства? Владейте аппаратом, а нам дайте возможность строить свою фракционную организацию, авось мы вас современем вышибем и весь аппарат в свои руки заберем.

Вот каков ход рассуждений мясниковщины.

Оно построено на представлении о коммунистической партии, как о «федерации» различных групп, группочек, фракций, течений и т. д., и т. п. Его принцип: «Живи и жить давай другим».

Нетрудно видеть, как это рассуждение мясниковцами сначала применяется к рабочему классу, а потом к его партии.

Живи, коммунистическая партия, среди рабочих, но давай жить и анархистам, и меньшевикам, и кадетам, и эсерам.

Живи, «руководящая группа», в РКП, но давай жить и мясниковцам (и «демократическим централистам» и др. «течениям»).

«У нас коммунистического рабочего класса нет»,—таков вывод из применения принципа «живи и жить давай другим» к рабочему классу.

У нас есть коммунистическая партия, господа мясниковцы, вод из того же принципа по отношению к партии.

У нас есть коммунистическая партия, господа мясниковцы, так же, как есть и коммунистический рабочий класс. Партия не то, что вы хотите видеть в ней через ваши мелкобуржуазные очки. В партии господствует не «группа», а учение Ленина, ведущее за собой огромное большинство, сильное своим полным единодушием в вопросах программы, тактики, организации и во всяком практическом действии.

Не обманывайтесь, или—не обманывайте других!

Раздуть фракционность в РКП — такова практическая цель мясниковцев. Под флагом борьбы с «руководящей группой», конечно, легче провозить свой мелкобуржуазный багаж, чем, называя вещи своими именами, объявлять войну всей партии.

Но раздуть фракционность всего легче под соблазнительным для массы знаменем демократизма в партии. И вот, съезды партии именуются «съездами партийно-советских чиновников», объявляется, что ЦК РКП «сажает в ГПУ» всякого, кто его критикует и т. д., и т. п.

Мясниковцы ставят в неразрывную связь демократию в партии с своей «пролетарской демократией». О платформе «либе-

ралов в РКП», появившейся анонимно перед XII съездом, «Манифест» пишет, критикуя их «половинчатость» с своей точки зрения:

Ленин (в статье о РКИ) «идет навстречу либералам, обещает их включить в состав расширенного ЦК и ЦКК, ну, они, ведь, дальше этого и не идут. А само собой, разумеется, как только они окажутся в Цека, будет мир и в человецех благоволение. Разглагольствуя о свободной дискуссии внутри партии, они забывают маленькую мелочь—пролетариат. Ведь, без свободы слова пролетариату никакой свободы внутри партии никогда не было и не будет (стр. 91).

Мы уже знаем, что «свобода слова пролетариату», на языке мясниковцев, фактически означает свободу слова буржуазии и ее слугам. Точно так же ясно, что и «свобода внутри партии», которая ставится в связь со свободой буржуазии вне партии, есть понятие, отличное от нашего, большевистского понятия свободы в партии. Мясниковская «свобода в партии» есть свобода проповедывать противопартийные взгляды и организовывать фракции.

Такая «свобода в партии», действительно, тесно смыкается с квази-«пролетарской» демократией, ибо и то и другое есть развязывание буржуазной и мелкобуржуазной стихии в пролетариате и внутри его партии.

II.

«Пролетарская демократия» и Советы.

Исходя из своей политической программы «пролетарской демократии», «Манифест» берется за «реформирование» советской системы на основе «фабричных» советов.

Каковы же главнейшие предложения авторов «Манифеста»?

Уже требование свободы меньшевикам, эсерам и др. в рабочей среде означает допущение этих партий к руководству советами. РКП теряет не только монополию легальности. РКП теряет монополию руководства советами.

Это есть шаг к кронштадтской программе: «Советы без большевиков». Это есть советы еще с большевиками, но уже не только с ними, а вообще со всеми партиями (в том числе и советы с кадетами и монархистами...), какие только существуют и могут существовать «в рабочей среде».

Далее. Все острее критики существующей советской системы «Манифест» направляет исключительно на коммунистическую партию, объективно подготовляя тем самым «советы без коммунистов».

Главную опасность для Советской власти «Манифест» видит в перерождении. Кого? «Коммунистических чиновников», «слоя, занимающего командные посты», «кучки спевшихся и плотно осевшихся людей, спаянных единым желанием сохранить и политическую и экономическую власть в своих руках, конечно, из самых высоких соображений: во имя интересов пролетариата и мировой революции», и т. д.

Речь идет не о перерождении спецов,—ибо какое значение для них имеет мировая революция?—речь идет о коммунистах. И вот, от коммунистов он апеллирует на словах к массе, на деле—к меньшевикам, эсерам, анархистам, кадетам.

Этот «просто рабочий класс» (!!) «спасет» от перерождения нашу партию. Не беда, что кое-кто из этих «спасителей» (не все ли?) ничего другого, кроме бесконечной вражды, не питает к мировой революции и коммунистическому пролетариату...

Вражда к бюрократизму есть законнейшее явление, которое следует поощрять и культивировать в рабочей среде, но, борясь с бюрократическим злом, нужно уметь сохранять, укреплять и использовать централизованный аппарат власти.

Плохо, когда люди не умеют делать первого. Не умнее их анархисты, которые вообще «отрицают» государственный аппарат. К анархистам скатывается «Манифест», когда пишет, что вновь организованные фабричные советы «заменят наших высокоумных товарищей, управляющих хозяйством и страной».

Фабричный совет сам страной управлять не может. Для этого всякие советы, в том числе и «фабричные», должны будут выделить, волей-неволей, «высокоумных» товарищей». Реальное содержание анархистской фразы «Манифеста» может быть только одним: меньшевики, или эсеры, или кадеты, заменят большевиков. Место коммунистической «сплоченной группы» будет занято эсеровской и т. п. «сплоченной группой». Все остальное — сплошная пустая фраза и ложь. Масса может сменить, но не заменить собою вождей.

Кто говорит иначе, тот лжец, или недоумок. Исторической необходимости в политических вождях не будет только в коммунистическом строе.

Итак, и крики о «перерождении», и демагогия о невиданной «массовости» новых советов, бьют в одну цель: в РКП, в ее гегемонию, в ее главенство в советах.

Пойдем дальше.

По мнению автора «Манифеста», —«теперь приходится говорить не об улучшении советов, а об организации их» (стр. 84).

Иными словами, советов уже нет?

Вообще — ничего нет. Коммунистического рабочего класса — нет. Коммунистической партии — нет. Советов — нет. Остался один «человек на голой земле»—один «спаситель революции», «рабочая» мясниковская «группа»...

Таково сплошное ликвидаторство, преподносимое нам «Манифестом».

Вместо коммунистического рабочего класса перед нами предстала коалиция «рабочих» партий, как-то: кадетов, меньшевиков и др. Вместо РКП—коалиция фракций, течений, группировок. Что же останется от советов?

В чем же будет заключаться «организация их»?

В возврате вспять, к тем временам, когда советы еще не стояли у власти.

Вот как, по «Манифесту», они создавались когда-то:

> «В дни наивысшего революционного подъема рабочего класса, каждый цех завода выбирает депутата для предъявления требований администрации и правительству. Эти депутаты цехов для согласования своих требований сходятся на совет, совещаются—это и есть Совет Депутатов».

Так было, говорит «Манифест», и в 1905, и в 1917 годах. Уже тогда дело происходило не совсем «так». Можно ли, без оговорок назвать задачу захвата власти, и вообще руководство всей революцией, какое осуществляли Советы и в 1905, и тем более в 1917 году, «предъявлением требований администрации и правительству»?

Это—явная натяжка. Подобная характеристика не исчерпывала бы даже роли профсоюзов, не говоря уже о советах.

Но взглянем на дальнейшее описание судьбы советов. В 1917 г. развертывающаяся революция продиктовала рабочим советам объединение сначала с солдатскими, потом с крестьянскими.

При переходе к ним власти им пришлось «почти целиком заняться политической борьбой с восставшими бывшими рабовладельцами»... «За это время черты их производственности стираются»...

Те-те-те! Это уже не история, а фантазия чистейшей воды. Во-первых, «политическая борьба с рабовладельцами» и до захвата власти составляла главную сторону в деятельности советов. «Производственность» же в этот период только зарождалась, если под этим понимать зародыши рабочего контроля.

Во-вторых, после захвата власти политика осталась главной отраслью деятельности советов, как органов власти, но «производственность» не только не «стиралась», а расцвела пышным цветом, ибо известно, что именно на период 1918—20 гг. падают массовые национализации предприятий советами.

Но, говорит «Манифест», это было «единоличие», упразднение коллегиальности, и прочее: «А где же Советы Рабочих Депутатов на фабриках и заводах? Их нет»...—восклицает автор. Выходит, что единоличие не было советским управлением? Остается неизвестным, в чьих же руках находилось производство, хотя «Манифест» божится и клянется, что власть держал пролетариат.

Но, вот, гражданская война окончена. В положении советов наступает «диалектический» (ну, конечно же, диалектический!) возврат к исходной точке. Надо «повернуть не на словах, а на деле весь государственный аппарат лицом к производству», а для этого надо «воссоздать» советы не такими, какими их сделало пребывание у власти, а по-старому, до-октябрьскому типу. Точнее, к тому типу, какой для до-октябрьских советов нарисовало воображение автора «Манифеста».

«Повернуть весь государственный аппарат к производству»,—это пока еще просто фраза. Что конкретное скрывается за ней? Точных формулировок, к сожалению, в «Манифесте» нет.

Фабричные и заводские советы берут в свои руки управление предприятиями на местах,—таков единственный принципиально-«новый» смысл, до которого можно докопаться при внимательном чтении. «Организовать советы на всех национализированных фабриках и заводах»... говорится в начале стр. 84-й, а в конце ее: «Эти же Советы Рабочих Депутатов, встав во главе производства, во главе управления фабриками и заводами»..., повернут «весь государственный аппарат лицом к производству».

Советы эти, на съездах, будут выбирать (на съездах непосредственно? видимо, так) правления трестов, синдикатов и т. д.

Роль профсоюзов при этом такова:

«Советы управляют—союзы контролируют, вот суть взаимоотношения между этими двумя организациями в пролетарском государстве» (стр. 88). К сожалению, недостаточно ясно, в чем же разница между советами и союзами. Так, например, местный совет депутатов, положим, управляет фабрикой.

В то же самое время о местной ячейке «производственно-профессионального» союза говорится:

> «Местные заводские ячейки государственных фабрик и заводов превращаются, таким образом, в орган контроля».

Чем отличается местная «ячейка» союза, с точки зрения ее состава, от местного совета, кто управляет и кто контролирует на местах—неизвестно.

В довершение всего, говоря о контрольной роли союзов, о роли партии в деле контроля над советским производством, «Манифест» молчит, а слияние советской РКИ с партийной ЦКК встречает в штыки, как «бюрократическое», якобы, измышление.

Вопрос о соотношении рабочих и крестьян в советах, выдвинутый революцией, совершенно игнорируется «Манифестом». В ряде глав признается и одобряется новая экономическая политика, но все это остается в стороне, когда речь заходит о советах. Здесь как-будто для автора остается вопрос только об одном рабочем классе.

Ставить вопрос о создании аппарата власти так, т.-е. не учитывая основного условия удержания самой власти в руках пролетариата, каковым условием является союз с крестьянством, экономический—в нэпе, политический—в советах,—ставить вопрос так, значит вступить на путь убийственный для диктатуры пролетариата.

Итак, мы ясно видим тенденцию мясниковщины передать производство и контроль в руки профсоюзов, или советов, организованных по типу союзов, игнорируя роль партии и роль крестьянства в советах.

Это есть мелкобуржуазный синдикализм чистейшей воды.

В данном случае важны не столько практические предложения автора о реорганизации советов (трудно даже точно установить, что именно предлагается), сколько именно ход и уклон мысли автора. Революция-де «навязала» советам политику (т.-е. определенную политику, в форме руководства коммунистической партии), надо «повернуть» советы от политики (от партии) к «производству». Революция, мол, «навязала» советам руководство крестьянами теперь, когда «производство» завоевано, надо замкнуть советы в рамки «до-

революционные», в рамки чисто-рабочие, в рамки фабрик и заводов, почти-что слить с профсоюзами. *Только так* можно последовательно и *принципиально* защищать те позиции, которые выдвигает «Манифест».

Не случайно отводится на второй план *политика* (партия) и в то же время игнорируется союз с крестьянством. Не случайно, ибо вопрос об отношении к крестьянству есть *коренной* вопрос *политики* пролетариата в России. Не случайно, ибо этот вопрос может быть решен в советах выгодным для диктатуры пролетариата образом *только одной коммунистической партией, а никоим образом не «просто» рабочими,— кадетами, анархистами, беспартийными, эсерами или меньшевиками.*

Не случайно «производственность» советов в «Манифесте» идет по линии замкнуто-«рабочего» управления предприятиями, ибо именно в деле управления крупной промышленностью *политический недоучет роли крестьянства перейдет и в экономический разрыв социалистической промышленности с крестьянским хозяйством.*

Можно сказать, что мясниковщина в вопросе о советах с двух сторон подходит к *одной и той же политической* линии. С одной стороны—советы без коммунистов. С другой стороны—рабочие без крестьян (следовательно, и крестьяне без рабочих).

Раскол партии с советами, рабочих с крестьянами — *это две стороны одной и той же медали*, это — программа мелкобуржуазного разложения диктатуры пролетариата.

III.

Социальные корни «мясниковщины».

Подводя вкратце итоги, можно установить *три* основных направления, по которым мясниковщина ревизует основы ленинизма и тактику РКП. Эти три направления следующие:

Во-первых. Развязывание буржуазной и мелкобуржуазной стихии внутри пролетариата («пролетарская демократия») и внутри коммунистической партии (тоже «пролетарская демократия», *включающая* фракционность). Это проникновение враждебных сил объективно подготовляет *раскол* в пролетариате и *раскол* в партии, что неминуемо ведет к гибели диктатуры пролетариата.

Во-вторых. Лишение советов руководства и главенства в них коммунистической партии, подготовка *раскола между партией и советами*, т.-е. рабоче-крестьянской массой, что объективно, прямо или через ряд промежуточных ступеней, ведет к полной буржуазной реставрации.

В-третьих. Ослабление связи рабочего класса с крестьянством в советах, означающее, в тенденции, раскол *между пролетариатом и крестьянством*, неминуемо ведущий к гибели диктатуры пролетариата в России.

Всякий видит, что здесь ревизуются именно *основы* большевизма-ленинизма. Диктатура пролетариата в России держится

союзом рабочих с крестьянами и руководством РКП. Под союз рабочих и крестьян подкладывают мины. Коммунистическую партию отрывают от власти и, вдобавок, раскалывают ее (партию) фракционностью.

Людям, упорно защищающим подобные тактические принципы (принципы *ликвидации* диктатуры пролетариата), *не место* в РКП, и они из ее рядов изгнаны.

Их программа есть типичная программа современного *ликвидаторства*, выходящего, под давлением нэп'а, из рядов нашей партии.

Какова же социальная подкладка этого современного ликвидаторства?

Общеизвестный факт укрепления благосостояния и роста мелкой буржуазии, как деревенской, так и городской, служит достаточным ответом на этот вопрос в его *общей* форме. Окрепшая мелкая буржуазия политически «оживает», сея сомнения в твердости и спасительности диктатуры пролетариата. Класс, не умеющий самостоятельно строить, но умеющий *разлагать* чуждый ему общественный порядок, эта мелкая буржуазия политически выявляет себя, главным образом, требованиями *отрицательного* свойства: советы *без* коммунистов, партия *без* стеснения свободы фракций и группировок, крестьянство *без* пролетарского руководства *и т. д.*

Мелкобуржуазная программа есть программа *сплошных расколов и разложения*. Иначе и не должно быть, пока *объективной* задачей мелкобуржуазной контр-революции в России остается *ликвидация* (внутреннее разложение и гибель) *диктатуры пролетариата.*

Дело такой контр-революции ликвидировать, а строить придет настоящая, *буржуазная* контр-революция.

Но указание на рост политической активности мелкой буржуазии, колеблющейся между капитализмом и социализмом, решает вопрос о социальной подпочве современных ликвидаторских уклонов в РКП лишь, повторяем, в *общей* форме, в смысле их *объективно-классовой* роли в нашей стране. Не имея особых своих партий, мелкая буржуазия навязывает политическое представительство отдельным, наименее устойчивым элементам из рядов РКП.

Но остается еще вопрос, почему мелкобуржуазные настроения могут находить и находят «созвучные» отклики в рабочей среде?

Наиболее резко мелкобуржуазные колебания проявила часть нашего пролетариата в кронштадтские дни 1921 года. Объективные условия, вызвавшие колебания тогда, заключались в процессе деклассирования пролетариата, оборотной стороной которого (процесса) явилось усиление связей пролетариата с деревней, требовавшей тогда свободы товарооборота.

Мы, конечно, не застрахованы в будущем от повторения аналогичных тяжелых объективных условий. Но, оглядываясь на истекшую пару лет (1922—1923), нельзя не видеть, что условия менялись в *обратную* сторону. Процесс деклассирования промышленного пролетариата заменился ростом и улучшением ма-

териального положения пролетариата. При этом рабочий и безработный идет уже не из города в деревню, как это было в 1921 г., а из деревни в город.

При таких условиях, когда экономические связи рабочей массы с мелкой собственностью не укрепляются, а порываются, естественно, мы видим не взрыв мелкобуржуазной стихии внутри рабочего класса, а подъем классового сознания рабочих, выразившийся в ленинском призыве и пр.

Однако, это верно для массы рабочих, для ее классового массива, большинства. Но это не значит, что в пролетариате совсем исчезли отдельные группы и слои, которые даже на фоне общего классового роста способны временно поддаться мелкобуржуазной деградации.

Наш рабочий, как и прежде так и всегда, и везде) черпается преимущественно из мелкой буржуазии. Даже оторвавшись от мелкой собственности экономически, рабочий способен некоторое время идеологически (и психологически) воспроизводить мелкого буржуа, его иллюзии, его колебания. Определение общественного сознания общественным бытием есть процесс, происходящий не сразу, не в один день.

Когда власть находилась в руках буржуазии, то нужны были многие десятилетия (если не столетия), чтобы пролетариат из «класса в себе» мог превратиться в «класс для себя». У нас этот процесс идет скорее, пойдет еще скорее, но все-таки он останется процессом и для него нужен не один день.

Если с этой точки зрения подойти к периоду 1922—1923 гг., когда зародилось течение «мясниковщины», то мы должны будем искать ее корней в той мелкобуржуазной ограниченности, которая, в форме цеховщины, воспроизводится у ничтожных групп рабочих (ибо ее политический удельный вес именно ничтожен), в условиях роста их материального благосостояния за годы нэп'а.

Весь рабочий класс России, улучшая свое экономическое положение, черпает в этом новые силы для дальнейшей борьбы за коммунизм, за уничтожение классов. Всякое бытовое улучшение рассматривается им, как ступень, средство для усиления дальнейшей борьбы.

Но в его среде есть незначительные группы (лучше оплачиваемые, или связанные еще с мелкобуржуазной средой), которые смотрят на улучшение своего материального положения по-мелкобуржуазному. Для них нэп — не есть трудный и чреватый опасностями этап борьбы. Для них нэп, это — тихая пристань. Они почувствовали возможность лучше жить, отдохнуть от гражданской войны и революционных потрясений, и кроме этого ничего не хотят знать. «После нас — хоть потоп»...

Это — глубоко-обывательское, по сути дела мелкобуржуазное настроение, но оно овладевает частью пролетариата и даже частью нашей партии.

«Они» устали от гражданской войны и хотят «гражданского мира», прекращения классовой борьбы. Зато «они» чересчур «требовательны» к пролетариям других стран, чье дело — «кровавая война» с буржуазией. «Их утомила» диктатура пролетариата, «они» желают легализовать эсеров, меньшевиков и т. п. В «их», «рабочей» среде — «все равны»: большевики, меньшевики, кадеты. «Все — рабочие»... Им надоела «политика», они хотят заняться только хозяйством, «производством». Им нет дела ни до крестьянства, ни до кого другого, кроме самих себя («просто — рабочие»)...

Все это — обывательская «простота», которая, однако, хуже воровства, так как она пахнет изменой боевым задачам своего класса.

Может возникнуть, однако, такой вопрос. Одна из основных тенденций мясниковщины состоит в недоучете роли крестьянства в деле удержания диктатуры пролетариата. Говоря более общо, «недоучитывается», с точки зрения пролетариата, роль мелкой буржуазии. Можно ли характеризовать, как «мелкобуржуазный», тот уклон, который «недоучитывает» мелкую буржуазию? Не парадокс ли это?

Парадоксальность здесь чисто-кажущаяся. Были же в российской социал-демократии оппортунисты «рабочедельцы», отрицавшие допустимость блоков с либералами, что не мешало им проводить в рабочей среде буржуазные и мелкобуржуазные тенденции? Не заключается ли, с другой стороны, мелкобуржуазная революционность сплошь и рядом в огульном отрицании блоков и компромиссов с мелкой буржуазией?

В данном случае, при «недоучете» крестьянства, мы имеем, с одной стороны, предательство общеклассовых интересов пролетариата под видом (в форме) защиты «чисто-рабочих» интересов; с другой стороны, так-сказать, «смотри на обороте»: мелкобуржуазная тенденция под видом (в форме) «разрыва» с мелкой буржуазией.

Та же самая крестьянская, мелкобуржуазная (вообще), ограниченность воспроизводится на новой базе, в новых социальных условиях, как социальный «атавизм», пережиток прошлого, отрыжка. Новые условия требуют новой формы и подчас эта форма прямо противоположна прежней, хотя и выражает то же самое (мелкобуржуазное, крестьянское) социальное содержание.

Подобные «овидиевы превращения» совсем не редкость в истории оппортунизма, анархизма и мелкобуржуазной «революционности».

* * *

«Мясниковщина» в цепочке мелкобуржуазных влияний на пролетариат представляет собою не единственное звено, точно так же, как она не может служить «шаблоном» для этих влияний. Они проявляются в различной форме и бывают различны по глубине.

Беря современные мелкобуржуазные влияния, развившиеся, или находящиеся в зародыше, около и отчасти внутри рабочего класса, мы могли бы их расположить, примерно, в следующем нисходящем порядке:

1. Меньшевики (и эсеры), требующие полной буржуазной демократии. Сюда относится, в основном, и «Рабочая Правда».
2. Мясниковщина с ее «пролетарской демократией», откры-

вающая перед буржуазией возможность утверждения своих позиций в рабочем классе.

3. «Оппозиция» в РКП, разнородная по составу, но единая в стремлении ревизии большевизма, осужденная январской всесоюзной конференцией, как мелкобуржуазный уклон, как проявление буржуазного влияния на отдельные отряды пролетариата.

При этом, если взять меньшевизм, мясниковщину и «оппозицию» 1923—24 годов, то придется отметить, что недоучет роли крестьянства в революции составляет существенную черту всех этих трех течений, хотя, конечно, в различной форме и в различной степени.

Объективная сцепка, ступенчатость указанных трех группировок, отнюдь не требует от нас одинакового отношения к ним. Грубо-демагогически поступали те товарищи из «оппозиции», которые говорили: «раз вы обвиняете нас в меньшевизме, то исключайте из партии!».

Еще т. Ленин разъяснял т. Шляпникову и «рабочей оппозиции» в 1921 году, на X съезде партии, что слово «уклоны» взято именно потому, что уклон может быть исправлен внутри партии. Он соглашался даже на еще более мягкое слово, если б это слово было предложено.

Именно так партия взглянула на последнюю «оппозицию». Партия ее уже изживает, почти безболезненно, без единого откола.

Иное отношение к мясниковцам, подрывающим основы партии, не желающим знать партдисциплины, не подчиняющимся постановлениям ее съездов и ЦК, проводящим свою, отличную от партии, тактику, создавшим свою особую организацию. Разлагать свои ряды РКП не позволит.

Но методы борьбы с уклонами уже не составляют предмета нашей статьи. Ограничимся сделанной здесь беглой характеристикой одного из примеров мелкобуржуазного перерождения.

А. Стецкий.

Основные вопросы внутренней торговли.

„Вопросы торговли становятся перед партией во весь свой рост". Из резолюции XIII партконференции.

I.

Промышленность и рынок.

Советский Союз вступил в четвертый год нэп'а. И именно теперь те задачи, которые в общих чертах намечались перед партией три года тому назад, те опасности и трудности, которые тогда партия предвидела, встают перед нею реально, практически в их полном объеме.

Особенно относится это к вопросу, который является осью новой экономической политики,—вопросу смычки между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством.

Прошлые годы нэп'а промышленность развертывалась, главным образом, на базе городского рынка. На этом рынке она реализовала и реализует теперь большую часть—70% своей продукции, в то время как на долю крестьянского рынка приходилось лишь 30%. Крестьянство в эти годы обслуживалось главным образом частной мелкой промышленностью, арендованной и кустарной, которая в отличие от государственной промышленности 70% своей продукции реализовала на крестьянском рынке и лишь 30% на городском. «Таким образом, крестьянство живет своим обособленным рынком, реализует на этом рынке хлеб и получает за него от местной мелкой промышленности необходимые товары. А городская промышленность живет своим замкнутым городским рынком и только-только начинает выступать на рынок крестьянский» *).

Опасности такого положения очевидны. Процесс превращения крестьянского хозяйства в самодовлеющее целое, со своим собственным рынком и своей частной промышленностью, составляет самую непосредственную и сильную угрозу для рабочей диктатуры и социалистического хозяйства. Он может привести к крушению нашу экономическую политику. Но такое положение является нетерпимым уже сейчас и с точки зрения интересов дальнейшего развития нашей крупной промышленности.

Базируясь на городском рынке, промышленность достигла своих первых успехов, подняв свою продукцию с 15% довоенного уровня

*) «Русская промышленность в 1923 г.» Изд. ВСНХ.

в 1920—21 гг. до 33—35% в прошлом году. Темп восстановления был достаточно быстрый: в течение двух лет продукция промышленности была увеличена в два раза. Однако, объем городского рынка весьма ограничен. Его узость ставит определенные границы развитию нашей промышленности и теперь можно говорить с уверенностью, что промышленность к этим границам уже подошла. Если раньше промышленность не испытывала особых затруднений в сбыте, то теперь для всех отраслей тяжелой и легкой индустрии этот вопрос встал в самой острой форме. Он стоит сейчас перед такими отраслями, которым, как, например, нефтепромышленности, никогда раньше не приходилось особенно заботиться о сбыте своей продукции и искать для нее покупателей. Расширение производства упирается сейчас не в недостаток сырья или топлива, не в ограниченность финансирования и кредитования, а в вопросы сбыта продукции.

Для того, чтобы продолжать свое развертывание, восстанавливать свою продукцию прежним темпом, промышленность должна перейти на более широкую рыночную базу. Такой базой является крестьянский рынок. Опыт осеннего кризиса сбыта и его отражение на промышленность подтверждает это положение. До октября прошлого года, несмотря на усиливающееся расхождение ножниц, несмотря на рост цен промышленных фабрикатов, продукция промышленности непрерывно увеличивалась и особенных затруднений со сбытом продуктов не было. Ежемесячная ценность продукции государственной промышленности возросла в круглых цифрах с 85 миллионов довоенных рублей в октябре 1922 года до 110 миллионов в сентябре 1923 г. Октябрь прошлого года дал максимальную цифру в 120 миллионов рублей.

Осенью промышленность сделала первый раз в большом масштабе попытку выйти на крестьянский рынок. Эта попытка окончилась неудачей. Крестьянство объявило, по выражению тов. Каменева, забастовку: оно не приняло фабрикатов промышленности из-за высоких цен. Следующие данные ВСНХ о ежемесячной продукции в первое полугодие 1923—24 гг. показывают, как отразился на государственной промышленности этот отказ крестьянства от покупки товаров:

Октябрь 1923 г.	120 милл. рублей.
Ноябрь „	115 „ „
Декабрь „	113 „ „
Январь 1924 г.	118 „ „
Февраль „	119 „ „
Март *) „	115 „ „

Цифры указывают, таким образом, на некоторое понижение продукции. Крестьянский рынок не принял продукцию промышленности, и в результате мы имеем остановку ее подъема. Очевидно, городской рынок уже не может служить базой дальнейшего развертывания промышленности, дальнейший ход зависит от того, сумеет или нет промышленность разрешить проблему перехода на крестьянский рынок. «Строить на этом (городском) рынке подъем нашей промышленности невозможно. Единственная здоровая почва для восстановления промышленности—это ориентировка на широкий крестьянский рынок» **).

*) Данные за март неполные.

**) „Русская промышленность в 1923 г.“ Изд. ВСНХ, стр. 13.

Осенний кризис показал и те препятствия, которые стоят перед нашей промышленностью на пути к крестьянскому рынку. Первым препятствием являются ножницы. О них много говорилось на XII партсъезде и после него. Однако, несмотря на эти разговоры, ножницы продолжали раздвигаться и цены на промышленные фабрикаты повышались в течение всего лета. Осенью эти ножницы практически обернулись против нашей промышленности и грозили срезать ее успехи. Борьба с ножницами является, поэтому, первым условием успешной ориентировки промышленности на крестьянский рынок. Оживление конъюнктуры, усиление спроса из деревни, которое происходит теперь и которого партия достигла в результате своей борьбы с ножницами и регулирования цен, говорит за то, что этим путем можно добиться значительного расширения емкости рынка и тем самым обеспечить дальнейшее развертывание нашей промышленности.

Препятствие лежит и в слабой организации нашей торговли с деревней. Кризис выявил неприспособленность, громоздкость, бюрократичность наших торговых органов и кооперации; малый охват ими деревенской торговли. Острота осеннего кризиса в значительной степени объяснялась тем, что массы товаров вместо того, чтобы находиться в деревенских лавках, лежали на городских складах синдикатов, торгов и кооперации. «В настоящее время,—говорит проф. Кафенгауз,—эти относительно небольшие запасы товаров давят на рынок понижающе и тормозят дальнейшее развитие производства, главным образом, потому, что все эти запасы сконцентрированы в центре и в немногих наиболее крупных центрах» *).

Поэтому ориентировка промышленности на крестьянский рынок делает необходимой соответствующую ориентировку на деревенскую торговлю и наших торговых органов, прежде всего кооперации. Перед партией стоит задача приспособления этих органов к деревенской торговле, их упрощения, придания им большей гибкости для того, чтобы проложить через них дорогу фабрикату нашей промышленности в самую глубь деревни.

Не так давно внимание партии и Советской власти приковывали к себе вопросы организации промышленности и ее финансирования; снабжения ее топливом и сырьем. Этими вопросами, главным образом, определялось развертывание промышленности. Теперь времена изменились. Организация промышленности закончена; топливом и сырьем она обеспечена; финансовое положение ее значительно крепче, чем раньше. На первый план выдвигаются сейчас вопросы рынка, сбыта продукции. «Вопрос организации торговли является боевым для предстоящего года»,—говорится в отчете ВСНХ II Съезду Советов СССР. От решения этой проблемы рынка и торговли зависит теперь дальнейший ход восстановления нашей промышленности.

*) «Русская промышленность в 1923 г.» Изд. ВСНХ.

II.

Частный капитал.

Три прошедшие года нэп'а были не только годами социалистического накопления, подъема государственного хозяйства; они были также годами накопления и роста частного капитала. О том, что рыночная стихия, свобода торговли породит неизбежно капитализм, не было ни у кого сомнений. На этот неизбежный рост частного капитала, на опасности, которые грозят рабочей диктатуре с этой стороны, Ленин указывал в каждой своей статье и речи, посвященной новой экономической политике. Теперь эта опасность приняла реальный облик. Вопрос: кто кого перегонит, кто захватит в свои руки смычку, товарооборот с крестьянством, ставится практически, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Частный капитал действовал эти три года, рос и накоплялся, главным образом, на рынке, в сфере товарооборота. Здесь он делал свои первые шаги и здесь он добился первых успехов. О том, каковы эти успехи, можно судить по данным, собранным статистикой НКФ и опубликованным в № 6 «Экономического обозрения».

Следующая таблица дает картину роста количества торговых заведений государственных, кооперативных и частных по СССР.

Количество торговых предприятий по СССР

(в абсолютных и относительных числах).

Виды торговли.	Октябрь - Декабрь 1922 г.		Январь—Март 1923 г.		Апрель—Сентябрь 1923 г.	
Государствен. . .	2.481	1,4%	7.707	1,9%	11.215	2,6%
Кооперативн. . . .	8.076	4,6%	25.978	6,4%	27.820	6,5%
Частных	165.903	94,0%	373.277	91,7%	390.287	90,9%

Если рассматривать процентные отношения и относительный рост предприятий каждой группы, то картина получается как-будто утешительная: государственные и кооперативные предприятия растут относительно несколько быстрее частных. Однако, их количество тонет в массе частных предприятий, составляя за последний период лишь 9,1% общего числа предприятий. К этому необходимо добавить, что количество государственных и кооперативных предприятий увеличивается, главным образом, по графам крупных предприятий городского типа. Мелкая разносная, палаточная и лавочная торговля находится целиком от 78,4 до 99,4% в руках частных торговцев. А торговля этого типа и есть деревенская торговля. Таким образом, перевес в деревенской торговле находится определенно на стороне частного капитала. Обследование деревенской торговли, произведенное Комвнуторгом в прошлом году и показавшее, что по отдельным районам в руках частных торговцев находится от 74% до 95% деревенской торговли, подтверждает правильность этого положения.

Каков удельный весь частной торговли, и какова ее тенденция,— показывает следующая таблица оборотов государственной, кооперативной и частной торговли:

Оборот в тысячах золотых рублях и в процентах.

Виды торговли.	1922 года.				1923 год.			
	Окт.—Декабрь.		Январь—Март.		Апрель—Июнь.		Июль—Сент.	
	Всего р.	%	Всего р.	%	Всего р.	%	Всего р.	%
Государств.	82.975	19,1	55.932	10,1	53.591	12,5	73.216	11,6
Кооператив.	37.791	8,7	61.410	11,1	64.794	15,2	84.622	13,4
Частная . .	314.215	72,2	435.079	78,8	309.415	72,3	472.312	75,0
Итого .	431.981	100	552.421	100	427.800	100	630.150	100

Цифры говорят не только о внушительности оборотов частной торговли и ее удельного веса; они показывают весьма значительный темп роста этих оборотов и вместе с тем увеличение удельного веса частной торговли. В то время как оборот государственной торговли несколько понизился, оборот частной торговли вырос за год на 50%, а удельный вес ее в обороте страны повысился с 72,2 до 75%. Кооперативный оборот, правда, рос сильнее, но доля его 13,4% в обороте страны весьма незначительна.

Перед нами, таким образом, весьма серьезное и абсолютное, и относительное увеличение роли частного капитала в нашей торговле. Если принять во внимание, что некоторая доля оборота, особенно оборота частного капитала, ускользает от учета НКФ, то это усиление частного капитала в действительности, вероятно, еще больше.

Каково соотношение государственного, кооперативного и частного капитала по отдельным видам торговли,—можно судить по следующим данным ЦУС, относящимся к концу 1922 г.:

Область применения.	Государствен капитал.	Кооперативный.	Частный.
Розничная торговля . . .	6%	10%	84%
Оптово-розничная	38.9%	10,7%	50,4%
Крупно-оптовая	77,%	9%	14%

Таково положение, зафиксированное нашей статистикой свыше года тому назад. Оптовая торговля и значительная часть оптово-розничной торговли находились тогда в руках государственных органов, и благодаря этому государство экономически держало рынок в своей власти

и могло им командовать. За это время положение изменилось. Предыдущие таблицы показали значительное усиление роли частного капитала в общем обороте. Безусловно, эта роль усилилась и в оптово-розничном обороте.

Процесс накопления частного капитала, укрупнение отдельных состояний продвинулось вперед. Частный капитал уже не довольствуется своей ролью в розничном и оптово-розничном обороте. Он пытается теперь захватить прочные позиции, в опте и делать свою собственную торговую политику. Статистика Московской Товарной Биржи, играющей весьма значительную роль в оптовом обороте страны, отмечает за последнее время значительное усиление частного капитала в биржевых и внебиржевых оборотах, особенно в покупках. Серьезного внимания заслуживает то, что частные оптовики стремятся захватить в свои руки, прежде всего, наиболее ходкие товары широкого потребления. В торговле мануфактурой и мясом частная торговля приняла размеры, которые должны вызвать тревогу партии. Оптовая торговля мясом на 70% находится в руках частных торговцев. Роль частного капитала в оборотах по покупкам мануфактуры поднялась с 27% в сентябре прошлого года, до 53% в январе этого года, а в настоящее время составляет около 60%. В то же время в оборотах по продаже мануфактуры доля частного капитала измеряется всего несколькими процентами. Это обстоятельство указывает на то, что частные оптовики придерживают мануфактуру. С какой целью это делается,—ясно само собой. Здесь мы видим серьезную попытку частного капитала противопоставить государственному регулированию торговли и нашей политике цен. регулирование торговли и цен в своих интересах, путем сосредоточения в своих руках запасов ходких товаров.

Каково может быть наше отношение к этим фактам роста частного капитала?

Разумеется, сейчас не может быть никакой речи о радикальном вытеснении частного капитала из всех областей торговли. Кооперативный и государственный аппараты еще слишком слабы и не в состоянии заменить собою сеть многотысячных предприятий, которыми частная торговля раскинулась по нашей республике, особенно в деревне. Попытка такого вытеснения частной торговли явилась бы полным крушением новой экономической политики: частный розничник, особенно в деревне, выполняет в данное время, при недостаточном развитии кооперации, необходимую для нас роль, являясь передатчиком городских товаров в деревню. К этому надо добавить, что частный капитал в розничной торговле не представляет для нас серьезной опасности, так как он распылен, раздроблен на мелкие и мельчайшие частицы.

Однако, мы не должны ни на минуту забывать, что мельчайшие частицы частного капитала кристаллизуются и будут кристаллизоваться все сильнее в более крупные, что они станут подчинять себе все больше не только одну деревенскую торговлю, но и всю деревенскую экономику, и что поэтому необходима усиленная работа над укреплением кооперации в деревне, приспособлением ее к деревенской торговле, обеспечением ее конкуренции с частным торговцем.

Серьезнее обстоит дело с вопросами оптовой торговли. Этот вид торговли представляет одну из командных высот в нашей системе государственного капитализма. Сохранение ее в своих руках дает возможность государству распоряжаться рынком. Поэтому наступление частного капитала на эту высоту составляет для нас самую непосредственную угрозу, которую необходимо теперь же отвести.

Те успехи, которые частный капитал делает теперь в опте, являются в значительной степени результатом нашего собственного недосмотра и попустительства. Не так давно, частный капитал наживался на неумении торговать наших госорганов, на комиссионных посреднических операциях между ними и проч. Факты говорят о том, что и сейчас мы в некоторых отношениях сами помогаем крупному частному торговцу. Данные о сделках между госорганами и частными торговцами показывают, что частные торговцы получают товары от госорганов на гораздо более выгодных условиях, чем госорганы от частных торговцев.

Несмотря на острую нужду в средствах кооперации и госорганов, наши банки продолжают оказывать довольно крупный кредит частным торговцам, особенно путем косвенного кредитования. Наконец, до сих пор многие тресты предпочитают сбывать товар (иногда по нужде, из-за недостатка средств) частному оптовику. вместо кооперации. Необходима борьба прежде всего с этим попустительством.

Кроме того, можно теперь уже провести целый ряд мер, которые дадут возможность ограничить поле деятельности частного оптовика и усилить влияние государства на рынке. Эти меры заключаются в установлении непосредственной связи между торговыми госорганами и частным розничником. Частный розничник теперь торгует товаром государственных предприятий, но этот товар он получал через частного оптовика. Установлением непосредственной связи синдикатов и трестов с частным розничником не только устраняется посредник-оптовик и сокращается его поле деятельности, но одновременно ставится в зависимость, под контроль и регулирующее воздействие государства и розничная торговля. Тем самым делается крупный шаг в деле проведения системы государственного капитализма.

Ясно, что всеми этими мерами не удастся сразу уничтожить уже существующий в опыте частный капитал; быть-может, удастся лишь несколько замедлить темп его развития. Встает вопрос, какими же мерами его обезвредить? Радикальные меры в роде дробления и конфискации не решают вопроса, так как, пока существует нэп, рыночная стихия будет снова и снова выделять из себя этот крупный оптовый капитал. Единственный выход, указанный Лениным в его статьях о новой экономической политике,—это включение частного капитала в систему государственного капитализма, подведение его под контроль наших государственных органов. Путем акционирования частного капитала, создания смешанных обществ мы можем не только обезвредить частный капитал, но и регулировать его деятельность, использовать его в своих целях и заставить делать нашу политику. Этот метод придется, очевидно, применить до той поры, покуда наши синдикаты, тресты и кооперации, окрепнув и научившись торговать, не вытеснят совершенно частный капитал путем конкуренции с оптового рынка.

III.

Новый курс в кооперации.

Нашим главным орудием в борьбе против частного торгового капитала является кооперация. Однако, значение кооперации в советских условиях далеко не исчерпывается этой борьбой. Владимир Ильич в своих последних статьях первый указал на то, какую исключительную роль должна играть у нас кооперация и в деле строительства социализма. «У нас действительно,—говорил он,—раз государственная власть в руках пролетариата, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас действительно задачей осталось только кооперирование населения. Никакие другие премудрости не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму».

Нечего и говорить,—мы еще очень далеки от задачи поголовного кооперирования населения и полного вытеснения частного капитала в торговле кооперацией. Сам Владимир Ильич считал, что для этого нужна целая историческая эпоха в одно - два десятилетия, нужна целая культурная революция, особенно в деревне, поголовная грамотность и т. д. Но нашла ли кооперация, по меньшей мере, правильный подход, нужные методы и организационные формы для того, чтобы приступить к выполнению своей грандиозной исторической задачи?

Осенний кризис, помимо всего прочего, выявил такие недостатки в организационных формах и такие уклоны в работе кооперации, которые ставили сильное препятствие ее успешному развитию и затрудняли ея работу невыполнением задачи, указанной Владимиром Ильичем. Он доказал необходимость перестройки кооперативного аппарата и изменения направления его работы. Осенний кризис представляет поэтому очень важную дату в истории нашей кооперации.

В эпоху военного коммунизма кооперация была распределенческим органом государства. С переходом к новой экономической политике ей предстояло сделаться органом широких потребительских масс, в первую очередь рабочих и крестьян, формой их добровольного объединения для удовлетворения своих потребительских интересов, помимо частного торговца. Разумеется, такой крутой поворот не так то легко было сделать, тем более, что переход на самостоятельную чисто-кооперативную работу совершался не сразу, и кооперация еще в 1921 году занималась товарообменом по заданиям и планам Наркомпрода. Задержкой в этом превращении государственного органа в настоящую потребительскую кооперацию являлся и запоздалый переход на добровольное членство, начавшийся лишь в прошлом году. Поэтому традиции военного коммунизма, централистского государственного органа, были изжиты кооперацией не сразу. Они сказывались и сказываются еще теперь на кооперативном аппарате, на характере работы кооперации и мешают ей установить прочные, живые непосредственные связи с обслуживаемой ею потребительской массой.

Кооперация перешла в 1921 году на хозрасчет с большим недостатком оборотных средств. Вместо того, чтобы пополнить эти средства, опираясь на потребителей, заинтересовывая их в кооперативной работе, привлекая их к участию в кооперации, кооперативные организации по-

шли по линии наименьшего сопротивления и занялись увеличением этих средств посредством торговли. Прибыльный торговый оборот, а не обслуживание в первую очередь потребительской массы, стал целью кооперативных организаций и в значительной степени самого Центросоюза. Такое направление работы имеет свою логику и эта логика не замедлила сказаться на кооперации. Кооперация стала гнаться за прибыльным товаром и пренебрегать товаром малоприбыльным. В кооперативных лавках можно было достать духи и помаду, предметы роскоши и вино, но нельзя было достать основных предметов широкого потребления: соли, керосину, сахару. Эти товары, являющиеся как-раз предметами широкого потребления рабочих и крестьян, были в загоне у кооперации и, как малоприбыльные, были отданы ею частному торговцу. Когда правительству пришлось взяться за регулирование цен, оно столкнулось с большими трудностями, т. к. именно в регулировании первейших предметов необходимости кооперация не могла оказать поддержку правительственным органам: этих предметов не было в кооперативных лавках.

В результате этого уклона в работе, кооперативные организации превратились или были близки к тому, чтобы превратиться в обычные торговые учреждения, а сам Центросоюз стал крупной торговой конторой, занимавшейся разнообразными операциями, мало имевшими отношения к кооперативному делу. Занявшись чистой торговлей, кооперация повернулась спиной к широкой потребительской массе и оторвалась от нее. С полной явностью это противоречие кооперативной практике ея задачам выяснилось с момента кризиса, когда Центросоюз, на складах которого скопились товарные массы на полтораста миллионов рублей, вынужден был, как владелец этой массы, противодействовать понижению цен во избежание убытков, вместо того, чтобы содействовать тому понижению цен в качестве органа потребительских интересов населения.

Но, занявшись чистой торговлей, кооперация все же плохо справлялась с задачей конкуренции с частным капиталом. Объясняется это, главным образом, сложным, громоздким, централистским построением кооперативного аппарата и его работы. Главным закупщиком товаров для кооперации был Центросоюз. Отсюда товар направлялся к потребителю, и, прежде чем попасть ему в руки, он должен был пройти ряд ступеней кооперативной лестницы. Прохождение этой лестницы сопровождалось прогрессивным увеличением цены товара, при чем иногда увеличением не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Данные Комвнуторга, относящиеся к октябрю прошлого года, дают следующую картину роста цен на отдельных ступенях кооперативного аппарата. (Трестовская отпускная цена принимается за 100):

	Ситец.	Гвозди.	Керосин.	Сахар.	Соль.
В Губсоюзе	174	136	100	162	107
„ Райотделен.	191	149	109	169	105
„ губернск. ЕПО . . .	186	127	110	151	114
„ уездн. ЕПО	182	146	119	158	109
„ сельск. ЕПО	243	177	128	222	121

Таким образом, в результате движения по кооперативному аппарату цена на ситец возрастала почти в 2,5 раза. Со спичками дело

обстояло так, что в некоторых местах их цена увеличивалась в 5 раз. Эти факты показали, что причины «ножниц» лежат не только в промышленности, а и в организации торгового аппарата и прежде всего кооперации, и что борьба с «ножницами» должна также по линии упрощения и удешевления кооперативного аппарата.

Другим следствием чрезвычайного централизма всей кооперативной системы было то, что места часто не могли получить нужных им товаров и получали такие, которые не находили себе сбыта среди местного населения. При бюрократическом строго централистском построении системы это было неизбежно.

Уроки кризиса заставили и партию, и кооперацию приступить к пересмотру организации кооперативного аппарата и направления его работы. Результаты этого пересмотра заключаются в том, что кооперации нужно стать настоящей потребительской кооперацией, взять курс на потребителя, подчинить свою работу не интересам чистой торговли, а интересам потребителей, упростить и удешевить свою организацию, сделать ее более гибкой и подвижной.

В области организационной работы кооперация соответственно новому курсу должна приступить к укреплению и расширению сети низовых кооперативов, которые непосредственно обслуживают рабочего и крестьянского потребителя. Эта линия организационной работы была намечена уже четвертым ноябрьским собранием уполномоченных Центросоюза. «Центром тяжести всех организационных мероприятий ближайшего времени,—говорилось в резолюции собрания,—должна стать широкая действительная организация потребителя в городе и деревне в кооперативные потребительские общества». Укрепление и расширение этой низовой сети должно послужить прочным фундаментом дальнейшего развития кооперации.

В области торговой деятельности кооперации этот новый курс диктует переход на обслуживание потребительских нужд, в первую очередь рабочего и крестьянина. Кооперация должна прекратить торговлю товарами, не являющимися предметами широкого потребления. Вместо парфюмерии, вин, предметов роскоши—соль, сахар, керосин, спички, ситец должны занять главное место в ее товарном ассортименте. Необходимо высвободить кооперативные средства из всех операций, не имеющих отношения к кооперативной работе, из торговли «прибыльными» товарами и обратить их на торговлю предметами широкого потребления. Ассортимент товаров, которыми торгует Центросоюз и который достиг 2000 названий, должен быть максимально сокращен в этом направлении.

Переход на добровольное членство необходимо ускорить и закончить в ближайшее время. Добровольное членство укрепит связь потребителя с кооперацией и увеличит его заинтересованность в работе своего кооператива, внимание к нему. Нет сомнения, что при осуществлении этого перехода рабочие и крестьяне будут крепко держать в руках свои кооперативы и заставят их служить своим потребительским интересам, а не интересам чистой торговли. Вместе с тем, этот переход дает кооперации необходимые оборотные средства в виде паевых взносов, значение которых в капиталах кооперации было до сих пор очень незначительно, и которые представляют главный здоровый источник кооперативных средств.

Что касается упрощения кооперативного аппарата и его удешевле-

ния, то оно должно выразиться в ликвидации целого ряда промежуточных ступеней между кооперативной перфирией и Центросоюзом. Постановление в этом смысле было внесено уже на четвертом собрании уполномоченных Центросоюза. «Количество посредствующих звеньев,—говорится в резолюции собрания,—должно быть сокращено. Для настоящего момента оно должно состоять, как общее правило, не более чем 3, включая Центросоюз, по товарам всесоюзного значения, и не более 2—3 по товарам местного значения». Суть этой реорганизации заключается в том, что вместо пятиступенной организации,—Центросоюз, крайсоюз, губсоюз, райсоюз, потребобщество—устанавливается трехстепенная система: Центросоюз, райсоюз, потребобщество. Проведение этой системы безусловно упрощает и удешевляет кооперативную организацию.

Сам Центросоюз должен перестать быть крупной оптовой конторой, с колоссальными массами товаров на складах,—конторой, занимающейся самыми разнообразными операциями. Центр тяжести его работы переходит на комиссионную посредническую деятельность между кооперативными организациями. Вместе с тем, в целях упрощения отношений между кооперацией и госпромышленностью, на местах необходимо установить непосредственные, помимо Центросоюза, связи кооперации с государственными трестами и синдикатами.

Таково в общих чертах содержание нового курса.

Быстрый рост оборотов кооперации, центральной и низовой, достигнутые уже успехи в деле сокращения накладных расходов, улучшения аппаратов, вытеснения в отдельных местностях частного торговца показывают, что кооперация настойчиво, усиленно и небезрезультатно работает над тем, чтобы перейти к осуществлению задачи, указанной В. И. Лениным. Нет сомнения, что новый курс, взятый кооперацией, послужит основой еще более быстрого и успешного ее развития.

IV.

Регулирование торговли и цен.

Прошедшие годы нэп'а были годами чрезвычайно быстрого, стихийного развития товарного оборота. Не так давно еще вся торговля сосредоточивалась на базарах, шла по ларькам, палаткам и возам, носила узко-местный характер. Теперь мы имеем крупные торговые фирмы и организации, государственные, кооперативные и частные, оборачивающие товары на миллионы и сотни миллионов рублей, имеющие свои отделения и ведущие свои операции во всех концах Советского Союза. Некоторое представление о темпе развертывания торговли дают биржевая и ярморочная статистика: так, обороты Московской товарной биржи увеличились в течение 1922—23 г. в 11 раз, обороты Нижегородской ярмарки с 62.801.778 зол. рублей в 1922 году поднялись до 394.208.620 рублей в 1923 году.

В первый период нэп'а нельзя было еще думать о регулировании торговли, т. к. не было видно, как и что, какими средствами нужно регулировать. Поэтому партии и правительству пришлось ограничиться организацией в 1922 году комиссии по внутренней торговле при СТО, главной задачей которой было лишь наблюдение за рыночным оборотом

и придание ему организованных форм. Рыночной стихии было предоставлено развертываться самой по себе, и Комвнуторг стремился лишь дать определенные правовые формы, в которых могла бы развертываться торговля. Вместе с тем, Комвнуторг содействовал восстановлению таких торговых аппаратов, через которые торговля могла бы итти организованным порядком, и которые давали бы возможность следить за всеми процессами, происходящими на рынке и учитывать их. Такими торговыми аппаратами были биржи, ярмарки и торговые палаты. Особенное значение для наблюдения за рынком имеют биржи (их теперь насчитывается около 100 в Союзе), т. к. на них сосредоточивается почти весь оптовый оборот страны. Биржа является теперь не только барометром рыночной конъюктуры: она дает возможность судить о том, кто и как торгует, как складываются взаимоотношения государственных, кооперативных и частных организаций и по каким линиям направляется их деятельность. Таким образом, биржа дает основной материал для оценки рынка и основы для нашего воздействия на него.

Пролетарское государство не могло, однако, предоставить рынку действовать и развиваться по своим собственным законам. Необходимо было прежде всего руководство государственными органами и кооперацией в их выступлениях на рынке: государство, конечно, не могло предоставить им торговать, как вздумается, и ожидать, пока неумолимая рыночная конкуренция сама автоматически выправит их ошибки, приводя к крушению все плохо приспособленные, неумело торгующие организации или нанося им жестокие удары. При наличии быстро растущего частного капитала такая политика грозила самыми серьезными последствиями. Регулирование было необходимо еще и потому, что рыночная анархия должна была в конце-концов отразиться и на производстве, подвергнуть его действию своих стихийных законов, сделать невозможным какое-либо планомерное его развертывание и построение. Это обстоятельство с полной очевидностью было вскрыто осенним кризисом. Если бы государство не выступило осенью со всей политикой цен и предоставило бы кризис своему собственному развитию, мы имели бы все обычные классические последствия кризиса: катастрофическое падение цен, крушение ряда торговых и промышленных организаций, потрясение и застой всего народного хозяйства.

Комвнуторг начал свою работу руководством торговых выступлений трестов, синдикатов и кооперации. Прежде всего необходимо было добиться установления непосредственной смычки этих организаций между собою на рынке. Как известно, первое время наши организации, часто находившиеся друг подле друга, осуществляли эту смычку через частного посредника—комиссионера, чем немало способствовали его обогащению. Двухлетними усилиями партии и Комвнуторга удалось частного посредника устранить и наладить торговые отношения между госорганами и кооперацией непосредственно. Затем встал вопрос о внесении большой планомерности в торговлю госорганов и устранения между ними конкуренции. Чрезвычайный универсализм наших торговых органов, стремление вести торговлю чуть ли не всеми имеющимися на рынке товарами и выходить далеко за пределы своего естественного рынка приводили их к частым столкновениям, в результате которых терпели убытки обыкновенно обе стороны. В то же время отсутствие планомерности, сговора, объединения приводили к тому, что, например,

при всякаго рода заготовках сырья, закупках хлеба сами государственные организации своей конкурентной борьбой так поднимали цены, что делали невозможным дальнейшее продолжение своей работы.

Все эти факты заставляют государство через Комвнуторг воздействовать на торговые организации, разграничивать сферы влияния между ними, объединять их, когда нужно, для выступления общим фронтом и подчинять их торговую деятельность интересам государства в целом.

Высота накладных расходов торгов и синдикатов выдвинула необходимость сокращения и удешевления их аппаратов, рационализации их работы. Для того, чтобы устранить эти накладные расходы, Комвнуторгу прежде всего пришлось обратить внимание на сеть представительств трестов, синдикатов и торгов, которая раскидывалась ими чрезвычайно широко, без учета действительного значения данного рынка для сбыта их товаров. Над пересмотром и сокращением сети этих представительств, объединения их функций, передачей их местным торговым органам. Комвнуторг работал и продолжает работать теперь. С той же целью снижения расходов по содержанию торговых аппаратов Комвнуторгом разработаны проценты предельных накидок на товары на различных ступенях товарного оборота.

Эта работа уже дала некоторые результаты. Непомерные накладные расходы, достигавшие 50% и больше, приводятся к норме. Однако, работа в этом направлении, по удешевлению и рационализации торговых аппаратов, должна продолжаться и дальше, так как мы еще очень далеки от тех «европейских» методов торговли, о которых писал Владимир Ильич. Какой простор представляется еще для деятельности Комвнуторга в этом направлении,—показывает следующая таблица продажных рыночных цен по сравнению с трестовскими ценами. (Трестовская цена принимается за 100. Данные Комвнуторга).

	1923 г.			1924 г.	
	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль
Сах. песок	155	138	128	120	119
Соль	124	125	135	146	156
Керосин	111	110	102	113	124
Гвозди	138	134	134	129	140
Ситец	182	167	161	159	166

Вопрос о регулировании цен особенно остро встал осенью в связи с кризисом сбыта. В течение лета тресты, несмотря на все постановления XII партсъезда, непрерывно повышали цены на свои товары, пользуясь благоприятной конъюктурой, и стремясь восстановить возможно быстрее свои оборотные капиталы. К осени расхождение цен на продукты промышленности и сельскохозяйственные товары достигло максимального предела. Наступил кризис сбыта. Правительство не могло допустить стихийного развития кризиса, т. к. это грозило тяжелыми потрясениями всему хозяйственному организму. Оно выступило со своей политикой цен, поставив задачей путем максимального снижения цен на промышленные товары и повышения на сельскохозяйственные добиться сближения «ножниц». Понижение цен на промышленые фабрикаты происходило не только за счет прибылей трестов и синдикатов, но и за счет уменьшения накладных расходов в торговле и в производстве.

Параллельно был принят ряд мер, направленных к повышению цен на продукты сельского хозяйства, при чем главную роль здесь играл экспорт хлеба за границу. О том, каких успехов достигла Советская власть в этой своей политике, дают представления следующие таблицы индексов Госплана и конъюнктурного института Наркомфина:

Оптовый индекс Госплана.

	1/III—23 г. (к XII парт. съезду).	1/X—23 г. (максимум).	1/III—24 г.	1/IV—24 г.	1/V—24 г.
С.-х. товары	0,76	0,54	0,95	0,92	0 93
Промышлен. товары . .	1,34	1,72	1,30	1,31	1,31

Розничный индекс НКФ.

С.-х. товары	91	0,67	0,96	1,02	1,07
Промышлен. товары . .	110	1,35	1,03	0,96	0,92

Таким образом, оптовый индекс Госплана показывает в марте значительное сближение лезвей ножниц, а розничный индекс конъюнктурного института полное их совпадение. Расширение емкости рынка, увеличение спроса на промышленные товары и, что особенно важно, *увеличение этого спроса именно со стороны деревни*, общее оживление конъюнктуры, сказывающееся теперь во всех отраслях промышленности доказывает правильность взятой правительством и партией линии регулирования рынка и цен.

Опасения внушает лишь начавшееся снова в апреле некоторое *раздвижение* «ножниц» в оптовом индексе Госплана. Оно показывает, что рано еще успокаиваться достигнутыми успехами, что еще предстоит серьезная борьба в этом направлении. Тем более, что если даже в скором времени удастся совершенно ликвидировать «ножницы», *работа в деле регулирования цен должна пойти по линии приближения к мировому уровню нашего уровня цен, значительно еще превышающего мировой.*

В другой форме вопрос о воздействии на рынок встал перед нашим правительством в связи с *денежной реформой*. Для успеха денежной реформы необходимо было не допустить какого бы то ни было повышения цен, т. к. это грозило срывом реформы, а, наоборот, добиться их понижения. Для осуществления этой задачи были избраны основные предметы широкого потребления, запасы которых имелись в достаточном количестве в руках государства: хлеб, соль, сахар, керосин, ситец. Пользуясь этими запасами, своевременно доставляя их в решающие пункты и интервентируя ими на рынке, государство *добилось стабилизации цен на время проведения реформы*. Попытка частных торговцев вызвать повышение цен сосредоточивая в своих руках ходкие товары и воздерживаясь от продаж, были биты. *Государство вышло победителем в этой борьбе и достигло полного успеха в своей политике.*

Таким образом, рынок и торговля все более выдвигаются на первый план. Быстрый и угрожающий рост частного капитала, необходимость объединения выступления наших органов на рынке, внесения планомерности в их деятельность, создания их общего фронта против частного капитала и, наконец, необходимость предупреждения всякого рода потрясений и катастроф, которые неизбежно порождает анархическая рыночная стихия,—все это ставит во всей широте вопрос государственного воздействия на рынок и планомерного регулирования рыночных отношений. В связи с этим стоит состоявшееся недавно превращение комиссии по внутренней торговле в Наркомат, через который государство и будет проводить теперь свою политику воздействия на рынок.

Однако, на этом успокаиваться нельзя. *Партия сама должна зорко следить за стихийными процессами, происходящими на рынке, и своевременно замечать новые явления, порождаемые им,* чтобы не оказаться перед неожиданностями, которые могут опрокинуть нашу политику.

И. Степанов.

Кооперация в переходную эпоху.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Потребительская кооперация.

I.

26 мая исполнится ровно год с того дня, как впервые были опубликованы (в «Правде») известные мысли Владимира Ильича о кооперации. С того времени они были перепечатаны в сотнях тысяч экземпляров, миллионы раз цитировались и излагались. С самого начала все почувствовали, что они дают нечто принципиальное, методологическое, руководящее,—что они намечают возможность такого практического подхода к различным видам кооперации, при котором она превращается в действительный элемент строящегося социалистического общества.

Тем не менее, можно полагать, что Ленин не один раз выругался бы, если бы он посмотрел на ту практическую беспомощность и безрукость, с какою не столько пользуются его мыслями на деле, сколько снова и снова повторяют их: дают неленинское применение практически заостренным ленинским мыслям.

Такая судьба до известной степени была предопределена с самого начала. Теоретики-марксисты вообще мало занимались теорией кооперации. Пока господство капитала не было ниспровергнуто,—а оно до сих пор ниспровергнуто только в России,—решающие линии борьбы проходили (и проходят) не в этой области. Именно на выяснение этого и были направлены главные силы теоретиков научного коммунизма. Они должны были разрушать кооперативные иллюзии, должны были доказывать, чего, вопреки уверениям реформистов, кооперация не может дать рабочему классу при господстве буржуазии,—должны были отвоевывать у реформистов те слои рабочего класса, которые, захваченные реформистской кооперацией, откалывались от революционной армии пролетариата, отвлекались от боевых задач.

Значит, коммунистическая теория кооперации неизбежно била в одну точку, сосредотачивалась преимущественно на выяснении, в каких областях кооперативная форма бессильна, несостоятельна. А затем, в течение последнего года, нашим теоретикам было положительно некогда заняться этим вопросом и заново перетряхнуть его в том направлении, какое намечает предсмертное завещание Владимира Ильича.

От тех людей, которых сами работники кооперации, русской и иностранной, исстари признают своими теоретиками, нельзя ожидать каких-либо плодотворных шагов. Марксизм им чужд, они представляют одну из главных и наиболее правых интеллектуальных сил самого правого оппортунизма. Они до сих пор чувствуют себя до крайности неуютно в советском строе, который на их взгляд способен только губить и искажать великую кооперативную идею; все их помыслы до сих пор тяготеют к «нормальной» кооперации в «нормальном» эксплоататорском обществе; они тянут и будут тянуть не к использованию кооперации в интересах социалистического строительства, а к возрождению при помощи кооперации хотя бы некоторых элементов разрушенного буржуазного общества. Нам от них нечего ждать. Или, вернее, мы можем ждать от них только засорения тех голов, обработка которых, к сожалению, нередко до сих пор оставляется за ними.

Мы, коммунисты, должны опять заняться кооперативной теорией. Но уже не для того, что выяснить, чего кооперация не может дать при господстве капитала, а для того, чтобы выяснить, что кооперация способна дать при диктатуре пролетариата.

Первым делом мы должны понять мысли Ленина об этом предмете, затем проверить их, конкретизировать, а потом, пользуясь ими, как методическими указаниями, посмотреть, каое применение они могут найти в нашей практике.

II.

Для некоторых,—впрочем, для очень немногих, что хорошо с точки зрения действительного понимания ленинизма,—мысли о кооперации были новым подтверждением их старого мнения, будто Ленин—гениальный оппортунист.

По разным поводам они с величайшей настойчивостью высказывали это мнение в речах, в статьях и даже в драматических произведениях. Однако, несмотря на все усердие в отстаивании этого мнения, оно в одинаковой мере свидетельствует о полной спутанности и хаотичности представлений о том, кем был Ленин, и что такое оппортунизм.

Чисто-словесный, филологический подход к делу не приличествует марксистам, когда речь идет о реальных отношениях современной жизни. Слово «банк» происходит от одного итальянского слова, означающего «скамья». Это дает нам некоторую зацепку для изучения тех примитивнейших операций, из которых в ряде столетий развилось грандиозное банковое дело нашего времени. Но мы ни на шаг не продвинемся в понимании этого дела, мы придем к фантастическим представлениям о нем, если будем на разные лады выворачивать и описывать тот бесспорнейший факт, что эмбрион будущих банков каким-то образом был первоначально связан с самой простецкой скамьей.

Все пространные рассуждения об оппортунизме, будто бы характернейшей черте Ленина,—настолько характерной, что для прославления ее потребовалась даже целая драма,—в конечном счете основана на подобного рода невинных филологических упражнениях. Opportune, opportunitas с разными их производными означают действие в направлении, покровительствуемом обстоятельствами, использование каждого удобного случая, извлечение выгод из сложившейся обстановки.

Так как всякий политик должен учитывать реальные возможности момента, и так как Ленин, по признанию даже врагов, гениальнейший политик, то получается, казалось бы, бесспорнейший логический вывод: Ленин был величайшим оппортунистом.

Я не знаю, много ли существует возможностей больше исказить, изуродовать действительное существо ленинизма, стереть резкую разграничительную черту, отделяющую его от всех политиков буржуазии, до реформистов включительно, чем при таких подходах к выяснению дела его жизни.

Существо оппортунизма надо выяснять, исходя не из корня этого слова, а из реальных фигур оппортунистов, живших и действовавших в истории, и из современного значения этого слова, прилагаемого к живым политикам.

Так, например, Кромвель не был оппортунистом. Почему? Да потому, что с начала и до конца он опирался на джентри, мелкое и среднее дворянство, а также на богатое, сильное крестьянство, шел с ним, не сворачивая в стороны, рубя головы старинной аристократии, но не давая спуску, беспощадно расправляясь и со всеми низовыми, действительно народными течениями английской революции. А джентри в данную эпоху расчищала дорогу колониально-судовладельческой буржуазии, которая впоследствии по-своему закрепила завоевания «славной революции», заменив одну династию другой. Кромвель был представителем не оппортунизма, а полной и решительной противоположности ему: значительной классовой выдержанности и последовательности.

Бриан—одна из самых махровых фигур оппортунизма, потому что у него нет ни малейшего признака каких бы то ни было принципов. Он начал как самый необузданный, «левый» синдикалист. Когда увидал, что это не создаст ему политической карьеры, сделать большой сдвиг к интеллигенции, к средним слоям, а теперь склонен больше опираться на легкую промышленность. Но если учет обстоятельств покажет ему, что более прочного и влиятельного положения можно достигнуть в качестве делопроизводителя тяжелой промышленности, он передвинется в эту сторону и выступит ловким, искусным, тонким, но, тем не менее, все же продолжателем Пуанкаре.

Макдональд выдвинулся на политическом горизонте, как один из лидеров рабочего класса, поставлен во главе министерства голосами рабочих, которые хотели осуществить через него свои насущнейшие требования, а на практике выявляется как политик, не перешагивающий за границы приемлемого для средней буржуазии и в настоящее время определенно ищет опоры у нее и мелкобуржуазных элементов. Он—яркий пример оппортунизма, характернейшей чертой которого является полная свобода от каких бы то ни было классовых регуляторов и от верности какому-либо определенному классу.

Ллойд-Джордж—не менее красочная фигура оппортуниста. Делая свою политическую карьеру, он с великой непринужденностью перемётывается от одного к другому классу: то он идет сообща с промышленностью против землевладения, то в стремлении быстрее справиться с противниками заманивает рабочих необузданной демагогией (период налоговых реформ и проведения законов о некоторых видах страхования рабочих), то делает громадный поворот вправо и оказывается во главе либерально-консервативного кабинета, знаменующего полную капитуляцию легкой промышленности перед землевладением и тяжелой промышленностью, то опять пускается в заигрывание с пролетариатом, что мы, возможно, увидим в непродолжительном времени, если Ллойд-Джордж признает целесообразным оттянуть от Макдональда мелкую буржуазию и часть рабочей аристократии.

И Ллойд-Джордж, и Макдональд, и Бриан, в зависимости от своих оценок наиболее благоприятных шансов своей политической карьеры, могут совершить еще много передвижек от одного класса к другому. Они не сделают только одного сдвига: в сторону революционного пролетариата, в сторону партии, которая решительно и безоговорочно ведет пролетариат к созданию условий, при которых только и могут получить действительное удовлетворение его классовые интересы.

Если подходить к делу не безжизненно, абстрактно, филологически, а по-марксистски, то будет ясно, что основная характеристика оппортунизма вовсе не в том, что он тщательно учитывает реальные возможности и во всякий момент ставит перед собою и перед идущей за ним армией осуществимые задачи; и не в том основная характеристика оппортуниста, что он старается разрешить эти задачи с наименьшей затратой сил, без их ненужного расточения. Оппортуниста нельзя понимать в его противоположности утописту,—утопист в настоящее время вообще не мог бы быть политиком,—в его сближении с политиком, который обладает высоко развитым реалистическим чутьем действительности: без такого чутья и способности учета вообще немыслим ни один крупный политик *). Классовые измены—вот в чем существо оппортунизма, вот в чем его марксистская характеристика.

Классовая измена не всегда бывает рассчитанной, сознательной, обнаженно карьеристской. И не всегда она предполагает внезапный шаг или однократный акт, который проводит резкий рубеж между прежней и новой классовой позицией. Классовая измена может быть перманентным предательством, хроническим состоянием. Случай такого рода оппортунизма мы наблюдаем, например, когда названием партии прикрывается совершенно противоположное классовое существо, которое получает правильное выражение не в названии, а в действиях (германская социал-демократическая партия,—в действительности охранная стража современного капитализма; английская «независимая рабочая партия»,—на практике вовсе не рабочая по направлению своей деятельности, так как она равняется в первую очередь по буржуазии; наши социалисты-революционеры, до бешенства враждебные социализму и революции; наши же меньшевики—социал-демократы, о которых можно сказать то же, что о германских с.-д.).

Современный оппортунизм—это оруженосец, которого буржуазия посылает в бой за ее существование, и который должен замедлять и по возможности парализовать решительное наступление рабочего класса на командные позиции капитализма, на ключи к этим позициям. Действительную борьбу за пролетарские интересы оппортунизм должен подменивать простой видимостью этой борьбы.

*) Когда Бебель заявил: «в политике мы все оппортунисты», он брал это понятие в его противоположности утопизму.

Таково объективное значение оппортунизма в его наиболее характерных для современности формах.

III.

Сказать о Ленине, что он был оппортунистом, значило бы сказать о нем несосветимую чепуху.

Он был бы действительным оппортунистом, если бы, например, делая поворот к нэп'у, превращался из борца за рабочий класс в вождя новой буржуазии, если бы изменял таким образом свою классовую опору.

Точно так же, если бы он был оппортунистом, тот глубокий практический интерес, который он неизменно проявлял к кооперации с 1918 г., и который в заметках 1923 года нашел только особо сильное, концентрированное выражение, должен был бы получить такое истолкование: почувствовав, что с рабочим классом недалеко уйдешь, и что с ним трудно удержать политическую власть в своих руках, Ленин стал искать опоры в реформистских работниках потребительских обществ и в кооперативно организованной крестьянской массе.

Достаточно написать эти слова,—и сразу становится ясно, какой пошлостью является сближение Ленина с оппортунистами, если понимать последний не в обывательском и филологическом, а в единственно приемлемом для марксиста классовом значении. Вольное употребление слова «оппортунизм» способно повести только к величайшей путанице.

Не зачем повторять, что Владимир Ильич представлял изумительнейший пример классовой выдержанности, не знавшей никаких колебаний и отступлений. С юношеских лет и до своих последних дней он неизменно отыскивал пути, которые должны привести пролетариат через революционную борьбу к коммунизму,—к пролетарскому коммунизму.

В своих мыслях о кооперации Ленин указывает, что рабочий класс, действительно з а в о е в а в ш и й всю полноту политической власти, может использовать и кооперацию для н е п о с р е д с т в е н н о г о социалистического строительства.

Со времени Октябрьской революции,—пишет Владимир Ильич,—«кооперация получает у нас совершенно исключительное значение». Мечтания старых кооператоров часто смешны своей фантастичностью. Они—

> «не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплоататоров. Теперь у нас это свержение состоялось, и теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью.
>
> У нас, действительно, раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, з а д а ч е й о с т а л о с ь т о л ь к о к о о п е р и р о в а н и е н а с е л е н и я... В самом деле, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэп'е так же, разве это не в с е н е о б х о д и м о е д л я п о с т р о е н и я п о л н о г о с о ц и а л и с т и ч е с к о г о о б щ е с т в а? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения.
>
> Вот это-то обстоятельство недооценено многими нашими практическими работниками. На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно, не понимая того, какое и с к л ю ч и т е л ь н о е з н а ч е н и е имеет эта кооперация, во-первых, с п р и н ц и п и а л ь н о й стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны п е р е х о д а к н о в ы м п о р я д к а м путем возможно более п р о с т ы м, л е г к и м и д о с т у п н ы м д л я к р е с т ь я н и н а.

Наметив ряд мер финансово-политического характера, способных оздоровить кооперацию и содействовать вовлечению в нее всего населения, Владимир Ильич еще раз упоминает о фантастических, частью романтических и даже пошлых мечтаниях старых кооператоров, которые мечтали о том, «как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так-называемый гражданский мир)».

> «А, ведь, в этом опять-таки главное. Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело н а у ч и т ь с я п р а к т и ч е с к и с т р о и т ь этот социализм, так, чтобы в с я к и й мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении»...
>
> «Но посмотрите,—продолжает он,—как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплоататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на-время и условно эксплоататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса.
>
> Теперь мы в праве сказать, что п р о с т о й р о с т к о о п е р а ц и и д л я н а с т о ж д е с т в е н е н (с указанным выше «небольшим» исключением) с р о с т о м с о ц и а л и з м а, и вместе с этим мы вынуждены признать к о р е н н у ю п е р е м е н у всей точки зрения на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится («если ограничиться внутренними экономическими отношениями»,—отмечает в дальнейшем В. И.) мирную, организационную «культурную работу».

Таковы в основных чертах последние мысли В. И. о кооперации и ее роли в социалистическом строительстве. Я счел необходимым еще раз воспроизвести их с некоторыми сокращениями: недавно мне пришлось убедиться, что их то ли не знают, то ли не понимают даже некоторые из людей, считающих себя вполне подготовленными марксистами и ленинцами.

А теперь обратимся к проверке и конкретизации этих сжато формулированных Лениным принципиальных, методологических положений.

IV.

Ленин говорит о кооперации вообще и только местами отмечает особо задачи, стоящие перед п о т р е б и т е л ь с к о й кооперацией и особо перед кооперацией м е л к и х д е р е в е н с к и х п р о и з в о д и т е л е й (крестьян). Мы должны разобрать эти задачи раздельно,—раздельно выяснить, чего должны ждать от одного вида кооперации и чего от другого.

Прежде всего, сфера распространения тех и других кооперативов совершенно различная.

Обще-экономические предпосылки развития потребительской кооперации таковы: отделение индивидуального производителя от средств и условий производства, превращение рабочей силы в товар, а ее меновой стоимости—в цену, т.-е. вытеснение натуральных форм заработной платы денежной формой.

Из этого следует, что при громадном преобладании в деревне натурально-хозяйственных форм, при перевесе вознаграждения натурой даже батрака (жилье и продовольствие от нанимателя), развитие потребительской организации поставлено в чрезвычайно узкие рамки. Та часть продуктов крестьянского хозяйства, которая должна составить его потребительный фонд, входит в таковой в своей натуральной форме (хлеб, мясо, частью ткани), без предварительного превращения в деньги. Только с малой долей потребительского бюджета крестьянин (отчасти и батрак) появляется на рынке, и эта доля так мала по своей абсолютной величине и распространяется на такое малое количество предметов потребления (соль, сахар, некоторое количество мануфактуры, мыло, керосин, спички и т. п.), что выдержанно-кооперативные принципы снабжения населения этими предметами не могут найти в деревне широкого применения. Собственно кооперативная торговля, кооперативные лавки, приближающиеся к городскому типу, могут стать на собственные ноги только в больших деревнях, которые являются центрами для снабжения окрестных селений (крупные базары) или в которых затрачивается известная доля заработков промышленных пролетариев (ими ли самими, когда они приезжают на побывку, или их семьями, получающими от них поддержку из города).

Областная дифференциация сельского хозяйства создает более широкую почву для потребительской кооперации в деревне. Усиливая производство молочных продуктов, все больше переходя на культуру технических растений (лен, конопля) или масличничных семян (те же растения и подсолнух), расширяя возделывание овощей, фруктов и ягод (огороды и сады), крестьянин вынужден все бо́льшую долю своей потребности в хлебе и мясе покрывать на рынке, все более значительную часть своих продуктов превращать в деньги с тем, чтобы потом эти деньги превратить в средства существования. Здесь потребительская лавка может ожидать настолько крупных оборотов, что она способна оправдать свои расходы и начать борьбу за вытеснение мелких лавочников, которые выкручиваются чрезмерным вздуванием цен, фальсификацией продуктов и доставкой их из соседнего города на собственной спине.

В последние месяцы, обсуждая вопросы торговли, у нас нередко обнаруживали забвение этих самоочевиднейших необходимых предпосылок для развития потребительской кооперации. Ей склонны были поставить в упрек, что она до сих пор захватила то ли 10, то ли даже всего 6% деревенской розницы, а 90% оставила в руках частного торговца. Неужели воображают, что от кооператоров зависит перевернуть эти отношения? Чисто-кооперативными методами, т.-е. применением самодеятельности и полной самоокупаемости к мелким деревенским лавочкам невозможно добиться подобного результата.

Здесь в особенности полезно будет вспомнить предложения Ленина, заключающиеся все в тех же заметках его о кооперации:

> «Надо поставить кооперацию политически так, чтобы кооперация вообще и всегда имела известную льготу, но чтобы эта льгота была чисто-имущественный льготой... Поддерживать его (кооперативный строй) надо в настоящем смысле этого слова, т.-е. под этой поддержкой недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота,— под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором действительно участвуют действительные массы населения».
>
> Ряд привилегий экономических, финансовых и банковских—кооперации; в этом должна состоять поддержка нашим социалистическим государством нового принципа организации населения. Но этим задача только еще поставлена в общих чертах, потому что тут остается еще неопределенным, неописанным детально все содержание задачи практически, т.-е. надо уметь отыскать ту форму премий (и те условия выдачи их), которую мы даем за кооперирование, ту форму премий, при которой мы достигаем цивилизованного кооператора».

И в тех деревнях, где более или менее назрели предпосылки для потребительской кооперации, условия для ее развития на первых порах столь тяжелы, что без государственной поддержки в той или иной форме она не может упрочиться. Что касается областей, где господствует натуральное хозяйство и потребитель-крестьянин связан с рынком лишь незначительной частью своего экономического бытия, нет оснований особенно огорчаться, если кооперация только медленно будет вытеснять частных торговцев. Не потребительская кооперация дает здесь главный путь для подхода к крестьянину.

Необходимо помнить, что крестьянин—в очень малой мере покупатель средств существования. Крестьянин прежде всего—мелкий «самостоятельный» производитель, располагающий собственными или полученными от государства (земля) средствами и условиями производства. А потому для него требуются в первую очередь такие формы кооперации, которые подходят к нему не как к «непроизводительному» потребителю, не как к покупателю средств существования, а как к «производительному» потребителю, как к покупателю средств производства. И требуются для него также такие виды кооперации, которые помогают ему: 1) в самом земледельческом производстве, 2) в переработке земледельческих продуктов, 3) в их сбыте, в превращении в деньги.

Потребительская кооперация, пожалуй, могла бы взять на себя снабжение крестьянина некоторыми средствами производства и таким образом отчасти компенсировать себя за ограниченность торговых оборотов с средствами потребления, но лишь в очень слабой мере потому что она, как собственно потребительская кооперация, способна удовлетворительно справиться со снабжением очень немногими средствами производства, необходимыми в крестьянском хозяйстве. В деревенской кооперативной лавке должна быть колесная мазь и гвозди. Но уже серпы, косы, грабли, кровельное железо, а в особенности семена, искусственные удобрения, плуги, веялки, сеялки и т. п. предметы, на которые крестьянин должен затрачивать заметную долю своей покупательной способности, не могут быть охвачены потребительско-кооперативной торговлей, у которой нет и, как у таковой, не может быть для этого достаточно компетентных работников. «Интегрирова-

ние» здесь может только напортить и навредить, да еще так, что впоследствии будет трудно исправить дело. Эту отрасль торговли следует передать тем формам кооперативов, которые должны обслуживать крестьянство именно в его качестве совокупности мелких производителей, располагающих средствами и условиями производства, нуждающихся в их замене, пополнении и усовершенствовании и не менее нуждающихся в правильной организации сбыта продуктов своего «самостоятельного» производства.

Об этих формах кооперации речь будет во второй статье. А теперь мы можем сосредоточиться на потребительских обществах.

В результате всего предыдущего мы пришли к выводу, что первая и главная область их распространения—крупно-промышленные центры и вообще город, где от натурального хозяйства сохранились жалкие остатки, и где имеются достаточно обширные группы населения (рабочие и служащие), которым приходится обращаться к рынку, чтобы превратить свои денежные заработки в средства существования.

V.

В настоящее время нет необходимости останавливаться на тех иллюзиях, которые сеяли кооператоры, уверяя, будто все категории рабочих в равной мере могут использовать мирные кооперативные методы для улучшения своего положения. Они, например, закрывали глаза на тот факт, что только политической и экономической борьбой возможно уничтожить разнообразнейшие, в том числе и гнуснейше-ростовщические методы truck-system'ы, т.-е. расплаты товарами, при которой денежная часть заработка рабочего падала почти до нуля. Они умалчивали, что кооперация дает только одну возможность: наиболее рационально, с наименьшей данью в пользу торговца, использовать получаемый денежный заработок, но вовсе не дает возможности повысить величину этого заработка и сократить продолжительность рабочего дня. Они совершенно игнорировали тот факт, что ниже оплачиваемые категории рабочих осуждены были оставаться в долговом рабстве у мелких лавочников и, вынужденные жить без семьи, кое-как перебивавшейся в деревне, не имели собственного хозяйства, а потому никак не могли связаться с потребительской кооперацией.

Политическая борьба в ее кульминационной форме октябрьского вооруженного восстания разом внесла колоссальные изменения в эту область. Концентрировав свою боевую энергию почти в однократный акт захвата власти, пролетариат создал условия, при которых общее повышение заработной платы, подтягивание низших категорий заработков и т. д. совершается в основном путем своеобразных административных распоряжений пролетарского правительства, поддерживающего постоянный контакт и сотрудничество с профсоюзами, и находит свою границу только в общем уровне производительных сил. Здесь указания на громадную роль кооперации, которая уничтожение власти производственного капитала должна дополнить и завершить уничтожением зависимости от торгового капитала, не затушевывают действительного положения, а указывают настоятельнейшую практическую задачу, стоящую перед рабочим классом. Подчиненный рабочему классу производственный аппарат и столь же подчиненный ему распределительный аппарат—это действительно, и даст нам социализм («просто рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма».—Ленин).

Фантастика и—в объективном значении—ложь кооператоров заключались в их фразе: «рабочий подвергается эксплоатации не только как производитель (продавец рабочей силы), но и как потребитель (покупатель средств существования)». Они замазывали тот факт, что в современном обществе торгово-капиталистическая эксплоатация носит производный характер, что основной, первичный факт для капитализма—власть производственного капитала, и что без низвержения его господства рабочий никогда не избавится от капиталистических цепей.

При нэп'е рабочий класс сохраняет в своих руках все ключи к своему производственному положению, которые после Октябрьской революции он захватил национализацией крупной промышленности. Повышение заработной платы достигается не борьбой, а совершенно иными методами, при которых главную роль играет совместное выяснение общего хозяйственного положения профсоюзами и хозяйственными органами и деловой учет реальных возможностей (исключение составляют предприятия, отданные в аренду капиталистам). Рабочему остается одно: распространить свою власть и на сферу обращения,—в данной связи на ту ее часть, в которой происходит превращение денежной заработной платы в средства существования. А это и есть общепризнанная, специфическая область деятельности потребительской кооперации.

С какой бы стороны мы ни подошли к делу, мы неизменно увидим, что наша потребительская кооперация в настоящее время не только может, но и должна ограничиваться своими прямыми задачами.

При господстве капитала мы требовали, например, чтобы кооперативы часть своих средств затрачивали на культурно-политические цели, потому что во многих случаях это давало единственную возможность пробить брешь в отупляющей сети буржуазных просветительных учреждений, которые в первую очередь задавались подготовкой рабов для капитала. В настоящее время все наши образовательные учреждения во власти рабочего класса, и было бы только дроблением и распылением сил, если бы мы стали создавать через кооперативы параллельную систему однородных учреждений.

При господстве капитала мы клеймили так-называемый «нейтрализм» потребительской кооперации, т.-е. безучастное отношение к политической и экономической борьбе рабочего класса, и говорили, что, направив все возможные силы на энергичную помощь этой борьбе, кооперативное движение тем самым содействовало бы своему собственному укреплению и росту. Теперь, когда в руках рабочего класса все ресурсы и все колоссальные возможности государственной власти, он, непосредственно распоряжаясь ими через советы, может только усмехнуться, если кооператоры предложат ему так организовать торговое дело, чтобы оно давало некоторые доходы для партии или для профсоюзов. Он ответит: ничего этого мне не надо, все это ни к чему. Занимайтесь своим прямым делом, торгуйте так, чтобы в розничной торговле накидки к фабричным ценам или к себестоимости приближались к нулю, постарайтесь охватить своим распределительным механизмом все население, в первую очередь промышленное и городское, а затем, при содействии государства, и деревенское, не уклоняйтесь от своей основной задачи: от создания широкого общественного аппарата, который на-ряду с производственным аппаратом, уже подчиненным в своей промышленной части рабочему классу, действительно должен дать все, что здесь требуется для осуществления социализма.

Но тот же направляемый рабочим классом распределительный механизм частично начинает вовлекать в социалистическую систему и крестьянство, поскольку он овладевает снабжением деревни средствами личного потребления (в противоположность производительному, о котором речь ниже). Конечно, здесь мелкобуржуазное экономическое существо деревенского производителя пока нисколько не изменяется,—но важно уже и то, что расторгается звено, дающее буржуазии зацепку в деревне.

Кооперация потребителей устраняет в первую очередь торговую капиталистическую прибыль, поскольку она захватывала те сферы торговли, которые снабжали рабочих средствами существования. Она вела в том же направлении, как и производственный капитал, который с большим успехом заменял самостоятельного торгового капиталиста своими комиссионерами, служащими, подчиненными агентами, комми-вояжерами, и который даже формально-самостоятельного торгового капиталиста фактически превращал в своего агента, работающего на условиях, строго и до мелочей предуказываемых промышленным капиталистом. Потребительская кооперация, с своей стороны, суживала и ограничивала торговую прибыль, как доход особого класса.

Однако, кооперативы на этом не останавливались. Достигнув известной степени укрупнения, преодолев первоначальную раздробленность, возвысившись до областных объединений, а затем и до создания национальных союзов оптовых закупок (своего рода «центросоюзов»), потребительская кооперация все более обращалась к сфере производства. Начиная с устройства пекарен, она переходила к производству одежды, к приобретению мельниц, сыроварен и т. д., обзаводилась собственным обозом с ремонтными мастерскими, затем пароходами и т. под.

Вот здесь-то и расцветал пышным цветом «кооперативный кретинизм», который, пережевывал старую прудонистскую жвачку, действительно, «не понимал основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплоататоров». Он раздувал свыше всякой меры свои маленькие практические достижения («мы бомбардируем капиталистическое общество ковригами кооперативного хлеба»). Он закрывал глаза на тот факт, что собственное производство кооперативов может захватить, да и то частично, лишь производство предметов существования рабочего класса и немногие непосредственные соприкасающиеся с ним отрасли. Да и эти производства захватывало до тех пор, пока ими мало интересовался современный капитал, закреплявший и быстро расширявший свое господство в решающих отраслях, в тяжелой промышленности и в транспорте.

Кретины от кооперации всеми силами сеяли в рабочем классе прудонистские иллюзии, будто без классовой борьбы, мирными способами, расширяя потребительские кооперативы, сосредоточивая в них свою покупательную способность и увеличивая затраты на организацию собственных производств, кооперация ведет рабочий класс к созданию нового мира, к полному освобождению от капитала. Отвергая организацию пролетариата для революционной классовой борьбы, кретины от кооперации единственную и основную задачу видели в «кооперативном воспитании», т.-е. в мелкобуржуазном перерождении всей пролетарской психики.

И в этой области положение в Советском Союзе решительнейшим образом изменилось. Пролетариат уже непосредственно сам управляет решающими отраслями промышленности. Производство средств производства и дальнейший массовый транспорт находятся целиком в его руках, и он же диктует условия, на которых сюда в единичных случаях допускается капиталистический предприниматель. Что касается производства средств личного потребления, он, руководясь исключительно своими соображениями экономической целесообразности, или оставляет его в прямом ведении органов Советской власти (советов народного хозяйства), или допускает сюда капиталистического предпринимателя, или управляет производством через кооперативную организацию, которая теперь является всецело подчиненной ему организацией.

При господстве капитала одной из пышных фраз кооператоров было: «через изменение потребительского бытия рабочего класса к изменению его производственного бытия», что означало для них: через создание потребительских обществ и организацию при них кооперативных производств мирным путем к упразднению капитала посредством постепенного сужения той сферы деятельности, которая остается за ним. В настоящее время подрезаны все корни у подобного рода иллюзий, так как сферу производственного капитала рабочий класс уже подчинил себе октябрьским переворотом. Если он теперь оставляет и, быть-может, со временем несколько расширит число производств, передаваемых в управление потребительской кооперации, это не создает и не создаст каких-нибудь принципиальных изменений в его производственном положении.

Главные непосредственные перемены, внесенные октябрьским переворотом в отношение пролетариата к потребительской организации, определяется тем, что ее возможная роль обрисовывается теперь с величайшей четкостью, что совершенно уничтожается та почва, на которой раньше вырастал кооперативный кретинизм, тормозивший поступательное движение рабочего класса.

От потребительской кооперации рабочий класс требует теперь в первую очередь одного: она должна создать настолько совершенный распределительный аппарат, чтобы он доставлял средства личного потребления с минимальными надбавками к себестоимости. Она, работая с максимальной экономностью и пользуясь в абсолютно необходимых случаях финансовой помощью государства (в особенности при распространении на деревню), должна вести к окончательному вытеснению капитала из сферы обращения средств личного потребления.

В деревне потребительской кооперации предстоит сыграть известную роль и в разрешении некоторых задач, связанных со стремлением рабочего класса создать новую организацию производства не только в городе, но и в деревне.

Но основная форма деревенской кооперации, от которой пролетариат может многого ждать, это—не организация покупателей средств личного потребления, не потребительское общество, а организация мелких производителей, различные виды объединения этих производителей. И вот здесь - то пересмотр тех воззрений на возможную роль этой формы кооперации, которые были совершенно правильны при господстве капитала, должен быть особенно внимательным, широким и всесторонним.

Но об этом—в следующей статье.

Ленинский кружок лекторского курса Свердловского университета.

Об основных ошибках теории „перманентной революции“ [1]).

I.

Теория «перманентной революции» представляла собой попытку своеобразной оценки характера, перспектив и движущих сил революции 1905 г. Творцами этой теории являлись Парвус и тов. Троцкий. Сколько-нибудь значительной роли эта теория не играла ни во время революции 1905 г., ни после. Поэтому говорить о ней в настоящее время можно было бы только в специальных исторических работах, да и то вскользь.

Но эта теория косвенно может сыграть известную роль, поскольку всплывающие теперь вокруг нее разногласия могут служить исходным пунктом более глубоких и опасных разногласий внутри нашей партии. То, что споры вокруг этой теории возникли в период попыток ревизии тактических основ ленинизма, персональное совпадение защитников этой теории со сторонниками бывшей оппозиции и т. п. дает основание предполагать, что маленькие разногласия по этому вопросу могут сыграть роль тех «маленьких» разногласий, которые являлись исходным пунктом больших потрясений в рядах нашей партии. Поэтому внимательный разбор и критика этой теории являются теперь необходимыми.

В каком отношении находится теория «перманентной революции» с меньшевистской и большевистской (ленинской) концепциями революции? Сторонники теории «перманентной революции», отрицая всякую связь ее с меньшевизмом, дают два объяснения. Одни утверждают, что теория «перманентной революции» совпадает с ленинской оценкой революции. Другие, не отрицая разногласия между Лениным и Троцким по этому вопросу, признают «ошибочность» ленинской оценки и правильность троцкистской, при чем Ленину отводится все же честь «уразумения» своей «ошибки» и присоединения к тов. Троцкому. Взаимная противоречивость этих двух доводов очевидна и тем более характерно,

1) Настоящая статья является результатом коллективной работы Ленинского кружка лекторского курса Свердловского университета. Вопрос был обсужден на двух специальных занятиях кружка. Специально выбранная комиссия переработала и проредактировала проект статьи, представленный докладчиком, т. Струевым. После зачтения настоящей статьи на общем собрании кружка было постановлено: просить редакцию «Большевика» напечатать ее от имени кружка.

что часто оба эти довода приводятся одними и теми же товарищами в зависимости от обстоятельств, времени и места,—когда как удобнее.

Характерно, что сам тов. Троцкий в брошюре «Новый курс» (стр. 50—51) развивает вторую версию. В предисловии к брошюре «Итоги и перспективы», написанном в 1919 г., т. Троцкий, не отрицая разногласий, совсем обходит вопрос о том, каким образом они разрешены. Такой же характер носит подстрочное примечание (нечто в роде небольшого предисловия) к статье «Наши разногласия» в книге «1905» (издание 1922 г., стр. 270), по ясному же смыслу другого подстрочного примечания в средине этой же статьи (стр. 285) прямо следует, что большевики только потому не играют в революции 1917—24 г. контр-революционной роли, что отказались от своей старой оценки революции («совершили идейное перевооружение») и присоединились к тов. Троцкому.

Ясно, что принятие этого объяснения вносит целую революцию во все прежние наши представления об историческом развитии большевизма. Если данное объяснение верно, тогда неправ т. Зиновьев, когда он говорит об органическом развитии большевизма *): большевизм становится подлинно революционным только с 1917 г., когда в его ряды вошли сторонники теории «перманентной революции», принесшие большевизму свою оценку революции и подлинную революционную традицию, единственными хранителями которых до 1917 г. являлись т. Троцкий и его сторонники (Троцкий и Парвус в 1904—1907 гг., «нефракционная» фракция троцкистов в период между двумя революциями, «межрайонцы» до июля 1917 г.).

Несомненно, что в настоящее время внесение полнейшей ясности в оценку теории «переманентной революции» жизненно необходимо, и что не только присоединение к этой теории, но и просто благодушное к ней отношение может привести к опасным последствиям.

Очевидно, что для понимания теории «перманентной революции» необходимо ясное представление о тех оценках революции 1905 года, какие давались меньшевиками (Мартовым, Плехановым, Мартыновым и др.) и большевиками (Лениным).

II.

В основном, вопрос о характере нашей тогдашней революции разрешен был партией задолго до самой революции. Это разрешение вопроса получило свою формулировку в программе партии, а именно в программе-минимум. В общем содержание революции сводилось к уничтожению всех остатков феодализма, крепостничества как в экономическом, так и в государственно-правовом строе России. Экономические и политические изменения, могущие произойти в результате революции 1905 г., при предположении даже наибольшего ее успеха, не затрогивали основ капитализма, а наоборот, расчищали почву для быстрого развития капитализма. В этом именно смысле революция 1905 г. определялась Лениным, как революция буржуазная.

Меньшевики, непосредственно из того положения, что наша революция буржуазная, не анализируя особенностей этой революции,

1) См. Зиновьев. Сочинения, том I, предисловие.

строили свою схему движущих сил революции. Революция буржуазная, она не отвечает основным классовым требованиям пролетариата, которого удовлетворит только революция социалистическая. Пролетариат и его партия не может себя связывать ответственностью за ограниченный (буржуазный) характер настоящей революции. Поэтому он, если бы даже и мог (но он не может), не должен, не смеет стремиться к обеспечению революции своим руководящим в ней участием. Это привело бы его к растворению в буржуазной демократии, к отказу от самостоятельных социалистических задач, к подчинению их буржуазно-демократическим задачам. Пролетариат не может и не смеет в данной революции победить.

Именно так ставился меньшевиками вопрос в основном для тогдашнего периода меньшевистском документе—брошюре тов. Мартынова «Две диктатуры». Мартынов именно пугал перспективой победы. До чего доводил Мартынова страх перед возможностью победы, показывает тот факт, что он в этой брошюре договорился до того, что, если бы мы смогли предвидеть возможность такой победы,—

> «... мы не имели бы исторического права уже в абсолютистской России строить свою самостоятельную политическую партию. Мы должны были бы ограничиться одной социалистической пропагандой» [1]).

Исходя из этих соображений, меньшевики ставили все судьбы и перспективы революции в зависимость от роли и поведения в ней буржуазии (а не пролетариата), т. е. отдавали ей роль гегемона в этой революции:

> «Предстоящая революция не может реализовать никаких политических форм против воли всей буржуазии, ибо она будет хозяином завтрашнего дня»,—

заявлял Мартынов в той же брошюре **).

Крестьянству никакого самостоятельного (от городской буржуазной демократии) революционного значения меньшевики не придавали. Оно распыленно, в его среде не может быть единства, т. к. оно дифференцировано, оно выставляет часто реакционные лозунги (или идет за реакционными лозунгами народничества), оно политически малосознательно и может служить опорой реакции и т. д., и т. п.

Иначе строил свою схему движущих сил революции Ленин. Не отрицая и даже подчеркивая (против эсеров) буржуазный характер нашей тогдашней революции, Ленин не ограничивался голым повторением этой формулы и бессодержательными аналогиями с западноевропейскими революциями, а исследовал особенности в отношении наших классовых сил в нашей русской буржуазной революции.

Эти особенности заключаются в чрезвычайной остроте у нас аграрного вопроса. Революция вызвана конфликтом между развивающимся у нас капитализмом и старыми крепостническими формами эксплоатации, сохраняющимися благодаря политическому господству крепостников-помещиков. По условиям, созданным у нас реформой 1861 г.

[1]) Мартынов. «Две диктатуры». Изд. «Книга» 1918 г., стр. 74.
[2]) Там же, стр. 77. Подчеркнуто Мартыновым.

развитие капитализма шло по двум линиям: 1) развитие крестьянского хозяйства в капиталистическое и 2) превращение крепостническо-помещичьего в капиталистическое же. Верно общее положение, что развитие капитализма уперлось в противоречащие ему остатки крепостничества. В этом смысле сохранение остатков крепостничества стало объективно совершенно невозможным, и победа капитализма неизбежна: нет таких сил, какие могли бы остановить теперь это развитие капитализма.

Но и в дальнейшем это развитие возможно двумя путями, проложенными всем предыдущим историческим развитием. На пути дальнейшего капиталистического развития крестьянского хозяйства стоят помещичьи латифундии, крупное крепостническое землевладение. Без его уничтожения немыслим в данное время и в данных условиях действительный капиталистический прогресс сельского хозяйства. Крестьянская борьба против помещичьих имений выражает собой путь превращения теперешних худосочных крестьянских хозяйств в фермерско-капиталистические хозяйства американского типа.

Другой объективно возможный путь дальнейшего развития капитализма в сельском хозяйстве—путь перерождения помещичьих крепостнических латифундий в капиталистические экономии юнкерского прусского типа.

Первый путь—есть путь революционный и наиболее радикальный очищающий Россию от пережитков крепостничества. Второй путь—это путь медленной, мучительной эволюции.

Между размахом экономических преобразований и размахом политических преобразований существует определенное соотношение. Двум объективно возможным исходам революции в экономической области—в политической соответствуют: полная демократизация государственного строя в первом случае, конституционный выкидыш—во втором. Революция и в том, и в другом случае будет буржуазной, но в зависимости от соотношения классовых сил, выступающих в революции, в зависимости от результатов их борьбы стоит выбор или последовательной, до конца доведенной революции (как, например, Великая Французская революция XVIII века) или революции половинчатой, незаконченной (как, напр., немецкая революция 1848 г.).

Отсюда ясно, что гвоздем, «оселком» нашей революции является аграрный вопрос, а исход ее стоит в тесной, непосредственной связи с тем, как будет вести себя крестьянство [1]). А это последнее обстоятельство зависит в первую очередь от того, сумеет ли пролетариат поднять крестьянство до уровня понимания необходимости решительной борьбы с царизмом. Смешение крестьянства со всей буржуазией, умаление роли крестьянства означает на деле отказ от задачи поднять это крестьянство на борьбу со старым строем, следовательно, отказ от решительной, доведенной до конца буржуазно-демократической революции.

Поскольку революция очищает почву для капитализма, постольку

[1]) Тов. Ленин, определяя нашу революцию 1905 г. как буржуазно-демократическую, часто употреблял еще выражение «крестьянская революция». Всякая крестьянская революция есть революция буржуазная,—но не всякая буржуазная революция бывает революцией крестьянской—говорил т. Ленин, характеризуя особенности нашей революции. (См. Ленин «Аграрная программа... «Собр., сочин. т. IX, стр. 533—567).

буржуазия заинтересована в этой революции. Но, поскольку такая революция создает условия для успешной борьбы рабочего класса против буржуазии и тем, следовательно, угрожает самому существованию буржуазии, постольку последняя кровно заинтересована в сохранении таких остатков крепостничества, на которые она может опереться в своей борьбе против пролетариата. Отсюда непоследовательность буржуазии, ее колебания между революционным народом и царизмом, неизбежность его перехода на почву сделок с царизмом, а не революционного его свержения.

Пролетариат заинтересован в буржуазной революции и потому, что она приближает его к самостоятельной основной его цели—социалистической революции, и потому, что в данное время он страдает не только от капиталистических форм эксплоатации, но и от остатков старых крепостнических форм. Пролетариат заинтересован, следовательно, в революции глубже, полнее, последовательнее, чем буржуазия. В старом строе он ничего не теряет, через новый демократический строй он придет к социалистической революции, и потому он последовательно до конца и может, и будет бороться против старого строя. Он, тем более, не должен связывать себя «волею всей буржуазии», как ему предлагают меньшевики.

Итак, меньшевистская оценка движущих сил революции отводила буржуазии роль гегемона, роль пролетариата сводила к толканию вперед буржуазии путем непосредственного воздействия на волю этой буржуазии, а не революционного воздействия на правительство [1]), роль крестьянства не учитывала совсем, или, вернее, недооценивала, принижала. Большевистская оценка роль гегемона в революции отводила пролетариату, ход и исход революции ставила в зависимость от поведения крестьянства. Эти две оценки определили собой основные моменты в тактике большевиков и меньшевиков. В общем тактическая позиция меньшевиков сводилась к формулам: 1) «общенациональная коалиция во имя классической буржуазной революции» и 2) «оставаться крайней оппозицией по отношению ко всем возможным формам политического господства буржуазии, могущим возникнуть в ходе и результате революции». Большевистская тактическая позиция выражалась лозунгом «революционно - демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

III.

В чем же заключалась та оценка революции, какую давали в своей теории «перманентной революции» Парвус и Троцкий? Во избежание упреков в «фальсификации истории», примем ту общую формулировку этой теории, какую дает сам т. Троцкий после Октябрьской революции. Приводим в порядке «исторической последовательности» все такие формулировки. В своих «Итогах и перспективах» т. Троцкий писал:

> «Защищавшаяся автором точка зрения может быть схематически формулирована так: начавшись, как буржуазная по своим ближайшим задачам, революция скоро развернет могущественные классовые противоречия и придет к победе, лишь передав власть единственному

[1]) Классическое выражение этой тактики меньшевики дали в т.-н. «Земской кампании». см. Ленин, т. VI, «Земская кампания и план «Искры».

> классу, способному стать во главе революционных масс, т.-е. пролетариату. Став у власти, пролетариат не только не захочет, но и не сможет ограничиться буржуазно-демократической программой. Он сможет довести революцию до конца только в том случае, если русская революция перейдет в революцию европейского пролетариата. Тогда буржуазно-демократическая программа революции будет преодолена вместе с ее национальными рамками, и временное политическое господство русского рабочего класса развернется в длительную социалистическую диктатуру. Если же Европа останется неподвижной, буржуазная контр-революция не потерпит правительства трудящихся масс в России и отбросит страну далеко назад от демократической республики рабочих и крестьян. Став у власти, пролетариат должен будет поэтому не ограничивать себя рамками буржуазной революции, а развернуть тактику «перманентной» революции, т.-е. уничтожить границы между минимальной и максимальной программой социал-демократии, переходить ко все более и более глубоким социальным реформам и искать прямую непосредственную опору в революции на европейском Западе [1]).

В предисловии к своей книге «1905» т. Троцкий пишет:

> «Мудреное название это («перманентная» революция. Авторы) выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат, а этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками революции. Наоборот, именно для обеспечения своей свободы, пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе на арене мировой революции пролетариата. Взорвав в силу исторической необходимости ограниченные буржуазно-домократические рамки революции, победоносный пролетариат вынужден будет взорвать ее национально-государственные рамки, т.-е. должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом революции мировой» [2]).

Наконец, в своей дискуссионной брошюре «Новый курс». тов. Троцкий писал следующее:

> «Перманентная революция в точном переводе означает постоянную или непрерывную революцию. Какая политическая мысль вкладывается в эти слова? Та мысль, что для нас, для коммунистов, революция не заканчивается после достижения того или иного политического завоевания, той или другой социальной реформы, а развивается дальше и пределом ее для нас является только социалистическое общество. Таким образом, раз начавшись, революция, поскольку мы в ней участвуем, тем более руководим ею, ни в каком случае не приостанавливается на каком-либо формальном этапе, наоборот, мы непрерывно и постоянно ведем ее вперед, разумеется, в соответствии со всей обстановкой, до тех пор, пока революция не исчерпает всех возможностей и ресурсов движения... В условии России это означало: не буржуазная республика, и даже не демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, а рабочее правительство, опираю-

[1]) Л. Троцкий. «Итоги и перспективы», изд. 1919 г., стр. 4—5.
[2]) Л. Троцкий. «1905». Изд. 1922 г., стр. 4—5.

щееся на крестьянство и открывающее эру международной социалистической революции» [1]).

Прежде всего из приведенных формулировок может создаться то неправильное представление, что все социал-демократы (в том числе и большевики), кроме тов. Троцкого, ограничивали задачи пролетариата буржуазной революцией и были против революции социалистической. На самом деле вопрос шел не о том, необходимо ли нам вообще вести пролетариат к социалистической диктатуре, а о том, можно ли это делать сейчас, в данный момент, в момент подготовки к революции 1905 года. Во-вторых, приведенные формулировки отличаются гораздо более выдержанной и стройной... схематичностью, по сравнению с теми, какие т. Троцкий давал до февральской революции, т.-е. когда он разрабатывал свою теорию. Тогда все эти положения были утоплены в море фраз, теперь они выужены оттуда и скомбинированы (очень неудачно, как увидим ниже) под схему... Октябрьской революции. В-третьих, здесь недостаточно ясно подчеркнуто, к какой революции относятся эти формулировки: 1905 или 1917 г. Хорошо, что всем уже заранее известно, что теория перманентной революции представляет собой попытку оценки революции 1905 г. В-четвертых, в этих формулировках недостаточно четко выделено главное, основное, что составляет ее гвоздь, и чем она отличается и от большевистской и от меньшевистской оценки революции. Это основное—оценка характера и движущих сил революции.

Ход рассуждений т. Троцкого приблизительно таков.

По ближайшим своим целям наша революция буржуазная. И все же, несмотря на это, по своему характеру революции не буржуазная. Почему? Потому что главной движущей силой этой революции, за отсутствием буржуазной демократии, должен явиться пролетариат, а он не может ограничиться рамками буржуазной революции и вынужден будет перейти к революции социалистической. Уже в этом основном рассуждении скрываются основные ошибки тов. Троцкого. Пролетариат явится главной движущей силой в революции не потому, что ему принадлежит в ней гегемония, как указывал тов. Ленин, а по злой, вынужденной необходимости, потому что классического гегемона буржуазной революции—буржуазной демократии—у нас, к сожалению, совсем нет. По мысли тов. Ленина гегемония в нашей буржуазно-демократической революции принадлежит пролетариату, а у тов. Троцкого получается, что классическим гегемоном в буржуазной революции является буржуазия. Что это заключение не является вольным истолкованием,—докажет сам тов. Троцкий. Вот что он писал в своей статье «Политические письма»:

> «Может-быть, с какой-нибудь абстрактной... точки зрения можно утверждать, что было бы очень хорошо, если бы у нас была руководящая якобинская партия с перспективой диктатуры в будущем, с обязательством выполнять черную работу в настоящем, а мы сохранили бы за собой только чисто-политическое руководство пролетариатом. Но этого нет, черная работа должна быть выполнена, и нам необходимо, потому что мы честные революционеры, взять ее на себя, а это значит монополизировать ее. Выполнение этой черной работы революции, организация боевого выступления, становится в данный момент нашей высшей политической обязанностью» [2]).

[1]) Л. Троцкий. «Новый курс». Изд. 1924 г., стр. 50—51.

[2]) Сборник «Искры» «За два года», ч. II, стр. 173, изд. 1906 г.

Итак, революция—это «черная работа». Хорошо бы ее возложить на «руководящую якобинскую партию». Мы сохранили бы тогда за собой «чисто-политическое руководство». Однако, «этого нет, черная работа должна быть выполнена нами». А раз мы беремся за дело, то мы его обязательно должны «монополизировать».

«Руководящая якобинская партия»—это партия буржуазной демократии. Если бы такая партия нашлась, тов. Троцкий уступил бы ей гегемонию—«с перспективой диктатуры в будущем», а рабочей партии оставил бы «чисто-политическое руководство», т.-е. участие в политической деятельности при гегемонии буржуазии.

История навязывает рабочей партии выполнение «черной работы». Она—гегемон поневоле. А гегемонию тов. Троцкий понимает весьма вульгарно: кто гегемон, тот «монополист» революционной работы. При «монополии» пролетариата, крестьянство, понятно, превращается в его простой придаток.

Роль крестьянства сводится к «поддержке» рабочего правительства. На чем основывается это определение роли крестьянства?

Как у меньшевиков, так и у тов. Троцкого крестьянство не игнорируется совершенно. Но как у меньшевиков, так и у тов. Троцкого совершенно ясно проглядывает непонимание доминирующей, первенствующей роли в нашей революции «крестьянского», аграрного вопроса. Крестьянство несознательно, распылено, оно может в лучшем случае «поддержать»... у меньшевиков—буржуазию, у Троцкого (раз буржуазная демократия отсутствует совсем)—пролетариат. При всей своей несознательности (вернее, благодаря своей несознательности) это-то крестьянство может сделать. Так именно и формулировал тов. Троцкий:

> «русская буржуазия сдает пролетариату все революционные позиции. Ей придется сдать и революционную гегемонию над крестьянством. При той ситуации, которая создается переходом власти к пролетариату, крестьянству останется лишь присоединиться к режиму рабочей демократии. Пусть даже оно сделает это не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму» [1]).

Мартов в 1909 г. признал «справедливость» именно такой постановки вопроса об отношении к крестьянству. Ленин, возражая Мартову, писал в статье «Цель борьбы пролетариата в нашей революции»:

> «Всего более неверно третье из приводимых тов. Мартовым мнений тов. Троцкого, которое кажется тов. Мартову «справедливым»: «Пусть даже оно (крестьянство) сделает это («присоединится к режиму рабочей демократии») не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму». Пролетариат не может ни рассчитывать на несознательность и предразсудки крестьянства, как рассчитывают на них и опираются на них владыки буржуазного режима, ни предполагать сохранение в революционный период хотя бы обычной несознательности и пассивности крестьянства [2]).

Как добиться поддержки крестьянства? Какова должна быть тактика пролетарской партии по отношению к крестьянству? Из разобранной выше оценки крестьянства тов. Троцким ясно, что предлагаемая

[1]) Л. Троцкий: «Итоги и перспективы», стр. 43.

[2]) Ленин, Собр. сочин. том XI, часть I-я, стр. 229 подчеркнуто нами.

им в теории «перманентной революции» тактика в лучшем случае могла представлять собой Bauernfangen («уловление крестьянства»)—худший вид демагогической тактики, всегда резко порицаемой тов. Лениным [1]). На деле, фактически тов. Троцкий неизменно и всегда поддерживал масловско-плехановскую, т.-е. меньшевистскую тактику по отношению к крестьянству—знаменитую «муниципализацию» против большевистской «национализации» [2]). Характерно и показательно общее отношение тов. Троцкого к масловским работам по аграрному вопросу. Вот какую оценку давал тов. Троцкий главной работе Маслова, обосновывающей программу «муниципализации»:

> «книга Маслова представляет капитальное исследование русских аграрных отношений. И научная ценность этой работы так значительна, что автору можно простить не только крайнее несовершенство ее формы, но даже и его совершенно несостоятельную переработку марксистской теории земельной ренты» [3]).

Тов. Ленин, разбирая масловские работы, доказал их «совершенную несостоятельность» и в теоретическом, и в политическом отношении и доказал, что эта несостоятельность объясняется (между прочим) тем, что Маслов произвел «пошлую ревизию» теории земельной ренты Маркса. Связь между программой муниципализации и отрицанием абсолютной земельной ренты Ленин доказал. А тов. Троцкий, расшаркиваясь перед «значительной научной ценностью», «прощает (!!) за нее» переработку Марксовой теории земельной ренты!

Таково отношение тов. Троцкого к крестьянству, как оно выявилось в теории «перманентной» революции. Когда теперь тов. Троцкий в своей книжке «Новый курс», «разводя руками», недоумевающе спрашивает: в чем выразилась его недооценка крестьянства, требует «цитат» и «доказательств», то мы можем тут сделать двоякого рода предположения: или тов. Троцкий и до сих пор не понял того, что говорили и писали Ленин и другие большевики о крестьянстве, и чем отличается от ленинской оценки крестьянства его, Троцкого, оценка, или же т. Троцкий забыл все, что он сам писал по этому поводу, когда был еще «троцкистом», а не коммунистом. Если так, тогда понятно, почему тов. Троцкий так иронически относится к «воспоминаниям молодости» некоторых «ближайших учеников т. Ленина» [4]).

IV.

Этим, собственно, исчерпывается критика основных ошибок теории «перманентной» революции. Ошибок более мелких, фальшивых нот и непоследовательности можно отыскать еще сколько-угодно. Можно было бы продолжать сравнение троцкистских и ленинских постановок целого ряда вопросов, но в этом вряд ли есть большая нужда,

[1]) См. Собр. сочин., том IX, стр. 499—504.
[2]) См. об этом «Итоги и перспективы», стр. 68—71.
[3]) «Пролетариат и русская революция», статья из «1905», стр. 258. Почему т. Троцкий, перепечатывая в 1922 г. эту статью (написанную в 1908 г.) не сделал к выписанному месту никаких оговорок? Неужели он и теперь остается при старом мнении?
[4]) См. «Новый курс», стр. 50 и след.

раз обнаружены ошибки тов. Троцкого по основным вопросам: о характере и движущих сил революции.

Однако, необходимо остановиться еще на паре главных, излюбленных аргументов, какие выставляются теперь в защиту теории «перманентной» революции. Правда, против всех них можно было бы сказать одно: раз допущена ошибка в оценке роли крестьянства, все остальные положения этой теории, если бы даже они были тысячу раз верны, не делают верной всей теории. Какой смысл имеют, например, рассуждения о перспективах революции после победы пролетариата, если не обеспечено главное условие самой победы: союз с крестьянством?

Но вот здесь-то и выступает первый, главный и самый ходячий аргумент: теория «перманентной» революции делала ставку не на крестьянство, а на международную социалистическую революцию.

На чем основывалась эта «ставка»? Если в Западной Европе положение было таково, что социалистическая революция там могла быть поставлена в порядок дня, то тов. Троцкий должен был дать анализ этого положения, доказать неизбежность международной социалистической революции, так, как это сделали большевики в период империалистической войны. Такого анализа, таких доказательств тов. Троцкий не дал и не пытался дать. Он основывался не на исследовании объективного развития классовой борьбы в Западной Европе, а на том, что «победоносный пролетариат... должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом революции мировой» (см. выше выдержку из предисловия «1905»). Одно «сознательное» стремление победоносного русского пролетариата еще не делает международной русской революции. Очевидно, это сознательное стремление должно было бы выразиться в каком-либо внешнем предприятии «рабочего правительства»?

Но это было бы чистейшим авантюризмом, ничего общего с «основной стратегической линией большевизма» не имеющим. Большевики не зарекались, конечно, от активного вмешательства в ход западно-европейского революционного движения. Примером тому может служить варшавское наступление 1920 г. Но это последнее не являлось авантюризмом, потому что задача его сводилась к установлению смычки между уже победившим русским пролетариатом и активно борющимся за власть западно-европейским рабочим классом. Налицо было уже революционное движение на Западе, направленное к захвату власти. Если бы теперь, весной 1924 года, когда в Европе нет прямой борьбы за власть, кто либо предложил бы повторить варшавский опыт, это было бы авантюризмом. Именно такой характер носит та формулировка международных задач революционного русского рабочего класса в 1905 году, какая давалась в теории «перманентной» революции.

В условиях 1905 года наиболее реальной, исторически законной формой «вмешательства» русского пролетариата в революционное движение всего мира было свержение международного жандарма,—опоры реакции на Западе и на Востоке—русского самодержавия. Эта задача исчерпывалась большевистской формулой «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Разрешение этой внутрироссийской задачи открывало гигантские международные перспективы. Если неудачная революция 1905 года рас-

качала весь мир, то победоносная революция, разумеется, дала бы небывало мощный толчок мировому революционному движению. «На другой день» после нашей революции открылась бы новая эпоха взаимодействий, взаимоподдержки российской революции и европейского рабочего движения. Ленин еще в 1902 году предвидел, что низвержение царизма «сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата». В 1906 году на Стокгольмском съезде Ленин, отвечая Плеханову, указывал, что окончательной гарантией упрочения русской революции является революция европейская. И тут же Ленин российскую революцию назвал «крестьянской» революцией. В союзе с крестьянством, повышая его сознательность, завоевывая его доверие, мы должны завершить нашу национальную революцию, и это сделает нас «авангардом международного революционного пролетариата». Так ставил вопрос Ленин. Тов. Троцкий, как мы видели выше, подходил к вопросу с другого конца...

В 1917 году положение по сравнению с 1905 годом меняется в том смысле, что февральская революция, свергнувшая самодержавие, не только не расстраивала ряды международного империализма (как это было бы при свержении самодержавия в 1905 году), а, наоборот, укрепляла их, поскольку власть от германофильствующего двора, подготовлявшего сепаратный мир, перешла в руки империалистической русской буржуазии, собиравшейся вести войну до «победного конца». Поэтому в 1917 году лозунг буржуазно-демократической революции устарел. Итти вперед можно было только, идя к социализму. Не итти вперед означало итти назад к монархии, к власти помещичье-буржуазного блока. В этих условиях 1917 года, при наличности реальных предпосылок социалистической революции на Западе, октябрьская социалистическая революция действительно обеспечивала успех международной социалистической революции. Недаром первые же шаги Советской власти в деле мира внесли глубокий прорыв в империалистический фронт. А в 1905 году лозунг «перманентной» революции был ни к чему. «Опираться» на перспективу международной социалистической революции, отказываясь от использования реальной опоры, крестьянства—это стратегия очень странная. Тем более странны претензии выдать ее за «основную стратегическую линию большевизма».

Аргумент второй не менее ходячий, чем первый: большевики в 1917 году отказались от своей тактики, как от ошибочной, и приняли троцкистскую.

Во-первых, разница между тактикой большевиков в первой революции 1905 г. и в революции 1917 г. определяется разницей между революцией буржуазно-демократической и революцией социалистической.

Эта разница в характере революции объясняется не изменениями в головах большевиков, а изменением в объективном положении мирового хозяйства и соотношении классовых сил, изменениями, внесенными империалистической войной и февральской буржуазной революцией.

Во-вторых, Октябрьская революция прошла отнюдь не по троцкистской «схеме». Что из этой схемы могли взять большевики? Ведь, не масловскую же тактику в отношении крестьянства! Лозунг захвата власти? Но, во-первых, как известно, честь «изобретения» этого лозунга принадлежит не т. Троцкому, а, во-вторых, октябрьская революция

прошла не под путанным лозунгом «перманентной» революции (не буржуазной, но и не социалистической), а под ясными лозунгами социалистической революции. Дальше. Внешне революция протекала как-будто бы по схеме тов. Троцкого: буржуазная революция (февраль) перешла в социалистическую национальную (октябрь), из национальной в мировую социалистическую. Получилась непрерывная революция. Но эта «непрерывность» совсем не та и не в силу тех причин, о которых писал в 1905—16 гг. Троцкий. Логика событий совершенно иная. По Троцкому революция 1905 года «поневоле» должна была стать социалистической, т. к. пролетариат, вынужденный быть главной движущей силой в буржуазно-демократической революции, не сможет самоограничиться, несмотря на то, что объективных предпосылок к социалистической революции в России нет. А в 1917 году именно объективное положение обусловливало неизбежность социалистической революции, и пролетариат не потому, что не мог самоограничиться, а сознательно держал курс на социалистическую революцию. Притом же, вопреки схеме Троцкого, русский пролетариат совершил свою социалистическую революцию при активной и энергичной поддержке крестьянства. Различие в международной обстановке и в постановке международных задач рабочего класса уже освещено выше. Из этого ясно, что только поверхностные люди могут утверждать, что революция 1917 года прошла по схеме теории «перманентной» революции Троцкого. Между тем, т. Радек, например, именно это хочет сказать, когда говорит: «На самом деле то, что выдвигал Троцкий против Ленина в 1905 году, оказалось вторым этапом революции».

Когда теперь (в брошюре «Новый курс») тов. Троцкий пишет, что «через теорию «перманентной» революции был прямой путь к ленинизму, в частности, к апрельским тезисам 1917 года», то, к сожалению, это звучит двусмысленно, между тем, как в данном случае более чем в каком-либо другом не нужно было допускать никакого тумана и никакой неясности. Если тов. Троцкий хочет этой фразой сказать, что т. Ленин к своим апрельским тезисам пришел «через теорию «перманентной» революции» тов. Троцкого, т. е., выражаясь проще, заимствовал свою тактику у тов. Троцкого, то это так и нужно было написать и доказать. Если же тов. Троцкий хотел этим только сказать, что теория «перманентной» революции для него лично явилась мостом, по которому он пришел от меньшевизма к большевизму, то это тоже нужно было написать ясно, без двусмысленности. Если тов. Троцкого нужно понимать в этом последнем смысле, то это означает, что теория «перманентной» революции представляет собою чрезвычайно громоздкую, неуклюжую и путаную постройку—хорош мост, по которому пришлось итти 12 лет! Но тов. Троцкий и теперь не отказывается от своей теории, и до сих пор упорствует в своих старых ошибках. Значит, он думает, что Ленин и большевики восприняли его теорию. Но тогда для нас ясно, что тов. Троцкий и теперь все еще идет по тому же мосту и еще не пришел вплотную к большевизму. Мост-то оказывается «перманентным»!

Большевизм заимствовал свою «основную стратегическую позицию» у тов. Троцкого! Но, ведь, тов. Троцкий, как мы видели выше, сам ее заимствовал в своей большей части у меньшевиков... Как видим, отсюда, от этой печки, от одной невинной фразы, чрезвычайно удобная дорожка к ревизии ленинизма.

Итак, основными ошибками теории «перманентной» революции являлись: 1) игнорирование буржуазного характера революции и 2) недооценка крестьянства. С методологически-марксистской точки зрения для этой теории характерен ярко выраженный эклектизм. Ничего оригинального на самом деле в этой теории нет. «Оригинальность» ее заключается только в том, что она эклектически соединяет в одну «теорию» кусочек от большевизма («плохо, вульгарно понятую большевистскую тактику в отношении пролетариата) и кусочек из меньшевизма (меньшевистскую тактику в отношении крестьянства и меньшевистский взгляд на то, что пролетариат не может быть гегемоном в буржуазно-демократической революции).

V.

Двум возможным исходам революции соответствовали две комбинации классовых сил в России. Довести до конца революцию мог только пролетариат в союзе с крестьянством. Буржуазия стремилась к сделке с помещичьим самодержавием в целях половинчатой, ублюдочной революции и боролась за влияние на массы. Этим двум комбинациям классовых сил соответствовали две линии поведения, две тактики, предлагавшиеся в пролетарской партии в первой русской революции. Большевистская тактика, зовущая пролетариат вместе с крестьянством на беззаветную борьбу с самодержавием, шла по первой линии. Меньшевистская тактика развращала пролетариат приспособлением его к либерально-монархической буржуазии, отдавала крестьянство под влияние этой буржуазии и, следовательно, шла по второй линии развития. Тактические испытания, данные историей в 1905 году, окончательно обнаружили революционно-пролетарский характер большевизма и оппортунистически-мелкобуржуазный—меньшевизма.

Представителем каких групп являлся тов. Троцкий? Были только две комбинации классовых соотношений (пролетариат и крестьянство, буржуазия и помещики), были только две принципиально выдержанные линии поведения: большевистская и меньшевистская. Этим объясняется незначительность влияния и троцкистской теории революции. Гвоздем русской революции был вопрос о крестьянстве. Поскольку в этом вопросе позиция т. Троцкого сходилась с меньшевистской, вся его позиция в целом шла (менее последовательно, чем меньшевистская) по второй линии. Но чем же объяснить «очень революционный» характер теории тов. Троцкого? Ведь признавал же тов. Троцкий революционные методы борьбы? Можно ли примирить этот факт с утверждением об оппортунистическом характере позиции тов. Троцкого?

Для оппортунизма отнюдь не характерно постоянное отрицание революционных методов борьбы. Что «экономисты» были оппортунисты, в этом теперь никто не сомневается. Но вождь экономистов Мартынов, оставаясь экономистом, в 1901 году, когда тов. Ленин (и вся старая «Искра») ставили в порядок дня упорную будничную работу над созданием кадров революционной пролетарской партии, под влиянием известий об оживлении рабочего движения в России, выкидывал (в «Рабочем Деле») лозунг «итти на штурм» самодержавия. И Мартынов [1])

[1]) Тот же т. Мартынов, оставаясь меньшевиком, работал вместе с тов. Троцким и Парвусом в «Начале»: он тоже был «левее» Ленина.

тогда считал себя «левее всех». «Отзовизм», «ультиматизм,—наконец позже—«рабочая группа», «рабочая правда» и т. п. течения в нашей партии были (теперь это тоже для всех несомненно) оппортунистическими течениями, но прикрывались они чрезвычайно революционной фразеологией и, во всяком случае, считали себя «революционнее» большевиков. Об эсерах и говорить нечего: «р-р-революционнее нас не было, нет и не будет ни одной партии в мире»,—основной тон всех их декламаций.

Беда оппортунизма заключается в том, что он в своих порывах «революционизма» всегда беспочвен, он не видит масс, которые нужно повести в борьбу, и потому «революционизм» оппортунистов всегда авантюристичен. Вторая его беда заключается в том, что он выдвигает лозунги штурма тогда, когда обстановка выдвигает на очередь задачу осады, или только упорной подготовки к штурму, когда же дело доходит до действительного штурма, оппортунисты чаще всего тащат рабочий класс на соглашение с врагом.

Так что признание теорией «перманентной» революции революционных методов борьбы отнюдь не противоречит характеристике ее, как разновидности оппортунизма. Теория тов. Троцкого была «левее» большевистской (тов. Ленин называл ее «несуразно левой перманентной революцией». См. журнал «Просвещение», май 1914 г., стр. 102—103). Но это не мешало тов. Троцкому поддерживать меньшевиков против большевиков во всех важнейших вопросах тактики. Лозунг «захвата власти пролетариатом», чрезвычайно революционная постановка международных задач рабочего класса и т. п. «левые» прелести теории «перманентной» революции не мешали тов. Троцкому объединяться с Масловым в вопросах аграрной программы, или, например, на лондонском съезде стоять за принятие в партию Прокоповича—заядлого и заведомого ревизиониста, фактически кадета и т. д., и т. п. Из практики тов. Троцкого до 1917 г. можно было бы дать бесконечно много иллюстраций к его «теории перманентной революции».

В брошюре «Новый курс» тов. Троцкий, протестуя против «кивков» в сторону теории «перманентной» революции, приглашает всех действительно интересующихся его теорией, «а особенно молодежь», не пугаться слова «перманент» и «с карандашем в руках» заняться ее изучением. Мы последовали этому совету. Результат наших работ мы отдаем на суд партии.

С. Дубровский.

Мелкобуржуазные теории аграрной эволюции *).

„Теория некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе ...есть, в сущности, теория громадного большинства буржуазных профессоров, буржуазных демократов-оппортунистов в рабочем движении всего мира, т.-е. новейшей разновидности тех же буржуазных демократов. Не будет преувеличением сказать, что эта теория есть иллюзия, мечта, самообман всего буржуазного общества". (Н. Ленин. „Новые данные о законах развития капитализма в земледелии").

Вопрос о крестьянстве и о работе в деревне занимает одно из первых мест в жизни нашей партии. Однако, не только партия уделяет особое внимание этим вопросам.

Товарищи, следившие за современной литературой по аграрному вопросу, несомненно, заметили за последнее время значительное оживление интереса к вопросам аграрной эволюции.

В 1919—20 годах появились работы Челинцева, Макарова и Чаянова по исследованию крестьянского хозяйства. В 1923 г. началась полемика в связи с книжкой Литошенко: «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства», в которой он выступил с критикой современных так-называемых неонароднических теорий, представляемых тремя названными выше авторами. Литошенко в противовес их пониманию крестьянского хозяйства, как семейно-трудового, выдвинул его понимание, как приобретательского. В ответ Литошенко появилась небольшая работа одного из представителей критикуемой школы Студенского «Очерки по теории крестьянского хозяйства». Чаянов выпускает, правда, в Германии, книжку по теории семейного хозяйства, в которой он подводит итог прежним эмпирическим работам этой школы. Вокруг теории крестьянского хозяйства закопошились и белогвардейцы. В Праге издается специальный журнал «Крестьянская Россия». В «Экономическом Вестнике», редактируемом Прокоповичем, помещаются статьи Бруцкуса и Прокоповича по вопросам эволюции и современного состояния крестьянского хозяйства. Как мы читаем в «Руле» 28/III 24 г., в конце марта в Праге в семинарии П. Б. Струве делает доклад Челинцев о русском крестьянском хозяйстве (одновременно с аналогичной дискуссией в Москве в «исследовательском институте при Тимирязевской с.-х. академии»—показательно!).

*) Настоящая статья является небольшим отрывком из готовящейся к печати брошюры под тем же названием.

Суханов выпустил «Очерки по экономии сельского хозяйства», в которых, повторяя свои прежние попытки, стремится подвести марксистский фундамент под народническую схему эволюции сельского хозяйства.

В наших сельскохозяйственных вуз'ах оживленно дебатируются вопросы, связанные с пониманием крестьянского хозяйства и его эволюции. Дебаты обычно ведутся нашими партийцами против проповедуемых им с кафедр не-марксистских теорий крестьянского хозяйства.

Полемика ведется вокруг вопросов, конечно, «академических». (В некоторых почтенных собраниях считается «не-академичной» и ненаучной классовая характеристика отдельных течений!) Вопрос идет, по внешности, о таких как-будто чисто-теоретических вещах, как нужна или не нужна особая теория крестьянского хозяйства, применимы ли категории политической экономии к явлениям крестьянского хозяйства, каково соотношение и судьбы крупного и мелкого хозяйства и т. п.

На самом деле вопрос идет, конечно, не только о теоретических вещах. Теоретические споры отражают лишь те социальные сдвиги, или, вернее, тенденции сдвигов, которые сейчас обнаруживаются в русской деревне. По существу вопрос идет о судьбах современной деревни, о соотношении классовых сил и о перспективах смычки крестьянства с социалистическим городом.

Если в области идеологии появилось нечто новое или, просто, вновь обнаружился интерес к чему-нибудь старому,—это уже первый признак нового явления в области экономии и в области классовых отношений.

Кратко рассмотреть эти новые идеологические образования, установить их связь с наметившимися процессами в современном крестьянском хозяйстве и является нашей задачей в настоящей статье. В дальнейшем мы критически рассмотрим каждую теорию в отдельности.

„Неонародники".

Громадное преобладание в России крестьянства и его активнейшее участие в революции не могли, конечно, не оказать влияния в области теоретических построений, особенно в области теории аграрного вопроса. Еще накануне революции в России создалась целая плеяда мелкобуржуазных теоретиков, которые преблагополучно существуют и по сей день. Мы имеем в виду, прежде всего, так-называемых ново-народников, представителей «организационно-производственной теории» или, точнее—теории «семейно-трудового хозяйства». Наиболее видные представители этого течения—Чаянов, Челинцев, Макаров, Рыбников и др.

Весьма распространенным является сравнение этой группы со старым народничеством. Их даже называют неонародники *).

Однако, между народничеством конца XIX века и современной «организационно-производственной школой»— дистанция огромного размера.

*) См. Литошенко, „Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства", Москва, 1923 г., стр. 4.

Старое народничество создавалось в момент внедрения капитализма в русскую деревню, когда он, врываясь, как разрушительная для полунатурального строя сила, ломал все старые устои, пролетаризовал крестьянство, выбрасывал его в города, уничтожал крестьянское хозяйство, как таковое. Вполне понятно, что в таких условиях мелкобуржуазные идеологи заостряли вопросы борьбы с капитализмом.

В этот момент народническая литература оказывалась «неприемлющей капитализма». Она была полна «капиталистической паники». Преобладали темы о «разорении», об «оскудении», о «нуждах деревни» и т. п.

Подъем крестьянского хозяйства после революции 1905—06 г. значительно укрепил позиции сельской буржуазии, а главное, значительно пополнил ее ряды. Она нашла себе место под капиталистическим солнышком и в условиях буржуазно-помещичьего строя. Продолжая быть оппозиционной,—но только оппозиционной—поскольку она вела борьбу с помещиками за прибавочную стоимость,—сельская буржуазия теперь занята не столько организацией борьбы с помещичьей властью, сколько вопросом организации своего хозяйства, его развития и укрепления в хозяйственной борьбе с крупно-капиталистическим помещичьим хозяйством.

Развитие обслуживающих крестьянское хозяйство агрономических и кооперативных организаций выдвинуло соответствующие кадры интеллигенции, связанной с крестьянством, или, точнее, с сельской буржуазией. Вот эта интеллигенция—агрономы, кооператоры и, разумеется, профессора, обслуживающие сельскохозяйственные учебные заведения,—и является сейчас носительницей и выразительницей мелкобуржуазных идей. Этого долго доказывать не приходится. Это признают и сами кооператоры и агрономы. Например, один из теоретиков нового течения Макаров *) говорит, что для успешного понимания крестьянского хозяйства необходимо «заразиться психологией хозяина», в которой он видит много «этически ценного, бодрого и красивого». По его мнению, «агрономическая помощь и кооперативное движение требуют своего социально-этического обоснования». Этим Макаров бессознательно подчеркивает, что интеллигенция, обслуживающая какой-либо класс или классовую группу, должна проникнуться — «заразиться» психологией этого класса.

Накануне войны интересующее нас направление занималось, главным образом, эмпирическим исследованием крестьянского хозяйства. Эти исследователи собрали довольно богатый материал, но, к сожалению, весьма часто испорченный, благодаря неправильному собиранию и обработке. Оформление этих теорий уже наступает в эпоху самой революции, и не случайно, конечно. Победа крестьянства в революции, уничтожение помещичьих хозяйств, усиление, благодаря этому, среднего крестьянства, и частичное окрестьянивание бедноты,—все это не могло не оказать влияния на рост и оформление мелкобуржуазных теорий крестьянского хозяйства.

*) Н. Макаров, „Крестьянское хозяйство и его эволюция", том I, Москва, 1922 г., стр. VI.

Как-раз в годы революции появляются работы Челинцева *), Макарова и др. Наконец, мы имеем уже попытку теоретического обобщения этих работ в вышедшей на немецком языке книжке Чаянова **), в которой он исследует «чистую культуру» мелкобуржуазного хозяйства. Так как на других работах нам уже приходилось останавливаться в печати, и так как работа Чаянова представляет собой, как это он и сам считает, синтез всех предшествовавших эмпирических исследований данной школы, то мы на этой работе и остановимся.

Самым достопримечательным в разбираемой работе является попытка ниспровержения марксистского метода в приложении к пониманию «природы» крестьянского хозяйства. Конечно, в книжке даже и речи о марксизме нет. Он и до сих пор, по обыкновению буржуазных профессоров, просто замалчивается. Речь идет лишь о теоретических положениях «классической политической экономии». Чаянов уже в самых предпосылках своего анализа старается создать такие его условия, которые заранее исключили бы возможность, как он думает, объяснить явления крестьянского хозяйства в обычных рамках «классической политической экономии» ***). Так как суть марксизма заключается в учении о прибавочной стоимости и о классовой борьбе, то он берет бесклассовое общество—абстрактно взятое общество чисто-мелкобуржуазного хозяйства. Объектом его исследования является хозяйство, не применяющее наемного труда, и пользующееся силами только своей семьи. Как он выражается, он исследует «чистую культуру семейного хозяйства» ****). Классическая политическая экономия (и марксизм) рассматривает все явления экономики, как явления прежде всего общественные, и вот Чаянов берет хозяйство, которое, по его мнению, в своем развитии определяется не экономическими факторами, а биологическим—эволюцией семьи.

По его мнению, количество работников в крестьянской семье определяет количество труда, которое может быть ею израсходовано, как-будто размер трудовых затрат семьи не определяется размером хозяйства. Мы знаем, что даже в конструировании семьи у крестьянства на первом месте стоит не биологический мотив, который у интеллигента окрашивает брак в розовые краски лирического чувства, а чисто-хозяйственный. Крестьянин и до сих пор подбирает прежде всего работницу, часто с соответственным имуществом—приданым. Если даже взять хозяйство, не применяющее наемного труда, то и в нем брак или прием зятя является средством пополнения рабочих сил семьи. Не хозяйство приспособляется к семье, а семья к хозяйству.

Также совершенно неправильно выставленное им положение, что трудовые затраты определяются потребностями семьи. Потребность, как это считает и сам Чаянов, настолько неопределенная величина, что ни в коем случае не может служить определяющим моментом

*) И. И. Челинцев, „Теоретические основания организации крестьянского хозяйства", Харьков, 1919 г. Его же, „Опыты изучения организации сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативной агрономической помощи на примере Тамбовской губернии", Харьков, 1919 г.

**) Alexander Tschaianow, Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landbau, Berlin, 1923.

***) Чаянов. Цит. соч., стр. 7.

****) Там же, стр. 8—10.

для хозяйственной деятельности. Наоборот, «потребность» и потребление каждой крестьянской семьи, как это показывают бюджетные данные, исключительно определяются размером ее хозяйства.

В нашу задачу не входит подробная критика всей работы Чаянова, но мы должны заметить, что установление примата потребления и биологического момента в крестьянской семье ему нужно для того, чтобы доказать, что категории стоимости, ренты и т. п., так же, как и законы воспроизводства средств производства, которые он неправильно называет капиталом, являются принципиально отличными от тех категорий, которыми оперирует «классическая политическая экономия». Исследования этих категорий он пока не дает, только обещает дать. Не нужно быть пророком, чтобы предполагать неизбежность при его методе повторения им всей вульгарщины современных психологических школ.

Хотя, по мнению Чаянова, семейное крестьянское хозяйство является в корне отличным от капиталистического, он все же не отрицает влияния капитализма на развитие сельского хозяйства, надеясь, однако, на противодействие ему кооперации (стр. 109). Не отрицает он и наличие диференциации крестьянства *). Но и здесь у него впутывается семья, как главный фактор этой диференциации. Сравнивая материалы XVIII и XIX вв., указывающие на наличие расслоения в том и другом веке, он сводит это расслоение к эволюции семьи **)! Пользуясь заведомо негодными для установления динамики расслоения крестьянства материалами Кущенко по обследованию Суражского уезда, Черниговской губ., а также материалами послереволюционной нивеллировки крестьянства, он затушевывает этим действительное расслоение, имевшее место в России накануне революции. Он не только «устанавливает» факт преобладания мелкого производства в России. Оперируя исключительно цифрами о процентном отношении числа мелких хозяйств к общему числу хозяйств в европейских странах, несмотря на заведомую недопустимость подобного приема, он пытается утверждать, что семейное хозяйство господствует в европейском земледелии, давая значительную долю с.-х. продукции. Между тем, европейские мелкие хозяйства в большинстве уже не сельские. Как показывают статистические обследования: почти 100% из них существуют заработком от индустрии, транспорта и торговли, крупные же хозяйства не семейные, так как они нанимают батраков ****).

В работе Чаянова много и еще «интересных» по своей путанице и недопустимым методологическим приемам мест, но разбор их пока-что мы должны оставить.

Несомненно, все попытки Чаянова из нутра крестьянского хозяйства, из крестьянского окошка объяснить все хозяйственные процессы обречены на полную неудачу. Крестьянское хозяйство лишь частица всего народного хозяйства, и только так его можно рассмотреть. В своем объяснении крестьянского хозяйства, в понимании основных категорий этого хозяйства он повторяет весь теоретический обман современных буржуазных теорий политической экономии и самообман крестьянина, наивно думающего, что именно его семья и его воля являются основными факторами, определяющими его хозяйственную деятельность, плохо отдающего себе отчет в тех внешних силах, которые фактически руководят всей его хозяйственной деятельностью.

*) Там же стр. след. 102—104.
**) Те же, стр. 95.
***) Для примера сошлемся хотя бы на такую страну мелкого земледелия, как Баден. См. Landwirtschaft, Forstwirschaft lagd und Fischerei im Grosseheroqtum Baden 1914 и 1915 г. (см. распределение сельских хозяйств по их главному занятию).

Вред этой теории заключается в том, что она поддерживает иллюзии о каких-то качественных преимуществах мелкого крестьянского хозяйства *), тогда как основной задачей сейчас является выявление всей нерациональности мелкого хозяйства, существующего, как говорил Ленин **), за счет хищнической растраты своих собственных сил, сил своей семьи, средств производства и т. п.

Отрицательная роль книжки состоит и в затушовывании экспроприирующего влияния на крестьянство торгового и ростовщического капитала. Этого влияния Чаянов не отрицает ***), однако, в своей книжке он уделил этому более чем скромное место. Между тем, по его словам, книжка нашла себе широкое распространение в странах мелкого земледелия—Индии, Китае и других колониальных странах. Полагаем, что этим вниманием книжка обязана не только самим мелким производителям, а тем, которые озабочены их идеологической обработкой. Отчего врагам крестьянина не распространять книжку, в которой так много говорится, что судьба крестьянской семьи находится в ее руках, зависит прежде всего от размеров ее трудовых сил и запросов потребления, в которой много говорится о самоэксплоатации крестьянина, и чрезвычайно мало или почти ничего об эксплоатации его действительными врагами—крупным землевладением, торговым и ростовщическим капиталом, в противовес которым выдвигается безобидное кооперирование?..

Такова теория крестьянского хозяйства семейно-трудовой школы в ее статике. В динамике, если сравнить настоящую работу Чаянова с предыдущими, мы наблюдаем несомненно сдвиги в сторону локализации семейного хозяйства и перенесения внимания на развитие прочих видов хозяйств. Чаяновым выдвигается теория диференциальных оптимумов, которая, несомненно, является фактически сдачей позиций мелкого хозяйства, а теоретически не менее надуманной, чем его теория мелкого хозяйства.

Методологически эти сдвиги идут, несомненно, по линии современных буржуазных экономических школ психологического направления.

Эти сдвиги находятся в теснейшей связи с теми тенденциями сдвигов, которые наблюдаются в современном нашем хозяйстве, именно тенденциями рецидива капитализма и нарождения новой буржуазии.

Идеологи кулацкого хозяйства.

В последнем отношении чрезвычайно характерно, что от этой школы окончательно откололся Бруцкус, который уже давно выступает, как апологет не мелкого, а крупного капиталистического фермерского хозяйства. Как в статьях и работах, появившихся в России, так и за гра-

*) Там же, стр. 5 и 40.
**) Н. Ленин „Аграрный вопрос“, 1408 г., стр. 215.
***) Цит. работа, стр. 109.

ницей, он является горячим защитником «столыпинской» ставки на деревенского кулака.

Отражая то же самое новообразование в русской деревне выступает и Прокопович *). Для этого бывшего «марксиста» характерна не только апология кулацкого хозяйства, но также и полный отказ от марксистской методологии. За революцию он окончательно растерял последние остатки марксистского метода, если таковые в ничтожной мере у него и сохранялись. Отметим, как курьез, его совет Ленину поучиться у Черненкова **). У петуха бы поучился!..

Этот бывший марксист пытается всяческими способами отвергнуть какую бы ни было закономерность в эволюции крестьянского хозяйства. Он говорит, что вообще нет никаких абсолютно необходимых путей развития исторических явлений. В зависимости от условий, в которых находится крестьянство, например, в зависимости от урожая (!), крестьянское хозяйство может нивеллироваться и диференцироваться.

Понятно, почему Прокопович после революции начинает отрицать установленные Марксом законы общественного развития. Какие же эти законы, если по ним, в трактовке Прокоповича и К°, никакой пролетарской революции в России не должно было быть, а она совершилась? Если, по этим же законам Прокоповича, Советская власть должна была пасть через три недели, а она преблагополучно существует целые годы? Ясно, что такие «законы» для Прокоповича не подходящи. Долой эти законы! Куда лучше по принципу: «не то дождик, не то снег, не то будет, не то нет».

Зато Прокопович хорошо знает, что вредна та политика, которая разрушает крупные хозяйства и насаждает мелкие ***). В чей огород камешек—читатель догадывается сам. Политически Прокопович солидаризуется, конечно, с Бруцкусом и ему подобными.

Одновременно с этими теоретиками фермерского хозяйства выступает и Литошенко ****), который в выпущенной им брошюре обрушивается на семейно-трудовую теорию с точки зрения несоответствия ее задачам буржуазного развития. В противоположность пониманию крестьянского хозяйства, как трудового и потребительского, он выдвигает его понимание как приобретательского, руководящегося в своей действительности именно этими «психологическими мотивациями». Мотивации его идут под лозунгом приобретательства. Читатель, конечно, узнает в этом отображение идеологии современного героя капиталистического накопления с его лозунгом: «хапай, где только возможно».

Этот теоретик героев современного накопления не прочь и пофилософствовать. Но его философия несложна, как несложна идеология того класса, который он представляет. У него в жизни борются две силы—«эволюция и прогресс», доброе и злое начало.

«Эволюция,—поучает он читателя в первых же строках своей книги,—это мертвый бездушный, лишенный творческой мысли, разумного

---

*) См. его статьи в „Крестьянской России", № 2—3, а особенно в „Экономическом Вестнике", № 2—„Динамика крестьянского хозяйства".
**) „Эконом. Вест". стр. 45.
***) Прокопович, там же, стр. 53.
****) Литошенко, „Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства", Москва, 1923 г.

смысла процесс, движение, в котором нет начала и конца, нет добра и зла, нет истины и заблуждения», а «теория прогресса ставит вопрос о конечном назначении и судьбах человечества, она верит, что история имеет смысл, она верит в силу человеческого разума, и конечное торжество его над неразумной причинностью» *).

Если же расшифровать весь смысл его формулы, то получается более, чем ясная картина в отношении русского сельского хозяйства. «Эволюция»—это, видите ли, тот «бездушный процесс», который «ведет, если не завел» Россию в тупик, именно привел Россию к тому состоянию, что ей грозит «судьба Китая» **). Но, оказывается, этот Китай не китайский, а русский. Крестьянское хозяйство, говорит Литошенко, двумя страницами выше, «пожрав помещичье хозяйство, принимается за свои собственные верхи, затем сердцевину, и, наконец, начинает вариться в собственном соку нищеты и беспомощности». Вот вам эволюция! А хотите прогресс—извольте: «государство должно взять под свое покровительство, быть-может, временно более слабый, но единственно прогрессивный»... «экономический фактор» и поясняет: «развитие потребностей и ставка на сильное хозяйство, таковы основные черты политики, рассчитанной на разряжение крестьянского хозяйства, и, следовательно, на увеличение производительности сельского труда» ***).

Вот вам и прогресс, — какой?—читатель легко узнает—кулацкий прогресс.

Конечно, под такой «прогресс» надо подвести теорию. И вот, Литошенко жестоко критикует своих соратников. Для него, конечно, «трудовая потребительская теория крестьянского хозяйства есть запоздалое отображение давно изжитого натурально-хозяйственного строя» ****). На все крестьянское хозяйство он смотрит глазами своего «приобретательского хозяйства»,—для него деревня существует только, как таковая. О тех, которым нечего приобретать, он умалчивает. Диференциации крестьянского хозяйства для него не существует. В самом деле, что иное может сказать Литошенко про крестьянское хозяйство, если он является адептом современных архибуржуазных теорий, считающих, что даже рабочий, и тот ведет приобретательское хозяйство—и у него есть свой капитал, только «индивидуальный»? Вот вам и лови капиталиста, когда сам рабочий оказывается также капиталистом!..

Литошенко в одном из своих выступлений строил сложную систему классификации экономических явлений, которая должна была с несомненностью установить, что крестьянское хозяйство есть именно приобретательское хозяйство. Но весь смысл такой «систематики», конечно,—ввести наибольшую бессистемность, спутать все карты, чтобы все хозяйства были «приобретательски серы». Кому это выгодно,—вряд ли нужно пояснять.

Итак, Чаянов и К° пока-что все еще являются идеологами, главным образом, той мелкой сельской буржуазии, которая хочет жить «по справедливости»—работать в

---

*) Литошенко, „Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства", стр. 3.
**) Там же, стр. 106.
***) Там же, стр. 46.
****) Там же, стр. 24.

меру своих семейных сил (да на что нам наемные батраки!), лишь бы быть сытым; которая, когда позволяют размеры ее хозяйства, если и хочет капиталец приобрести, то, во всяком случае, старается, пока-что, свою семейно-трудовую невинность соблюсти. Литошенко же,—представитель современного воинствующего героя первоначального накопления,—приобретай, «хапай»—и все тут. Особой теоретической силы и ума для этого не требуется, а все остальное у теоретиков этого направления имеется.

Сухановские поправки марксизма.

Чтобы закончить наш сжатый очерк современных мелкобуржуазных теорий, нам нужно еще остановиться на работах Н. Суханова, который, несомненно, представляет собою особую разновидность мелкобуржуазных теоретиков. Он считает себя марксистом. Хотя, как мы будем говорить далее, у него и путанная голова, но все же—доброе сердце. «Я убежден,—говорит он,—что защищаю именно те позиции, какие должны быть свойственны марксизму» *), хотя он и знает, что защищаемые им тезисы «вероятно (!) доселе не встречают всеобщего признания» **). Его задача—«вскрыть некоторые предрассудки, пересмотреть шаблоны, отвергнуть упрощения некоторых из марксистских авторов» ***).

В какую же сторону идут Сухановские «поправки марксизма»? Оказывается, в сторону установления того, что «в пределах буржуазного строя» «сельскохозяйственная промышленность эволюционирует от экстенсивного земледелия к интенсивному, от коллективно-крупного к семейно-мелкому, от капиталистического к трудовому, от разделения продовольственных и товарных функций между отдельными хозяйствами к соединению этих функций в одних и тех же хозяйствах» ****).

Как видим, у Суханова марксизм наизнанку,—вместо устанавливаемой марксизмом концентрации—у него раздробление, вместо торжества крупного торжество мелкого, да еще «семейно-трудового» производства! Вот вам сухановская «поправка» марксизма. Очевидно, Суханов, называя себя марксистом, считает, что основным признаком марксиста является отрицание марксизма. Вот уже подлинно: «избави нас бог от таких друзей, а от врагов мы и сами избавимся»!

Как же Суханов обосновывает такую существеннейшую поправку? Конечно, с цифрами в руках. Для России он считает доказанным (?), что развитие идет по его схеме,—и это после работ Ленина!

А что он сделал с Америкой! Даже в отношении американского земледелия он трубит, что и «здесь огромное большинство хозяйств должны быть отнесены к мелким и трудовым», и только одну пятую он относит к капиталистическим *****). Как же он это проделывает? Очень

*) Н. Суханов, „Очерки по экономии сельского хозяйства“, 1924 г.
**) Там же, стр. 3.
***) Там же стр. 60.
****) Там же, стр. 76.
*****) Там же, стр. 246.

просто,—берет процентное отношение мелких хозяйств по отношению к крупным и, конечно, доказывает, что мелких—большинство. Ни данных о применении наемного труда, ни других данных он не приводит. Уменьшение числа батраков он объясняет победой трудового хозяйства; насколько машина вытеснила рабочую силу,—он, конечно, умалчивает. Что касается динамических данных, то в отношении всех стран он берет сравнение хозяйств во времени по их площади, несмотря на то, что недопустимость подобного приема уже достаточно твердо установлена, по крайней мере, у марксистов. Только благодаря сравнению хозяйств по их земельной площади он и может ввести читателя в заблуждение относительно факта разложения крупных хозяйств в Европе, но в отношение Америке даже и этом, прием показывает рост крупных. И нужна исключительная тенденциозность Суханова, чтобы развитие капитализма в американском земледелии превратить в его разложение.

Теоретическое обоснование разложения капитализма у Суханова чрезвычайно примитивно. Он полагает, что разложение земледельческого капитализма неизменно вызывается развитием индустриального капитализма **). Он считает последний не другом земледельческого капитализма, а его врагом ***). Индустриализация страны, по его мнению, вызывает отлив рабочих рук от сельского хозяйства и тем самым подъем заработной платы, что и заставляет, будто бы, капиталистическое хозяйство отказываться от применения наемного труда.

В доказательство этого еще в 1908 году Суханов в своей работе: «К вопросу об эволюции сельского хозяйства» ****), поместил таблицу, в которой сопоставляются два статистических ряда: размеры хозяйств по районам России и процент «промышленников», т.-е. крестьян, уходящих в промысел. Эту таблицу Суханов выдвигает, как своего главного боевого слона. На самом деле она не доказывает того, что ею хотелось доказать самому Суханову. Из того, что хозяйство в нечерноземном центре мельче, чем на юге, юго-востоке, отнюдь не следует, что в этих районах капитализм разлагается. Например, в Тульской губернии обеспечение крестьян землею значительно ниже, чем в Новороссии, но капитализм от этого там вовсе не разлагался, а, наоборот, весьма успешно развивался, хотя, благодаря малоземелью, диапазон этого развития был значительно слабее, чем в многоземельных районах. Суханов историю подменяет географией. Но этого мало. Из всего индустриального развития Суханов взял только промыслы, между тем, промыслы отнюдь не могут представлять собою весь индустриальный капитализм. Пролетаризация населения, вылущивание «промышленников» и земледельцев, это лишь одна сторона развития капитализма. Суханов, пространно толкуя о влиянии индустриального капитализма на сельское хозяйство, не остановился на другой стороне этого влияния, на углублении внутреннего рынка для этого хозяйства, росте цен, повышении земельной ренты и предпринимательской прибыли. А между тем, последнее с

**) Там же, стр. 122.
***) Там же, стр. 117.
****) Н. Суханов, „К вопросу об эволюции сельского хозяйства“, 1908 г., стр. 296.

лихвой компенсирует капиталистическому хозяйству повышение расхода на заработную плату. Суханов не остановился на том, что индустриальный капитализм, отнимая живой труд от сельского хозяйства, возвращает его в конденсированном виде, в виде сельскохозяйственных машин и орудий. Только благодаря тому, что Суханов влияние промыслов выдавал за влияние всего индустриального капитализма в сельском хозяйстве, он и пришел к таким парадоксальным выводам, что, будто бы, индустриализация страны ведет за собой разложение сельскохозяйственного капитализма. Из факта же разложения земледельческого капитализма, он пришел к весьма мрачным политическим выводам. С этой-то стороны его теория и вредна.

Вопрос о развитии земледельческого капитализма нас интересует постольку, поскольку не победила еще мировая революция, и для нас вопрос о привлечении крестьянства на сторону революции отнюдь не является второстепенным. Развитие капитализма, с этой точки зрения, может нас интересовать с двух сторон: во-первых, со стороны обобществления им сельскохозяйственного производства, как ступени к социалистической организации земледелия, а, во-вторых, со стороны развития внутренних противоречий капиталистического строя, которые подготовляют революционный взрыв в деревне.

После работы Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» только заведомо недобросовестные люди могут приписывать марксистам надежды на полное исчезновение крестьянства к моменту пролетарской революции и на полное обобществление капитализмом сельского хозяйства.

Мировая социалистическая революция, которая приближается с головокружительной быстротой, не будет ждать, пока запоздавший земледельческий капитализм будет наверстывать потерянное время (а отстал он отнюдь не по тем причинам, которые изображает Суханов). Очевидно, лишь социализму придется завершить технически переворот в деревне. Таким образом, беда не в том, что, как говорит Суханов, «земледельческий капитализм никогда не разложит крестьянского хозяйства»,—это еще полбеды, беда заключалась бы в том, если бы он не разлагал крестьянского хозяйства. Ведь вся революционность мелкого крестьянства определяется именно тем, что Суханов так упорно отвергает, именно раскрестьяниваньем крестьянства, экспроприацией деревенской бедноты и середняка. Как бы медленно этот процесс ни протекал, именно эта экспроприация обеспечивает выступление крестьянства в союзе с пролетариатом и обеспечивает также идеологическое влияние пролетариата на крестьянство. Характерно, что в России даже явно мелкобуржуазные партии именовали себя «социалистическими». Как удачно заметил М. Н. Покровский, самозванцы в прежнее время в России именовали себя царями, а в эпоху русской революции—«социалистами», иначе бы они не имели влияния на массы.

И вот, поскольку Суханов своей теорией фактически отрицает революционизирующую роль капиталистического развития в деревне, он и приходит к весьма пессимистическим выводам относительно роли крестьянства в революции. С этой точки зрения его теория вредна и реакционна.

Итак, мы весьма бегло просмотрели наиболее видные течения в современных мелкобуржуазных теориях аграрного развития. Мелкобуржуазная стихия захлестывает теоретически высоты. Необходимо нашей партии быть на-чеку. Особенное внимание должно быть уделено нашей молодежи, которой в вузах приходится выдерживать борьбу с проповедуемыми с кафедр мелкобуржуазными теориями. Надо у нее выработать и заострить критическое чутье, тем более, что она после гражданской войны, сильная в критике оружием, не всегда еще в совершенстве владеет оружием критики.

Нам необходимо, как можно больше делать для изучения работ Ленина по аграрному вопросу. Это наилучшее средство отточить оружие критики.

А. Мартынов.

Неудачное подражание.

В партдискуссии, как известно, большой успех имела речь т. Сталина о «шести ошибках т. Троцкого». Тов. Вардин пытался проделать этот же опыт со мной. Когда появилась в печати моя популярная брошюра «Великий пролетарский вождь», тов. Вардин, нагрузившись цитатами из Ленина, и вооружившись лупой, стал сопоставлять отдельные выражения моей брошюры с соответственными и несоответственными текстами из Ленина и в результате этого «исследования» он у меня тоже открыл шесть «ошибок». Открытия тов. Вардина, думается мне, тоже будут иметь успех, только в обратном смысле. Они послужат образчиком того, как не следует изучать, как не следует понимать, как не следует толковать Ленина. Они еще раз подтвердят то, на что сам Ленин обращал внимание своих читателей в предисловии к его сборнику—«За двенадцать лет», а именно, что для его понимания недостаточно выучить на-зубок тексты его писаний, что надо еще знать, в какой конкретной обстановке та или иная статья писалась, что надо еще уметь рассматривать его политические выступления в исторической перспективе.

Рассмотрим последовательно в том порядке, как их разбирает тов. Вардин, мои шесть мнимых ошибок.

П е р в а я о ш и б к а. Я писал в брошюре: «Он (Ленин) убедился уже из первого свидания со мной, что я в борьбе с «экономизмом» остановился на полпути, что я в организационном вопросе с ним не пойду, и поэтому он решил как-раз против меня направить главный удар с правильным стратегическим расчетом, что непоследовательный противник опаснее последовательного». Тов. Вардин, внимательно перечитав книжку «Что делать?» Ленина, ни слова там не нашел о моей хотя бы и непоследовательной борьбе с «экономизмом», и потому он решил, что «тов. Мартынов не вел никакой борьбы с «экономизмом», и это если я защищал «политику», то лишь трэд-юнионистскую политику. Если бы тов. Вардин не только читал «Что делать?», но и подумал бы о том, в какой конкретной обстановке эта книга писалась, у него должен был бы возникнуть вопрос: почему Ленин наиболее ядовитые стрелы направил против Мартынова, несмотря на то, что Мартынов был единственным из видных «рабочедельцев», которого Ленин попытался на описанном мной свидании перетянуть на сторону «искровцев», несмотря на то, что Мартынов был единственным «рабочедельцем», который был приглашен в редакцию «Искры» сейчас же после раскола партии. Но тов. Вардину не дано умение связывать тактику Ленина с конкретной обстановкой данного момента, поэтому подобный вопрос у него не воз-

никал. В действительности же дело обстояло так. Еще во время моего участия в «Южном Рабочем» в 1900 г. я, будучи недоволен узкой «трэд-юнионистской» постановкой нашей партийной работы, стал читать рабочим лекции по русской истории, которые я впоследствии, накануне моего вступления в редакцию «Рабочего Дела», издал в виде особой книжки, заслужившей сугубое одобрение со стороны тов. Плеханова, ведшего тогда отчаянную борьбу с экономистами. Затем, уехав за границу и вступив в заграничный «Союз русских социал-демократов», я в Берлине вместе с Базаровым решил начать внутри Союза борьбу против «экономизма». С этой целью я, между прочим, послал в редакцию «Рабочего Дела» статью «Очередные вопросы», направленную против «экономизма»,—статью, принятие которой я поставил условием моего вступления в редакцию, и которая действительно была помещена Кричевским в 9 № «Рабочего Дела» с оговоркой от редакции. Главные два кита, на которых держался, как известно, «экономизм», были: «теория стадий» (сначала рабочим нужно говорить о ближайших экономических нуждах, а потом о ближайших, касающихся только рабочих политических требованиях, а потом уже о низвержении царского самодержавия) и теория постепенного завоевания «частных прав». Против этих-то двух китов и направлена была моя статья. В первой части я доказывал, что «теория стадий» исходит из нелепого представления, что рабочие представляют какую-то особую категорию «экономических людей», что всякий человек, и рабочий в том числе, имеет то или иное мировоззрение, хотя бы смутное, хотя бы наивное, и что рабочие интересуются поэтому не только вопросами заработной платы. Во второй части я доказывал, что частичные завоевания коалиционных прав, а тем более закрепление этих завоеваний в самодержавной России, есть чистейшая утопия, что, как только развернется пролетарская борьба, это неизбежно вызовет у нас движение других общественных классов, и в результате все царское самодержавие затрещит по всем швам, что коалиционные права рабочие завоюют у нас не до, а после падения царского самодержавия. Читатель видит, что моя статья была направлена как-раз против трэд-юнионистской политики наших экономистов, хотя я в этой статье не употреблял выражения «трэд-юнионизм» и сознательно избегал слова «экономизм» из дипломатических соображений. Почему же Ленин с особенной силой именно на меня обрушился? Потому что я вел непоследовательную и нерешительную борьбу с экономистами, избегая даже употребления этого слова, потому что я счел возможным сидеть в одной редакции с беспринципным эклектиком Кричевским и даже с ярым экономистом Иванпиным для сохранения «доброго мира» в организации, потому что я стоял за единство организации во что бы то ни стало, не говоря уже о том, что я, как неоформленный меньшевик, принципиально был против ленинского якобинизма. Ленин обрушился против меня с особенной силой за то, что я пытался изнутри реформировать «Рабочее Дело», затягивая его неизбежную смерть, за то, что я старался гальванизировать труп.

В т о р а я о ш и б к а. Я писал,—что Ленин, выдвинув накануне 3-го съезда партии лозунг «диктатуры пролетариата и крестьян», знал, что в тот момент ее еще невозможно было осуществить, «но вся историческая обстановка говорит за то, что мы уже сегодня должны взять курс на диктатуру пролетариата и крестьянства». Тов. Вардин, не задумываясь даже о той обстановке, при которой этот лозунг был выдвинут

Лениным, возражает мне: «Ленин ни минуты не сомневается, что «уже сегодня», т.-е. летом и осенью 1905 года, во время всеобщих стачек и восстаний, «мы можем осуществить эту диктатуру»... Так говорит тов. Вардин. А послушаем, что говорил об этом сам Ленин. Свой доклад по этому вопросу на 3-м съезде Ленин начинает следующими словами: «Моя задача—изложить постановку вопроса об участии социал-демократов во временном революционном правительстве. На первый взгляд может показаться странным, что подобный вопрос возник. Можно подумать, что дела социал-демократов обстоят великолепно и вероятность их участия во временном революционном правительстве очень велика. На самом деле это не так. Обсуждать этот вопрос с точки зрения ближайшего практического осуществления было бы «дон-кихотством».

Соответственно с этим Ленин в проекте резолюции, которую он предложил на этом съезде, говорил пока осторожно лишь о «допустимости» участия при известных условиях. Дальнейшие комментарии излишни.

Третья ошибка. Тов. Вардин утверждает, что я смешивал большевистскую формулировку «революционная и демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» с формулировкой Троцкого «диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство». Это пустяки. В брошюре я вовсе не касался формулировки Троцкого, но в «Красной Нови», где я говорил о ней, я резко противопоставлял ее большевистской формулировке. Тов. Вардин далее пытается разъяснить мне «две очень несложные мысли: 1) буржуазная революция может быть куцой, приводящей к власти либералов, и может быть радикальной, народной, сметающей все остатки феодализма... 2) буржуазный либерализм не может, не хочет, не способен довести буржуазную революцию до конца» Это действительно несложные мысли, и тов. Вардин напрасно старается мне их пояснить: я сам их не хуже г. Вардина изложил в своей брошюре. Но я, излагая большевистскую формулировку («диктатура пролетариата и крестьянства») и подтверждая ее правильность для 1905 года, все же присовокуплял, «что Ленин в 1905 году еще не ясно представлял себе характер русской революции, считая ее буржуазной», и что правильнее в то время обосновал большевистскую тактику Каутский, утверждавший, что русская революция будет новым типом революции, стоящим на меже между старыми буржуазными и новыми социалистическими революциями. Возражая против этого моего утверждения, т. Вардин вопрошает меня: неужели мне не ясно, что буржуазные революции могут быть различные, что они могут быть половинчатые, могут быть решительные, доведенные до конца. Это мне совершенно ясно было, т. Вардин, но мне ясно также и другое, что вы даже не понимаете, о чем вопрос идет, что вы даже не понимаете всей трудности задачи, которую должен был решить Ленин. Что революция по своему экономическому содержанию могла быть буржуазной и в случае сделки либералов с царизмом, и в случае полной демократизации страны,—совершенно ясно. Но труднее решить было другой вопрос: могли ли бы мы удержаться строго в рамках экономической программы буржуазной революции в условиях диктатуры пролетариата и крестьянства, не вынудила ли бы нас сама логика революционной диктатуры выйти за эти рамки? Вот тут-то я склонялся к точке зрения Каутского, утверждавшего, что наша революция в деревне в аграрной области будет чисто-буржуазной, но что на-ряду с этим нам придется сделать такие вторжения в городскую капиталистическую промышлен-

ность (национализация монополизированных отраслей промышленности), которые хотя еще сами по себе не будут означать социализма, но которые поднимут нас «во всяком случае на ближайшую ступень к социализму». Поэтому мне казалось, что нашу революцию уже в 1905 г. *во всех смыслах* правильнее было бы определить не как буржуазную революцию, а как новый тип, находящийся на меже между буржуазными и социалистическими революциями.

Так я думал, но это была ошибка, как я в этом убедился после, когда я внимательнейшим образом перечитал все, что Ленин когда-либо писал об аграрном вопросе и о характере русской революции. Но этой моей действительной и единственной ошибки тов. Вардин как-раз по иронии судьбы и не понял, потому что это связано с очень трудным и сложным вопросом, а тов. Вардин хорошо усвоивает лишь «несложные мысли». Суть моей ошибки заключалась в следующем: Ленин правильно утверждал, что аграрный вопрос стоит в центре русской революции, что экономический характер ее определится в зависимости от того или иного способа решения аграрного вопроса, и что при любом из способов он будет решен по-буржуазному. Ленин далее тоже думал (чего я раньше не предполагал), что при радикальном решении аграрного вопроса, возможном лишь при диктатуре пролетариата и крестьян, мы, может-быть, будем вынуждены выйти экономически за пределы чисто-буржуазной революции; но он понимал, что закрепить мы сможем только буржуазные завоевания революции; если нас не поддержит социалистическая революция на Западе, что в условиях 1905 г. было проблематично, то нам после того, как мы зайдем слишком далеко вперед, придется отступить. В виду того, что этот шаг к социализму после победы революции в условиях 1905 г. был бы, таким образом, только зигзагом, Ленин основательно считал ненужным и даже вредным заранее зафиксировать его в экономической программе революции, ибо это только бы затруднило наш путь к победе, вставляя преждевременно клин между пролетариатом и крестьянством. Этот ход мысли Ленина лучше всего показывает, каким он был гениальным стратегом, но как-раз это ускользает от внимания тех, которые облегчают себе задачу понимания Ленина крайне упрощенной постановкой вопросов, как это делает тов. Вардин. Подробнее об этом вопросе я останавливаюсь в своей статье «Ленин и аграрный вопрос в России», которая печатается во 2-м номере «Коммунистического Интернационала».

Четвертая ошибка. Излагая взгляд Ленина по вопросу об отношении к другим партиям в «искровский» период, я писал: «Мы не будем поддерживать других революционных и оппозиционных партий и групп, мы заставим их нас поддержать». По этому поводу тов. Вардин возражает: никогда Ленин этого не говорил. «Он говорил как-раз обратное: мы будем поддерживать в борьбе с царизмом всякую революционную и оппозиционную партию и группу, мы будем поддерживать всякий действительно революционный и действительно оппозиционный шаг любой буржуазной партии». В подтверждение этого тов. Вардин ссылается на союз Ленина и Плеханова с «легальными марксистами» в 90-х гг., на союз нашей партии с левыми с.-р. в 1917 г. и на тактику Коммунистического Интернационала по отношению к партиям Кемаля-паши в Турции, националистов—в Индии и партии «гоминдана» в Китае. Больше чем где бы то ни было тов. Вардин здесь показал, как он мыслить неисторично, он тут путает один принцип абстрактный, при-

менимый к самым различным историческим условиям, с другим принципом, отличным от первого, меняющимся в зависимости от конкретной исторической обстановки. Т. Вардин говорит, что мы должны поддерживать всякий действительно революционный и действительно оппозиционный шаг любой буржуазной партии. Это святая истина, и эту истину одинаково признавали и большевики, и меньшевики. Эта истина одинаково применима и к России, и к Китаю, и к 1905, и к 1917 году. Но я говорил не о поддержке того или иного оппозиционного или революционного шага, не о поддержке революционного или оппозиционного движения, а о поддержке оппозиционных и революционных партий. Это «две большие разницы», тов. Вардин! Этот вопрос решается с точки зрения конкретной исторической ситуации. В обстановке, в которой наша партия находилась в эпоху первой революции, меньшевики и большевики на этот вопрос давали два противоположных ответа. Исходя из своей схемы, что в буржуазной революции сначала должна прийти к власти либеральная буржуазия, а потом радикальная буржуазия, и что в обоих случаях наша партия должна сохранить положение лишь крайней левой оппозиции, меньшевики утверждали, что мы должны на первом этапе революции поддерживать либеральную «партию» в ее борьбе с царским самодержавием, «стараясь придать ей храбрость». На этом основана была известная меньшевистская «земская кампания» в 1904 г. На этом впоследствии была основана поддержка в думе кадетской партии, выдвинувшей лозунг «ответственного министерства». Большевики, наоборот, исходя из того, что наша партия должна иметь гегемонию в революции, что она должна стоять во главе всех эксплоатируемых и угнетенных слоев населения и всех демократических элементов ее, с первого же момента оформления либеральной партии ставила себе целью путем ее беспощадной критики оторвать от нее все демократические элементы, которые за нею еще идут, и повести их за собой, пристегнуть их к своей революционной колеснице. Вот это-то я и выразил в вышеприведенных словах, подвергшихся критике тов. Вардина. Утопив вопрос об отношениях к революционным или оппозиционным партиям в вопросе о нашем отношении к оппозиционному и революционному движению, тов. Вардин проглядел коренное, принципиальное разногласие в тактике большевиков и меньшевиков (слона не заметил!). А между тем, Ленин уже в первой своей статье, вскрывшей на конкретном вопросе две тактики в нашей партии, именно в статье «Земская кампания и план «Искры», подробно развил то, что я изложил в краткой форме. В этой статье мы читаем: «Когда либералы выступили самостоятельным органом и с особой политической программой, задача воздействия пролетариата на «общество» естественно изменилась: ...наше воздействие на либеральные слои приняло форму постоянных указаний на непоследовательность и недостаточность политического протеста господ либералов... Социал-демократы критикой этой половинчатости подталкивают постоянно либералов, отрывают все большее количество пролетариев и полупролетариев, а отчасти и мелких буржуа от либеральной демократии на сторону рабочей демократии». Это была основная позиция Ленина в эпоху первой революции. Иная ситуация была в 90-х годах. Тогда Ленин и Плеханов действительно вступили в «союз» с «легальными марксистами». Но и тогда Ленин был далек от того, чтобы поддерживать легальный марксизм, как таковой. Отмежевавшись от него уже в первой статье против Струве, он затем не поддерживал легального марксизма,

а лишь совместно с ним бил народников и пользовался теми легальными журналами и газетами, которые можно было основать только при содействии легальных марксистов, для того, чтобы проводить в них свою революционно-марксистскую точку зрения, для того, чтобы привлекать демократические элементы «общества» на сторону рабочей демократии. И «союз» большевиков с левыми эсерами в 1917 году ничего общего не имел с поддержкой партии левых эсеров. Напротив того, большевики в то время заставляли эсеров поддерживать дело большевистской партии.

Можно ли утверждать, что с точки зрения Ленина его позиция по отношению к оппозиционным и революционным партиям в эпоху первой русской революции обязательна для всех времен и народов, как обязательна во всех случаях поддержка всякого действительно оппозиционного и революционного движения? Отнюдь нет. В своем споре с Плехановым относительно тактики Маркса в Германии после 1848 г. Ленин говорит, что тогда плехановская тактика была уместна, поскольку буржуазная демократия была сильна и имела все шансы притти к власти при следующем подъеме революции, а организация коммунистов была крайне слаба. В России же в эпоху первой революции эта тактика насквозь оппортунистична, в виду того, что у нас ситуация противоположная: у нас как-раз социал-демократическая партия сильна и имеет все основания—с шансом на успех—взять курс на диктатуру пролетариата и крестьянства, между тем, как либеральная демократия во всех смыслах ничтожна. Из этого следует, что и в странах Востока неприменима в полной мере та тактика, которую Ленин применял в условиях русской революции, поскольку в той или другой из стран Востока имеется сильное национально-революционное движение мелкой буржуазии и еще слабая сравнительно пролетарская партия.

Пятая ошибка. Излагая взгляды Ленина на национальный вопрос, я приписывал ему такую мысль: «Пусть национальности, угнетаемые нашим державным народом, получат свободу на самоопределение вплоть до отделения». Слова «вплоть до отделения» я писал курсивом и, расшифровывая эту формулу, я говорил только о том, как Ленин отстаивал право всякой угнетенной национальности на отделение и образование самостоятельного государства. Никакого другого содержания я в приведенную мною формулу в своей брошюре не вкладывал. С другой стороны, тов. Вардину известно (ибо на это указывал в своих статьях т. Ленин), что я еще в 1903 году, на Лондонском съезде, будучи в программной комиссии восставал против расплывчатого понимания самоопределения. Из протоколов 1903 года Ленин приводит следующую выдержку: «Мартынов находит, что слову самоопределению нельзя придавать широкого толкования; оно значит лишь право наций на обособление в отдельное политическое целое, а отнюдь не областное самоуправление». Несмотря на это, тов. Вардин считает нужным мне разъяснить эту давно известную мне истину на том основании, что общая формула, приведенная мною, дескать, двусмысленная и противоречит взглядам Ленина: «Не вплоть до отделения,—говорит т. Вардин,—а именно только право на отделение», признавал Ленин. Но эту формулу, т. Вардин, я не сам выдумал, я взял ее из официального, чрезвычайно важного документа, подписанного тт. Сталиным и Лениным. Этот документ—«Декларация прав народов России», в которой написано черным по белому: «Исполняя волю этих съездов, Совет Народных Комиссаров

решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1) Равенство и суверенность народов России.

2) Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства... Под этой декларацией, как известно, написано: «Именем Республики Российской Народный Комиссар по делам национальностей Иосиф Джугашвили-Сталин.

Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин)».

Таким образом, тов. Вардин обязан теперь доказать, что Сталин и Ленин 2-го ноября 1917 года изменили ленинской позиции в национальном вопросе. Желаю ему успеха в этом предприятии.

Шестая и последняя ошибка. Я писал, говоря об «искровском» периоде: «Ленин перестраивал нашу социал-демократическую партию на якобинский лад и установил в ней режим диктатуры для того, чтобы лучше справиться с современными жирондистами—соглашателями в социалистическом мире. И когда мы теперь оглядываемся назад, для нас становится ясным, какой исторический смысл имела эта диктатура в партии. Она была необходимой предпосылкой для осуществления диктатуры пролетариата в стране».

Против этого т. Вардин возражает: «Ленинская партия построена отнюдь не на «якобинский лад». Говорить об якобинской диктатуре внутри большевистской партии могут только люди, которым всякая дисциплина, всякий революционный порядок кажется светопреставлением. Диктатура—это неограниченное господство, диктатура не признает никаких законов, она сама творит свои законы. Наша партия управляется на основе демократического централизма. Как же этого не понять?»

В этом возражении оказывается двоякое глубокое непонимание т. Вардиным истории большевистской партии. Во-первых, я в цитированных словах охарактеризовал, как Ленин строил партию в период старой «Искры», в период, когда наша партия была еще в подполье и когда она по своему составу была еще интеллигентской; в этих условиях Ленин действительно устанавливал в партии режим диктатуры в том смысле, что тогда партия строилась только сверху, что директивы («законы») диктовались только сверху, и что дисциплина партийная была тогда несравненно более строгая, чем когда бы то ни было впоследствии в большевистской партии. Она была настолько строгая, что уральские комитетчики, например, защищали в то время даже принцип личной диктатуры. Впоследствии, когда стало возможно открыто организовать партию, и когда большевистская партия всосала в себя много пролетарских элементов, режим диктатуры сменился демократическим режимом,—режимом демократического централизма. Но это нисколько не опровергало целесообразности «диктатуры», царившей в первый искровский период нашей партии, а во-вторых,—и это особенно важно,—якобинский дух продолжал царить в большевистской партии и во все последующие годы, ибо именно «якобинизм», которым Ленин пропитал большевистскую партию еще в искровский период, составлял и продолжает составлять наиболее характерную и отличительную черту большевистской партии от всяких других. Этот якобинский уклад партии выражается в наличности крепкого центрального ядра партии, состоящего из профессиональных революционеров, способных обеспечить осуществление революционной гегемонии пролетариата, в железной дисциплине партии и в беспощадной борьбе с современным социалистическим жирондизмом, т.-е. с буржуазными влияниями, проникающими в партию. Именно «якобинизм», а не «демократический централизм», есть то, чем большевистская партия отличается от других. Демократический централизм существует и в других партиях. Его готовы были признавать и меньшевики, его даже выставила как боевой лозунг на своем щите преславутая оппозиционная группа «демократического централизма», которую не без основания обвиняли в отступлении от большевизма. Говоря о старо-искровском периоде, Ленин в своем предисловии в сборнике «за 12 лет» писал: «все позднейшие споры между с.-д. шли о том, как направлять политическую деятельность рабочей партии в тех или иных отдельных случаях. Тогда же речь шла об определении самых общих основ и коренных задач всякой социал-демократической политики вообще». В чем же заключались эти общие основы всякой революционной социал-демократической политики? Это Ленин формулировал в своей брошюре «Шаг вперед—два назад». Анализируя борьбу двух течений на Лондонском съезде нашей партии 1903-го года, Ленин пишет, что по всем вопросам там обнаруживался «антагонизм современных якобинцев и современных жирондистов социал-демократии». В частности, этот антагонизм проявился и в организационных спорах на этом съезде: «Кто отстаивает «пролетарские тенденции в нашем движении», кто подчеркивает, что рабочий не боится организации, что пролетарий не сочувствует анархии, что он ценит стимул «организуйтесь», кто предостерегает от буржуазной интеллигенции, насквозь пропитанной оппортунизмом? Якобинцы социал-демократии. И кто протаскивает в партию радикальную интеллигенцию, кто заботится о профессорах, гимназистах, об одиночках, о радикальной молодежи? Жирондист Аксельрод вместе с жирондистом Либером». В заключение он говорит: «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ». Эти слова имеют огромное принципиальное значение. Они имеют историческое значение. Якобинский дух, который царил в революционном и социалистическом движении в эпоху, начавшуюся великой французской революцией и закончившуюся Парижской Коммуной, на долгие годы угас. Этот дух возродился лишь на заре первой русской революции. И носителем этого духа был т. Ленин. Отправляясь от якобинизма искровского периода, Ленин в 1905 году поднял вопрос о действии не только «снизу», но и «сверху», о борьбе за власть, и выдвинул лозунг «диктатуры пролетариата и крестьянства». Отправляясь от этого же, он пришел к своим «тезисам» 1917 года и к Октябрьской революции.

Поэтому я с полным основанием сказал, что перестройка нашей партии на якобинский лад еще в искровский период была необходимой предпосылкой для осуществления диктатуры пролетариата в стране в будущем. Не понимать этого и противопоставлять якобинизму демократический централизм, значит мало понимать в истории большевистской партии. В последнем заключается не шесть, а одна, но крупная ошибка т. Вардина.

От редакции. Ответная статья тов. Вардина по техническим причинам не могла войти в настоящий номер и будет напечатана в следующей книжке «Большевика».

Литературное наследство В. И. Ленина.

Об авантюризме.

Статья тов. Ленина «Об авантюризме», первоначально напечатанная в № 7 журнала «Рабочий» в 1914 году, не вошла в 12-й том собрания сочинений. Когда она была найдена в результате «раскопок» в московских книгохранилищах, 12-й том находился уже в переплете.

Как видит читатель, статья главным образом направлена против политики Плеханова, издававшего с 18-го мая 1914 г. еженедельную газету «Единство», с лозунгом «единства живых сил» марксизма в России...

Эта статья показывает отношение Ильича к вопросу об «единстве» и «фракционности», к вопросу, так волновавшему нашу партию во время последней дискуссии. Плеханов, отвечая на эту статью Ленина в № 4 «Единства», писал, что дело «примирения» всех фракций встречает единственное препятствие в «злой воле фракционеров» и что «поглотить» все «течения» Ленину никогда не удастся. Этим ярым «фракционером» и был, по мнению Плеханова, В. И. Ленин, не желавший превращать партию в парламент, где свободно существуют различные «фракции и группировки».

Когда марксисты говорят об авантюристичности известных группок, они имеют при этом в виду вполне определенные общественно-исторические особенности такого явления, с которым надо быть знакомым всякому сознательному рабочему.

История российской социал-демократии кишмя-кишит группками, которые возникали «на час», на несколько месяцев, не имея никаких корней в массах (а политика без масс есть авантюристическая политика), не имея никаких серьезных и прочных идей. В стране мелкобуржуазной, в исторический период буржуазных перестроек неизбежно присоединение к рабочим разношерстной интеллигенции, неизбежны попытки основания всяческих группок—авантюристических в указанном смысле слова.

Рабочие, не желающие давать себя водить за нос, должны строго проверять всякую группку и с точки зрения серьезности ее идей, и с точки зрения корней в массах. Не верит на-слово, проверять строжайше—вот лозунг марксистов-рабочих.

Припомним борьбу «искровства» и «экономизма», 1895—1902 годы. Это были два течения социал-демократической мысли, одно—пролетарское и марксистское, проверенное трехлетней кампанией «Искры», проверенное всеми передовыми рабочими, которые признали своими точные, ясные, оформленные решения об «искровской» тактике и организации. «Экономизм» был тече-

нием буржуазным, оппортунистическим, подчинявшим рабочих либералам.

Кроме этих двух серьезных течений, была масса беспочвенных группок («Свобода», «Борьба», группа берлинских листков и т. д.), которые давно забыты. В этих группах было немало честных и добросовестных с.-д., но они оказались авантюристами в том смысле, что ни прочных, серьезных идей, программы, тактики, организации, ни корней в массах у них не было.

Так, и только так, изучая историю, вдумываясь в идейное значение определенной проповеди, проверяя фразы фактами, должны подходить серьезные люди к оценке теперешних течений и группок.

«На слово» верят одни дурачки.

«Правдизм» есть течение, давшее точные марксистские ответы, резолюции (1908, 1910, 1912, 1913 февраль и лето) по всем вопросам тактики и организации и программы. Преемственность этих решений со времен старой «Искры» (1901—3) выдержана строжайше, не говоря уже о лондонском (1907) съезде. Правильность этих решений проверена 5—6-летним (1908—1914) опытом всех передовых рабочих, которые признали эти решения своими. «Правдизм» объединил на деле 4/5 сознательных рабочих России (5.300 групп рабочих с.-д. из 6.700 за 2½ года).

Ликвидаторство есть течение. У него есть почти 20-летняя история, ибо оно—прямое продолжение «экономизма» (1895—1902) и порождение меньшевизма (1903—1908). Либерально-буржуазные корни и либерально-буржуазное содержание этого течения признано решениями (1908 и 1910; недаром их боятся даже опубликовать полностью ликвидаторы!!). Либеральные идеи ликвидаторов связаны и цельны: долой подполье, долой китов, за открытую партию, против «стачечного азарта», против высших форм борьбы и т. д. Сочувствие ликвидаторам в либерально-буржуазном «обществе» и у кадетов, и у беспартийной (и околопартийной) интеллигенции давнее и прочное. Ликвидаторство серьезное, только не марксистское, не пролетарское, а либерально-буржуазное течение. О «мире» с ликвидаторами могут говорить лишь люди без головы.

Теперь возьмите все остальные группки, желающие тоже быть «течениями». Перечислим их: 1) впередовцы с Алексинским; 2) тоже с Богдановым; 3) тоже с Воиновым; 4) плехановцы; 5) «большевики-партийцы» (на деле примиренцы: Марк Зоммер с домочадцами); 6) троцкисты (т.-е. Троцкий, даже без Семковского); 7) «кавказцы» (т.-е. Ан—без Кавказа).

Мы перечислили те группки, о коих было в печати, в России и за рубежом, заявлено, что они желают быть особыми «течениями» и группами. Мы старались перечислить все русские группки, оставляя в стороне не-русские.

Все эти группки, без единого исключения, один сплошной авантюризм.

Почему? Где доказательство? — спросит читатель.

Доказательство—история последнего десятилетия (1904—1914), самого богатого событиями и самого знаменательного. Деятели всех названных группок обнаружили за эти 10 лет самые беспо-

мощные, самые жалкие, самые смехотворные колебания по серьезным вопросам тактики и организации, обнаружили полную неспособность создать течения, имеющие корни в массах.

Возьмем лучшего из всех, Плеханова. Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников.

Но с 1903 года по вопросам тактики и организации Плеханов колеблется самым смешным образом: 1) 1903, август—большевик, 2) 1903, ноябрь (№ 52 «Искры»)—за мир с «оппортунистами»-меньшевиками; 3) 1903, декабрь—меньшевик и ярый; 4) 1905, весна, после победы большевиков,—за «единство» «враждующих братьев»; 5) 1905, с конца до половины 1906—меньшевик; 6) половина 1906—начинает иногда отходить от меньшевиков и в Лондоне, 1907, порицает их (признание Череванина) за «организационный анархизм»; 7) 1908—разрыв с ликвидаторами; 8) 1914—новый поворот к ликвидаторам. Плеханов проповедует «единство» с ними, не умея двух ясных слов сказать, каковы же условия единства? Почему оно стало возможно с господином Потресовым? Где гарантии выполнения тех или иных условий?

После опыта такого десятилетия мы ручаемся, что Плеханов способен дать брызги, но «течения» здесь нет и не будет.

Мы вполне понимаем правдистов, которые охотно печатали статьи Плеханова против ликвидаторов: разве можно было правдистам отклонять статьи, вполне проводившие решения 1908—1910 гг. против ликвидаторов? Плеханов принялся теперь повторять за ликвидаторами, за Богдановым и проч. фразы о единстве «всех течений». Мы решительно осуждаем этот прием, с которым надо вести беспощадную борьбу.

Нигде в мире рабочие партии не объединяют интеллигентских группок и «течений», а объединяют рабочих на условии 1) признания и проведения определенных марксистских решений по вопросам тактики и организации; 2) подчинения меньшинства сознательных рабочих большинству их.

Это единство на почве безусловного отречения противников подполья осуществлено правдистами за $2\frac{1}{2}$ года (1912—14) на $\frac{4}{5}$. Сколько бы правдистов ни ругали пустые люди фракционерами, раскольниками и проч., от этих фраз и ругани факт единства рабочих не исчезнет...

Плеханов грозит теперь разрушить это единство большинства. Мы спокойно и твердо заявляем рабочим: не верьте словам, проверяйте их фактами, и вы увидите, что каждый шаг каждой из названных выше авантюристических группок будет все нагляднее обнаруживать их беспомощные и жалкие колебания.

Письма из далека [1].

ПИСЬМО 2-ОЕ.

Новое правительство и пролетариат.

Главный документ, которым я располагаю по сегодняшнее число (8—21 марта), это—номер английской консервативнейшей и буржуазной газеты «Times» (Таймс) от 16-III со сводкой сообщений о революции в России. Ясно, что источника, более благоприятно, выражаясь мягко, настроенного к правительству Гучкова и Милюкова, найти нелегко.

Корреспондент этой газеты сообщает из Петербурга от среды 1—14 марта, когда существовало еще только первое временное правительство, т.-е. думский Исполнительный Комитет из 13 человек, с Родзянкой во главе и с двумя, по выражению газеты, «социалистами» Керенским и Чхеидзе в числе членов,—следующее:

«Группа из 22 выборных членов Государственного Совета, Гучков, Стахович, Трубецкой, проф. Васильев, Гримм, Вернадский и др. отправила вчера телеграмму царю, умоляя его для спасения «династии» и пр. и пр. созвать Думу и назначить главу правительства, пользующегося «доверием нации». «Каково будет решение императора, который сегодня должен приехать, еще неизвестно в данный момент,—пишет корреспондент,—но одна вещь совершенно несомненна. Если его величество не удовлетворит немедленно желаний самых умеренных элементов среди его лойяльных подданных, то влияние, которым пользуется теперь Временный Комитет Государственной Думы, всецело перейдет в руки социалистов, которые хотят учреждения республики, но которые не в состоянии установить какого бы то ни было упорядоченного правительства и неизбежно повергли бы страну в анархию внутри и катастрофу извне»...

Неправда-ли, как это государственно-мудро и как это ясно? Как хорошо понимает английский единомышленник (если не руководитель) Гучковых и Милюковых соотношение классовых сил и интересов! «Самые умеренные элементы из лойяльных подданных», т.-е. монархические помещики и капиталисты, желают получить власть в свои руки, превосходно сознавая, что иначе «влияние» перейдет в руки «социалистов». Почему же именно «социалистов», а не кого-либо еще другого? Потому что английский гучковец отлично видит, что никакой другой общественной силы на политической арене нет и быть не может. Революцию совершил пролетариат, он проявил героизм, он проливал кровь, он увлек за собой самые широкие массы трудящегося и беднейшего населения, он требует хлеба, мира и свободы, он требует республики, он сочувствует социализму. А горстка помещиков и капиталистов, с Гучковыми и Милюковыми во главе, хочет обмануть волю или стремление громадного большинства, заключить

[1]) Писаны в марте 1917 года в Швейцарии. В свое время в „Правде" было опубликовано только письмо 1-ое. Ред.

сделку с падающей монархией, поддержать, спасти ее: назначьте Львова и Гучкова, ваше величество, и мы будем с монархией против народа. Вот весь смысл, вся суть политики нового правительства.

А как оправдать обман народа, одурачение его, нарушение воли гигантского большинства населения?

Для этого надо оклеветать его—старый, но вечно новый прием буржуазии. И английский гучковец клевещет, бранится, плюет и брызжет: «анархия внутри, катастрофа извне», «никакого упорядоченного правительства»!!

Неправда, почтенный гучковец! Рабочие хотят республики, а республика есть гораздо более «упорядоченное» правительство, чем монархия. Чем гарантирован народ от того, что второй Романов заведет себе второго Распутина? Катастрофу несет именно продолжение войны, т.-е. именно новое правительство. Пролетарская республика, поддержанная сельскими рабочими и беднейшей частью крестьян и горожан, одна только может обеспечить мир, дать хлеб, порядок, свободу.

Крики против анархии прикрывают лишь корыстные интересы капиталистов, желающих наживаться на войне и на военных займах, желающих восстановить монархию **против** народа.

«Вчера, — продолжает корреспондент, — социал-демократическая партия выпустила воззвание самого мятежнического содержания, и воззвание это было распространено по всему городу. Они (т.-е. социал-демократическая партия) чистые доктринеры, но их власть на совершение зла громадна во время, подобное настоящему. Г. Керенский и г. Чхеидзе, которые понимают, что без поддержки офицеров и более умеренных элементов народа они не могут надеяться на избежание анархии, принуждены считаться со своими менеее разумными товарищами и незаметно их толкают к занятию позиции, которая усложняет задачу Временного Комитета»...

О, великий английский дипломат-гучковец! Как «неразумно» проболтали вы правду!

«Социал-демократическая партия» и «менее разумные товарищи», с которыми «принуждены считаться Керенский и Чхеидзе», это, очевидно, центральный или петербургский комитет нашей. восстановленной январской конференциею 1912 года партии, те самые «большевики», которых буржуа всегда ругают «доктринерами» за верность «доктрине», т.-е. началам, принципам, учению, целям **социализма**. Мятежническим и доктринерским ругает английский гучковец, явное дело, воззвание и поведение нашей партии за призыв бороться за республику, за мир, за полное разрушение царской монархии, за хлеб для народа.

Хлеб для народа и мир—это мятежничество, а министерские места для Гучкова и Милюкова, это—«порядок». Старые, знакомые речи!

Какова же тактика Керенского и Чхеидзе, по характеристике английского гучковца?

Колеблющаяся: с одной стороны, гучковец хвалит их, они-де «понимают» (пай—мальчики! умницы!), что без «поддержки» офицеров и более умеренных элементов нельзя избежать анархии

(а мы-то думали до сих пор и продолжаем думать, согласно нашей доктрине, нашему учению социализма, что именно капиталисты вносят в человеческое общество анархию и войны, что только переход **всей** политической власти к пролетариату и беднейшему народу способен избавить нас от войн, от анархии, от голода!).

С другой стороны, они-де «принуждены считаться» «с своими менее разумными товарищами», т.-е. с большевиками, с Российской Социал-Демократической Рабочей Партией, восстановленной и объединенной Центральным Комитетом.

Какая же сила «принуждает» Керенского и Чхеидзе «считаться» с большевистской партией, к которой они **никогда** не принадлежали, которую они сами или их литературные представители («социалисты-революционеры», «народные социалисты», «меньшевики-окисты» и т. п.) всегда бранили, осуждали, объявляли ничтожным подпольным кружком, сектой доктринеров и т. п.? Где же и когда это видано, чтобы в революционное время, во время действия **масс** по преимуществу, политики, не сошедшие с ума, «считались» с «доктринерами»??

Запутался бедный наш английский гучковец, не свел концов с концами, не сумел ни целиком налгать, ни целиком сказать правды и только выдал себя.

Считаться с Социал-Демократической Партией центрального комитета принудило Керенского и Чхеидзе влияние ее на пролетариат, на массы. Наша партия оказалась с массами, с революционным пролетариатом, **несмотря** на арест и высылку в Сибирь еще в 1914 году наших депутатов, несмотря на отчаянные преследования и аресты, которым подвергался Петербургский Комитет за свою нелегальную работу во время войны **против** войны и против царизма.

«Факты—упрямые вещи», говорит английская пословица. Позвольте вам напомнить ее, почтеннейший английский гучковец! Факт руководства или по крайней мере беззаветной помощи петербургским рабочим в великие дни революции со стороны нашей партии **должен** был признать «**сам**» английский гучковец. Факт колебаний Керенского и Чхеидзе **между** буржуазией и пролетариатом он должен был признать равным образом. Гвоздевцы, «оборонцы», т.-е. социал-шовинисты, т.-е. защитники империалистской, грабительской войны, вполне идут теперь за буржуазией; Керенский, войдя в министерство, т.-е. во второе Временное Правительство, тоже вполне ушел к ней; Чхеидзе не пошел, он остался **колеблющимся** между Временным Правительством буржуазии, Гучковыми и Милюковыми, и «временным правительством» пролетариата и беднейших масс народа, Советом Рабочих Депутатов и Российской Социал-Демократической Рабочей Партией, объединенной Центральным Комитетом.

Революция подтвердила, следовательно, то, на чем мы особенно настаивали, призывая рабочих к отчетливому уяснению классовой разницы между главными партиями и главными течениями в рабочем движении и в мелкой буржуазии,—то, что мы писали, например, в женевском «Социал-Демократе», № 47, почти полтора года тому назад, 13 окт. 1915 г.:

«Участие социал-демократов во временном революционном

правительстве мы считаем попрежнему допустимым вместе с демократической мелкой буржуазией, но только не с революционерами-шовинистами. Революционерами-шовинистами мы считаем тех, кто хочет победы над царизмом для победы над Германией, для грабежа других стран, для упрочения господства великороссов над другими народами России и т. д. Основа революционного шовинизма — классовое положение мелкой буржуазией. Она всегда колеблется между буржуазией и пролетариатом. Теперь она колеблется между шовинизмом (который мешает ей быть последовательно-революционной даже в смысле демократической революции) и пролетарским интернационализмом. Политические выразители этой мелкой буржуазии в России в данный момент—трудовики, социал-революционеры, «Наша Заря» (ныне «Дело»), фракция Чхеидзе, Организационный Комитет, г. Плеханов и т. под. Если бы в России победили революционеры-шовинисты, мы были бы против обороны их «отечества» в данной войне. Наш лозунг—против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, против них и за союз международного пролетариата для социалистической революции».

Но вернемся к английскому гучковцу.

...«Временный Комитет Государственной Думы»,— продолжает он,—«оценивая опасности, стоящие перед ним, умышленно воздержался от осуществления своего первоначального плана арестовать министров, хотя это можно бы было сделать вчера с наименьшими трудностями. Дверь была таким образом открыта для переговоров, благодаря чему мы («мы»—английский финансовый капитал и империализм) можем получить все выгоды нового режима, не проходя через ужасное (чистилище) испытание Коммуны и анархию гражданской войны»...

Гучковцы были за гражданскую войну в их пользу, они против гражданской войны в пользу народа, т.-е. действительно большинства трудящихся.

...«Отношения между Временным Думским Комитетом, который представляет всю нацию (это Комитет-то четвертой Думы, помещичье и капиталистической!) и Советом Рабочих Депутатов, который представляет чисто классовые интересы (язык дипломата, слыхавшего одним ухом ученые слова и желающего скрыть, что Совет Рабочих Депутатов представляет пролетариат и бедноту, т.-е. $^9/_{10}$ населения), но во время кризиса, подобного настоящему, имеет огромную власть, вызвали не мало опасений среди рассудительных людей, предвидящих возможность столкновения между тем и другим,—столкновения, результаты коего могли бы быть слишком ужасны.

«К счастью, эта опасность была устранена,—по крайней мере, для настоящего времени (заметьте это «по крайней мере»! благодаря влиянию Керенского, молодого адвоката с большими ораторскими способностями, который ясно понимает (в отличие от Чхеидзе, который тоже «понимал», но по мнению гучковца должно быть менее ясно?) необходимость действовать вместе с Комитетом в интересах его избирателей из рабочего класса (т.-е. чтобы иметь голоса рабочих, заигрывать с ними). Удивительное со-

глашение было заключено сегодня (среда 1-14 марта), благодаря чему всякие излишние трения будут избегнуты».

Какое это было соглашение, между всем-ли Советом Рабочих Депутатов, каковы его условия, мы не знаем. О главном английский гучковец на этот раз промолчал совсем. Еще бы! Буржуазии не выгодно, чтобы эти условия были ясны, точны, всем известны,—ибо тогда труднее будет для нее нарушить их!

Предыдущие строки были уже написаны, когда я прочел два очень важные, сообщения. Во-1-х, в парижской консервативнейшей и буржуазнейшей газете «Le Temps» («Время», от 20-III текст воззвания Совета Рабочих Депутатов о «поддержке» нового правительства, во-2-х, выдержки из речи Скобелева в Государственной Думе 1-14 марта, переданные одной цюрихской газетой (Neue Züricher Zeitung I Mit-be, 21-III) со слов одной берлинской газеты (Natonal Zeitung).

Воззвание Сов. Раб. Деп., если текст его не искажен французскими империалистами, является замечательнейшим документом, показывающим, что петербургский пролетариат, по крайней мере в момент выпуска этого воззвания, находился под преобладающим влиянием мелко-буржуазных политиков. Напомню, что к политикам этого рода я отношу, как отмечено уже выше, людей типа Керенского и Чхеидзе.

В воззвании находим две политические идеи и соответственно этому два лозунга:

Во-первых. Воззвание говорит, что правительство (новое) состоит из «умеренных элементов». Характеристика странная, совсем неполная, чисто либерального, не марксистского характера. Я тоже готов согласиться, что в известном смысле,—я покажу в следующем письме, в каком именно,—всякое правительство должно быть теперь, после завершения первого этапа революции «умеренным». Но абсолютно недопустимо скрывать от себя и от народа, что это правительство хочет продолжения империалистской войны, что оно—агент английского капитала, что оно хочет восстановления монархии и укрепления господства помещиков и и капиталистов.

Воззвание заявляет, что все демократы должны «поддержать» новое правительство и что Совет Рабочих Депутатов просит и уполномочивает Керенского принять участие во Временном Правительстве. Условия—проведения обещанных реформ еще во время войны, гарантия «свободы культурного» (только??) развития национальностей (чисто кадетская, либерально-убогая программа) и образование особого комитета для надзора за дайствиями Временного Правительства, комитета, состоящего из членов Совета Рабочих Депутатов и из «военных».

Об этом комитете надзора, относящемся к идеям и лозунгам второго порядка, речь пойдет особо ниже.

Назначение же русского Луи Блана Керенского и призыв к поддержке нового правительства является, можно сказать, классическим образцом измены делу революции и делу пролетариата, измены именно такого рода, которая и погубила *) целый ряд

*) В рукописи В. И. значится „которые и погубили".

революций 19-го века, независимо от того, насколько искренни и преданы социализму руководители и сторонники подобной политики.

Поддерживать правительство войны, правительство реставрации пролетариат не может и не должен. Для борьбы с реакцией, для отпора возможным и вероятным попыткам Романовых и их друзей восстановить монархию и собрать контр-революционное войско, необходима совсем не поддержка Гучкова и Ко, а организация, расширение, укрепление, пролетарской милиции, вооружение народа под руководством рабочих. Без этой главной, основной, коренной меры не может быть и речи ни о том, чтобы оказать серьезное сопротивление восстановлению монархии и попыткам отнять или урезать обещанные свободы, ни о том, чтобы твердо встать на путь, ведущий к получению хлеба, мира, свободы.

Если Чхеидзе, который вместе с Керенским был членом первого Временного Правительства (Думского Комитета из 13 лиц), не пошел во второе Временное Правительство действительно по принципиальным соображениям вышеуказанного или подобного характера, тогда это делает ему честь. Это надо сказать прямо. К сожалению, такое толкование противоречит другим фактам и прежде всего речи Скобелева, который всегда шел рука об руку с Чхеидзе.

Скобелев говорил, если верить вышеназванному источнику, что «социальная (очевидно, социал-демократическая) группа и рабочие имеют лишь легкое соприкосновение (легкий контакт) с целями Временного Правительства», что рабочие требуют мира и, что если продолжать войну, то весной все равно будет катастрофа, что «рабочие заключили с обществом (либеральным обществом) временное соглашение (eine vorläufige Waffenfreundschaft), хотя их политические цели, как небо от земли, далеки от целей общества», что «либералы должны отказаться от бессмысленных (Unsinnige) целей войны» и т. п.

Эта речь—образец того, что мы назвали выше, в цитате из «Социал-Демократа» «колебанием» между буржуазией и пролетариатом. Либералы, оставаясь либералами, не могут «отказаться» от «бессмысленных» целей войны, которые определяются, кстати сказать, не ими одними, а англо-французским финансовым капиталом всемирно-могучей, сотнями миллиардов измеряемой силы. Не либералов надо «уговаривать», а рабочим разъяснять, почему либералы попали в тупик, почему они связаны по рукам и по ногам, почему они скрывают и договоры царизма с Англией, и проч. и сделки русского капитала с англо-французским и проч. и т. д.

Если (тов.) Скобелев говорит, что рабочие заключили с либеральным обществом какое-ни-на-есть соглашение, не протестуя против него, не разъясняя его вреда для рабочих с думской трибуны, то он тем самым одобряет соглашение. А этого делать никак не следовало.

Прямое или косвенное, ясно выраженное или молчаливое одобрение Скобелевым соглашения Совета Рабочих Депутатов с Временным Правительством есть колебание Скобелева в сторону буржуазии. Заявление Скобелева, что рабочие требуют мира, что их цели, как небо от земли, далеки от целей либералов, есть колебание Скобелева в сторону пролетариата.

Чисто-пролетарской, истинно-революционной и глубоко-правильной по замыслу является вторая политическая идея изучаемого нами воззвания Совета Рабочих Депутатов, именно идея создания «Комитета Надзора» (я не знаю, так ли он именно называется по-русски; я перевожу вольно с французского), именно пролетарски-солдатского надзора за Временным Правительством.

Вот это дело! Вот это достойно рабочих, проливавших свою кровь за свободу, за мир, за хлеб для народа! Вот это—реальный шаг по пути реальных гарантий и против царизма, и против монархии, и против монархистов Гучкова-Львова с Ко! Вот это—признак того, что русский пролетариат, несмотря ни на что, ушел вперед по сравнению с французским пролетариатом 1848 г., «уполномачивавшим» Луи Блана! Вот это—доказательство, что инстинкт и ум пролетарской массы не удовлетворяется декламациями, восклицаниями, посулами реформ и свобод, званием «министра по уполномочию рабочих» и тому подобной мишурой, а ищет опоры только там, где она есть, в вооруженных народных массах, организуемых и руководимых пролетариатом, сознательными рабочими.

Это—шаг по первому верному пути, но только первый шаг. Если этот «Комитет Надзора» останется учреждением чисто-парламентского, только—политического типа, т. е. комиссией, которая будет «задавать вопросы» Временному Правительству и получать от него ответы, тогда это все же останется игрушкой, тогда это—ничто.

Если же это ведет к созданию, немедленно и во что бы то ни стало, действительно всенародной, действительно всех мужчин и всех женщин охватывающей рабочей милиции или рабочего ополчения, которое не только заменило бы перебитую и устраненную полицию, не только сделало невозможным восстановление ее никаким ни монархически-конституционным, ни демократически - республиканским правительством, ни в Питере, ни где бы то ни было в России,—тогда передовые рабочие России действительно становятся на путь новых и великих побед, на путь, ведущий к победе над войной, к осуществлению на деле того лозунга, который, как говорят газеты, красовался на знамени кавалерийских войск, демонстрировавших в Питере на площади перед Государственной Думой:

«Да здравствуют социалистические республики всех стран»!

Свои мысли по поводу этого рабочего ополчения я изложу в следующем письме.

Я постараюсь показать там, с одной стороны, что именно создание всенародного, рабочими руководимого ополчения есть правильный лозунг дня, отвечающий тактическим задачам своеобразного переходного момента, который переживает русская революция (и всемирная революция), а с другой стороны, что для успеха этого рабочего ополчения оно должно быть, во-первых, всенародным, (до) массовым до всеобщности, охватить действительно все способное к труду население обоего пола; во-

вторых, оно должно переходить к соединению не только чисто-полицейских, но обще-государственных функций с функциями военными и с контролем за общественным производством и распределением продуктов.

Н. Ленин.

Цюрих 22/13 марта 1917 г.

P. S. Я забыл пометить предыдущее письмо 20 (11) марта.

ПИСЬМО 5-ое.

Задачи революционного пролетарского государственного устройства.

В предыдущих письмах задачи революционного пролетариата в России в настоящий момент были намечены следующим образом: 1) суметь подойти наиболее верным путем к следующему этапу революции или ко второй революции, которая 2) должна передать государственную власть из рук правительства помещиков и капиталистов (Гучковых, Львовых, Милюковых, Керенских) в руки правительства рабочих и беднейших крестьян, 3) это последнее правительство должно организовать по типу Советов рабочих и крестьянских депутатов, именно 4) оно должно разбить, совершенно устранить старую и обычную во всех буржуазных государствах государственную машину, армию, полицию, бюрократию (чиновничество), заменив эту машину 5) не только массовой, но и поголовно-всеобщей организацией вооруженного народа. 6) Только такое правительство, «такое» по своему классовому составу («революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства») и по своим органам управления («пролетарская милиция») в состоянии успешно решить чрезвычайно трудную и безусловно-неотложную, главнейшую задачу момента, именно: добиться мира, притом не империалистического мира, не сделки между империалистскими державами о дележе награбленной капиталистами и их правительствами добычи, а действительно прочного и демократического мира, который не достижим без пролетарской революции в ряде стран. 7) В России победа пролетариата осуществима в самом близком будущем лишь при условии, что первым шагом ее будет поддержка рабочих громадным большинством крестьянства в борьбе его за конфискацию всего помещичьего землевладения (и национализацию всей земли (ест) если принять, что аграрная программа «104-х» осталась по сути своей аграрной программой крестьянства). 8) В связи с такой крестьянской революцией и на основе ее возможны и необходимы дальнейшие шаги пролетариата в союзе с беднейшей частью крестьянства, шаги, направленные к контролю производства и распределения важнейших продуктов, к введению «всеобщей трудовой повинности» и т. д. Шаги эти с безусловной неизбежностью предписываются

теми условиями, которые создала война и которые даже обострит во многих отношениях послевоенное время; а в своей сумме и в своем развитии эти шаги были бы переходом к социализму, который непосредственно, сразу, без переходных мер, в России неосуществим, но вполне осуществим и насущно-необходим в результате такого рода переходных мер. 9) Задача немедленной и особой организации в деревнях советов рабочих депутатов, т.-е. советов сельско-хозяйственных наемных рабочих, отдельно от советов остальных крестьянских депутатов, выдвигается при этом с крайней настойчивостью.

Такова, вкратце, намеченная нами программа, основанная на учете классовых сил русской и всемирной революции, а также на опыте 1871 и 1905 гг.

Попытаемся теперь бросить общий взгляд на эту программу в целом, останавливаясь попутно на том, как подошел к этой теме К. Каутский, крупнейший теоретик «2-го» (1889—1914) Интернационала и виднейший представитель наблюдаемого во всех странах течения «центра», «болота», колеблющегося между социал-шовинистами и революционными интернационалистами. Каутский подошел к этой теме в своем журнале «Новое Время» (Die Neue Zeit, № от 6 апр. 1917 г. по новому стилю), в статье «Перспективы русской революции».

«Прежде всего,—пишет Каутский,—мы должны выяснить себе задачи, стоящие перед революционным пролетарским режимом» (государственным устройством).

«Две вещи,—продолжает автор,—настоятельно необходимы пролетариату: демократия и социализм».

Это совершенно бесспорное положение Каутский выставляет, к сожалению, в непомерно общей форме, так что оно ничего, в сущности, не дает и ничего не выясняет. Милюков и Керенский, члены буржуазного и империалистского правительства, охотно подписали бы это общее положение, один в первой, другой—во второй его части.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Вл. Сорин. Учение Ленина о партии (организационные основы ленинизма). Изд. М. К. Р. К. П. 1924 г., 10.000 экз. 240 страниц.

Эта книжка должна сейчас занять одно из первых мест в той партийной литературе по ленинизму, которая в большом количестве появилась за короткий срок, истекший со дня смерти В. И. Ленина.

Это место принадлежит ей по целому ряду соображений. Она отвечает наиболее острой нужде партии, поскольку для воспитания ленинского призыва и вообще молодых кадров партии прежде всего необходимо ленинское «учение о партии». Как показала недавняя дискуссия, в наших условиях организационный фронт партийной линии есть один из наиболее подверженных атакам мелкобуржуазной стихии. Книжка отличается общей выдержанностью с точки зрения ортодоксального марксизма и ленинизма, что резко противопоставляет ее такой ревизионистской макулатуре по организационным вопросам, которую выпустил, например, В. Ваганян.

Будучи выдержанно-ленинской, книжка Сорина вместе с тем трактует вопрос и достаточно полно. При всем том, она невелика (240 страниц очень небольшого, почти карманного формата) и хорошо, вполне доступно изложена, отличаясь хорошим, внимательным и обильным подбором цитат из произведений Ленина. Эти цотаты, умело комментированные, и составляют содержание книжки.

Книжка содержит 9 глав. Первые четыре посвящены уяснению основных организационных принципов большевизма. Следующие пять глав носят исторический характер и прослеживают историю ленинской борьбы за создание партии от 90-х годов до настоящего времени.

В первой же главе, отмечая гибкость большевистской организации, изменчивость ее форм в зависимости от условий борьбы и революционной целесообразности, автор ставит преграду ревизионизму, подчеркивая, что при всем том партия «во всяком положении отстаивает коренной тип большевистской организации».

Дальнейшее обоснование этого коренного типа организации начинается с выяснения роли сознательности и теории в стихийном рабочем движении. Придавая огромное значение революционной теории, без которой нет революционного действия, ленинизм был непримирим в борьбе с искажениями марксизма, с оппортунизмом. Вторую главу автор за-

канчивает цитатой из Ленина об «авторитетах», где Ленин указывает, что рабочему классу «нужны авторитеты, но, разумеется, в том только смысле, в каком молодым рабочим нужен опыт старых борцов»... «Этот авторитет есть авторитет более разносторонней борьбы в тех же рядах социалистической армии».

Следующая глава посвящена вопросам дисциплины, централизма, активности, внутрипартийной критике. Автор выясняет мелкобуржуазную подоплеку отрицания дисциплины и глубоко-буржуазный характер высмеивания нашей дисциплины, как «рабства», «слепого повиновения», «казармы» и пр.

Четвертая глава выясняет взаимоотношения класса и партии и вообще ленинскую «цепочку»: вожди—партия—класс—масса.

Далее идут исторические главы. Наиболее важны две последние—8-я и 9-я: 1908—1917 годы и эпоха диктатуры пролетариата. 8-я глава, в частности, подробно характеризует, цитатами из Ленина, прежние (дореволюционные) взгляды т. Троцкого по организационному вопросу и правильно ставит их в связь с ошибками т. Троцкого в дискуссии 1923—4 гг. 9-я глава вкратце характеризует «левый коммунизм» 1918 года (анти-брестизм), «демократический централизм» 1920—21 года и «рабочую оппозицию» 1920—21 гг. В заключение, книжка дает ленинское понимание единства партии, подчеркивая вред фракционности, ведущей к расколам, и необходимость борьбы с ней.

Недочетом книжки является некоторая децентрализованность в расположении материала, слабое выделение основного стержня в построении книжки. Большое количество мелких подглавок не объединено общими заголовками, что может затруднить усвоение рядовому читателю. Точно так же, в заключительных выводах сделано лишь суммарное перечисление организационных традиций большевизма, без их систематизации.

Популярное, вполне доступное каждому грамотному рабочему и партийцу изложение дает основание надеяться на широкий успех книжки т. Сорина в партийной массе, не говоря уже о партийных школах, курсах и вузах, где она станет незаменимым пособием по организационному вопросу.

В. Астров.

Ф. И. Михалевский. Начальный курс политической экономии.

Книжка тов. Михалевского не есть простое, более или менее оригинальное, повторение уже имеющихся у нас учебников и «курсов» политической экономии. Наоборот. В ней сделана определенная попытка пойти «навстречу новым веяниям, наметившимся в преподавании политической экономии» (из предисловия т. Дволайцкого).

О существе этих новых веяний товарищи, изучавшие и преподававшие политическую экономию, надо полагать, осведомлены достаточно. Тем более, что разногласия, возникшие на этой почве, поднимались и в печати и на специальных дискуссиях.

Суть споров заключается в том, каким образом и способом связать в преподавании—экономическую теорию вообще, теорию капитализма в особенности, с практикой, с наличной и пережитой экономической действительностью.

Книжка т. Михалевского является одним из ответов на этот вопрос. Новые веяния отразились в ее построении, в двойственном изложении предмета, в виде двух концентрических кругов, охватывающих капитализм. Из них последний представляет собою изложение теоретической экономии, как таковой. Первый же служит к нему введением. Здесь рассматриваются вопросы капиталистического развития,—техники, форм производства, форм капиталистической собственности, вопросов денежного обращения, положения рабочих и т. д. Изложено все это живо, конкретно, с достаточным количеством иллюстрации и фактического материала. Теоретическая часть написана уже гораздо труднее.

Какова связь обеих частей курса? Сам тов. Михалевский характеризует ее, определяя первую часть как описательную, вторую как теоретическую. Так оно и есть. Осознанию капитализма предшествует предварительная ориентировка в его явлениях. Теоретическому анализу предпосылается знакомство с понятиями, взятыми из непосредственно наблюдаемой или наблюдавшейся действительности. Систематике предшествует классификация.

К сожалению, такая связь вряд ли может удовлетворить требованиям, выдвинутым практикой наших партшкол. Конечно, т. Михалевский проявил большое чувство такта, поставив «описательную» и «теоретическую» части отдельно, не перемешав их в одной куче, как предлагают некоторые работники наших школ. Методологические стержни политической экономии марксизма выделяются поэтому отчетливо. Однако, если считается необходимым «конкретизировать» теоретическую экономию, то здесь способ т. Михалевского явно недостаточен.

Можно двояко представить комбинацию конкретного материала с теоретическим анализом. Или фактические данные иллюстрируют анализ,—тогда, само собой разумеется, не нужно двухэтажного построения курса. Или конкретный материал служит и в учебнике исходным пунктом, но тогда вопрос стоит серьезно, и его нельзя разрешить простым описанием того, что позднее будет рассмотрено теоретически. Здесь необходимо, чтобы двойственность изложения отражала двойной путь, по которому идет экономическая мысль при анализе товарного общества: от конкретности к «общим абстракциям» и от этих последних обратно к воспроизведению конкретного (см. об этом у Маркса, во «Введении к критике политической экономии»).

То, что в марксистских учебниках политической экономии, да и в самом «Капитале», зафиксирована лишь вторая половина указанного пути, и является причиной недовольства нашими теперешними учебниками и программа политической экономии, создающей впечатление некоего «талмудизма», который ничего не дает для того, чтобы разобраться в теперешней, окружающей нас действительности. Отсюда вытекает то, что ликвидация недовольства может быть достигнута лишь восполнением теоретического, дедуктивно построенного, анализа — обратным, ему предшествующим.

Это далеко не то, что дает курс т. Михалевского. Это, как видим, не есть простая «описательная часть», не есть лишь знакомство с понятиями, явлениями. Наоборот. Здесь должна быть дана постановка вопросов, которые будут разрешены в теоретической части, с непременным указанием на эту последнюю.

В то время как теоретическая часть распутывает узлы товарного общества—первая должна была показать его во всей запутанности, неразберихе, господствующей на видимой поверхности явлений, показать фетишистское прикрытие и замазывание антагонизмом различными экономическими категориями (заработная плата, прибыль и т. д.).

Особенно богатый материал для характеристики конкретной видимости дает наша теперешняя действительность, с ее иррациональными категориями в отличие от действительной сущности явлений.

Книжка тов. Михалевского не отвечает выдвинутым здесь требованиям. Даже фетишизм товарного общества рассматривается лишь в теоретической части; да и здесь дается лишь в общей характеристике, а не в развернутом виде; многоэтажные фетишистические наслоения в капиталистическом обществе специально с этой стороны не анализируются нигде; прибыль, которая с этой точки зрения не может быть понята без предварительного рассмотрения заработной платы, поставлена в главе IX, тогда как заработная плата идет в главе XI. Поэтому мы не согласны с тем, что эта книжка действительно идет «навстречу новым веяниям». Попытка сделана, но осуществление ее далеко нас не удовлетворяет. «Конкретику», предшествующую теории, мы мыслим иначе.

Мы воздерживаемся от ряда замечаний по существу некоторых вопросов, так как предлагаемый курс интересовал нас лишь со стороны его соответствия с «новыми веяниями» в преподавании политической экономии. Укажем лишь, что курс тов. Михалевского по полноте охвата предмета, по способу рассмотрения вопросов, несомненно, должен завоевать подобающее ему место в наших партшколах. Имевшиеся у нас учебники приходилось или читать лишь частично (Богданов) или же дополнять другими источниками (изложение Каутским I тома «Капитала»). Теперь это неудобство устраняется.

Повидимому, лишь из скромности т. Михалевский назвал свой курс «начальным». Товарищи, уже имеющие некоторые «начальные» познания в области политической экономии, также найдут в нем немало интересного. А ряд вопросов (так, например, учение о воспроизводстве) прямо требует от такого читателя некоторого предварительного навыка и предварителных сведений.

А. Зайцев.

Г. И. Крумин. „Пути хозяйственной политики". Изд. „Эконом. Жизни". 1924 года.

Эта небольшая брошюра т. Крумина является, несомненно, ценным **вкладом** в популярную литературу по основным вопросам экономической **политики.**

Первая глава посвящена общей характеристике экономики Союза и преобладающей в ней роли сельского хозяйства. Следующие главы посвящены вопросам планирования, где автор подробно останавливается на выяснении предпосылок, необходимых для ведения пранового хозяйства и того, что сделано за последний год в области планирования. Автор считает, что „должен быть отметаем, как возможный (и имеющий место) уклон в смысле преуменьшения роли планового момента или даже отказ от него, так и возможный (и имеющий место) уклон в смысле переоценки значения планирования, как не учитывающий в должной мере преобладающей роли крестьянского хозяйства в экономике страны".

Следующая глава посвящена выяснению „основных причин нынешнего кризиса сбыта“. Приходится пожалеть, что этому важному вопросу посвящено всего 2 странички.

Дальнейшие главы посвящены основным вопросам промышленности. Удачно изложены и хорошо подобраны таблички (из Отчета ВСНХ II съезду СССР) о росте госпромышленности за последний хозяйственный год.

Также кратко автор останавливается на торговле, организации промышленности и реорганизации ВСНХ и заканчивает свою брошюру боевым вопросом современной экономической политики, вопросом денежной реформы, указывая, что „в деле завершения денежной реформы чрезвычайно важно не запоздать“.

Брошюру тов. Крумина следует рекомендовать для самого широкого распространения среди рабочих массовиков. Этого она заслуживает за популярность языка, четкость формулировок и небольшой, но умело систематизированный цифровой материал. Брошюра безусловно заслуживает переиздания, причем, желательно, чтобы автор несколько развернул некоторые главы и усилил книжку введением большего количества конкретных данных о современном состоянии хозяйства.

И. К.

Н. В. Святицкий. «Организация российской государственной промышленности». (Библиотека фабрично-заводского рабочего выпус. III Изд-во ВСНХ).

Брошюра написана, как гласит об этом ярко-красная обложка, для библиотек фабрично-заводстого рабочего. Состоит она из небольшого количества страниц (52) и, как нам кажется, из очень солидного количества ошибок.

Первая глава озаглавлена «Капиталистическое и социалистическое хозяйство». Автор, давая определение социалистического общественного строя, говорит: «Обязанностью каждого гражданина в социалистическом государстве (подчеркнуто мной) является участвовать своим трудом в общем хозяйственном процессе страны. Взамен он получит право получения от государства всего необходимого для своей жизни, для удовлетворения своих нужд» (стр. 6). Автор здесь говорит о социалистическом обществе и, превращая его незаметно в государство, тем самым впадает в противоречие с ленинским (ортодоксально-марксистским) учением о государстве, как «органе насилия и угнетения одним классом другого», органе классового общества. В социальном (бесклассовом) обществе государство, как форма, отомрет, вместе с отмиранием классов и классовой борьбы.

На следующей странице мы имеем следующий перл учености: «При таком строе совершенно отпадет необходимость в товарном и денежном обращении, которое является сущностью строго капиталистического строя». Спрашивается: не хочет ли «ученый» секретарь ВСНХ Р.С.Ф.С.Р. доказать рабочим, что эпоха диктатуры пролетариата, при условии существования товарного хозяйства, а следовательно и денежного обращения, как сущности товарного хозяйства—является «строго капиталистическим строем?» Нам думается, а опыт диктатуры пролетариата это доказал, что необходимость «в товарном денежном обращении» может явиться временной «сущностью» не только «строго капиталистического строя», но и переходной эпохи от диктатуры пролетариата к бесклассовому обществу.

Чтобы установить социалистическое хозяйство в его чистом виде, необходимо, по мнению автора, наличие многих условий, из которых он считает главнейшими: 1) промышленность и сельское хозяйство страны должны быть настолько развиты, чтобы продукция их могла удовлетворить действительную потребность в ней населения страны; 2) общая сознательность населения и проникновение в него социалистических принципов должно быть настолько велико, чтобы каждый трудящийся проникся сознанием, что от его индивидуального труда зависит общее благо.

Нам кажется, что автор на главнейшие предпосылки социалистического хозяйства даже и намека во всей своей книжке не сделал.

Для того, чтобы начать строить социалистическое хозяйство, прежде всего. необходимо разрушить государственную машину помещиков и капиталистов и заложить основы своего рабочего государства. Государственный капитализм к социализму не приведет без диктатуры пролетариата, без захвата власти и овладения средствами производства в виде фабрик, рудников и помещичьих земель и т. д. Доказательством тому может служить госкапитализм в западной Европе и Америке, странах технически гораздо более развитых, чем наша. Социалистическое хозяйство явится результатом хозяйственного подъема только при условии установления диктатуры рабочего класса. А коммунистическое сознание будет оформляться у многомиллионных масс трудящихся по мере подъема хозяйства и социалистического строительства.

Вся первая глава научно-тереотически неверна, а политически вредна, потому что она никакого правильного понятия ни о капиталистическом хозяйстве, ни о предпосылках социалистического хозяйства не дает. Она не только не разъяснит рабочему разницы между капиталистической организацией производства и социалистической, а, наоборот, затуманит то правильное представление, которое у него установилось на основе собственного опыта. Эта глава по существу направлена против второй «главной» предпосылки социалистического хозяйства подъема «общей сознательности населения».

Вторая глава называется «Национализация (огосударствление) промышленности». Недостатком ее является то, что автор совсем не разъяснил рабочим, почему эта национализация необходима и почему без нее невозможно социалистическое строительство. Надо было объяснить, что до тех пор, пока рабочие «стихийно» или по определенному плану не национализируют промышленности, до тех пор фактическим диктатором будет капитал, владеющий всеми основными орудиями производства. Какую роль сыграла национализация в строительстве нашей государственной промышленности и почему она была необходима—на этом надо было остановиться более подробно, а что она проходила первое время стихийно это общеизвестно.

Далее на стран. 8-й автор пишет: «Теперь одним грандиозным капиталистом становилось государство (подчеркнуто нами—К.), собственник всех фабрик и заводов, всех средств производств в стране, накапливающий капиталы и торгующий продукцией, выработанной своими предприятиями». Итак, рабочее государство—это один грандиозный капиталист. Так ли уж оно ничем от капиталиста не отличается, или может-быть, сущность нашего государства совсем другая? Пора бы на 7 году революции перестать писать такие глупости в книжках для рабочих библиотек.

Дальше на этой же странице автор пишет: «Главнейшей задачей этого государственного капиталистического (?) периода является восстановление и дальнейшее развитие промышленной жизни страны». Нам кажется, что главное дело не в том, чтобы поднимать промышленную жизнь страны вообще, потому что подниматься она может за счет роста частного к. торгового и концессионного капитала, а в том, чтобы поднимать государственную промышленность, укрепляя ее социалистический сектор. Вот на этот-то вопрос, насколько наша современная форма организации государственной промышленности соответствует заданию этого подъема, мы и искали ответа в книжке, но, увы! его не нашли.

На стран. 9-й автор в главе под названием «Что такое трест?» не проводит никакого разграничения между капиталистическим трестом и советским и тем самым создается впечатление, что по существу разницы между ними нет. В действительности же трест советский, как одна из форм организации нашей государственной промышленности, имеет очень мало общего с капиталистическими трестами, которые организуются в целях монопольной эксплоатации рынка совершенно независимо от того, как это отразится на других отраслях производства и на всем хозяйстве в целом. Здесь автором дается и неправильное толкование причин промышленных кризисов, которые, по Святицкому, происходили «в значительной мере в силу неорганизованности и несогласованности действий капиталистов». Если это так, то эпоха кризисов вместе с переходом к монополистическому капитализму должна бы стать эпохой давно превзойденной. Мировой военный кризис 1914—1918 г. и последующий промышленный кризис 1920—1921 г. являются лучшим доказатель-

ством того, что это не так, и основная причина не в несогласованности действий капиталистов.

Дальше автор переходит к вопросам, связанным с реорганизацией ВСНХ, и дает обильный статистический материал (значительно устаревший для 1924 г., когда была выпущена книжка), о количестве рабочих, количестве предприятий, входящих в тресты и т. д. В популярной брошюре для рабочих следовало бы цифровой материал больше систематизировать, уменьшив тем самым его количество, а то получается перегруженность цифрами. Не установлены причины реорганизации ВСНХ и ее целесообразность с точки зрения интересов всей госпромышленности. В главах, посвященных концентрации промышленности, автор не доказывает экономической необходимости и целесообразности концентрации с точки зрения интересов всего государственного хозяйства и в первую очередь в целях борьбы за удешевление продукции, что не безинтересно не только для рабочих, но и для крестьян.

Здесь же автор, не доказав необходимости концентраций, приводит данные об освобождаемом, вследствие концентрации, количестве рабочих (см. стр. 31 и след.). Не мешало бы для объективности привести данные, указывающие на рост количества занятых рабочих в нашей госпромышленности, независимо от происходящей концентрации. Без этого выяснения целесообразности концентрации, выгодности ее и т. д., и при выводе, что «пересмотр трестов в смысле сокращения числа существующих трестов и образования более мощных и крупных объединений, путем слияния отдельных трестов воедино, уже теперь можно сказать не дал сколько-нибудь значительных результатов» (стр. 36),—создается впечатление о бесполезности этой работы, что отнюдь не способно содействовать активной поддержке рабочими проводимой концентрации, без чего сама концентрация успешно завершенной быть не может. Кроме того, брошюра изобилует досадными опечатками, напр., на стр. 52 написано: «трестов, подчиненных ВСНХ, РСФСР числится 3018», что является заведомой ерундой.

На стр. 27 вместо—не обладая необходимым количеством денег, написано: «обладая необходимым количеством денег», благодаря чему весь смысл фразы искажается.

К редактированию изданий для библиотеки фабрично-заводского рабочего следует относиться более внимательно, а настоящая брошюра для этой библиотеки совершенно не пригодна, потому что она не только не разъясняет разницы между капиталистической организацией производства и организацией нашей государственной промышленности, а запутывает ее.

И. Краваль.

Редакция: Н. Бухарин. Ил. Вардин. Л. Каменев.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Передовая. Большевистский съезд без Ленина 3
А. Слепков. Об уклонах и возможных путях возможного перерождения . 16
В. Астров. Один из примеров мелкобуржуазного перерождения 29
А. Стецкий. Основные вопросы внутренней торговли 44
И. Степанов. Кооперация в переходную эпоху 60
Ленинский кружок Свердловского университета. Об основных ошибках теории „перманентной революции“ 72
С. Дубровский. Мелкобуржуазные теории аграрной эволюции 86
А. Мартынов. Неудачное подражание 98

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО В. И. ЛЕНИНА.

Об авантюризме 106
Письма из далека 109

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

В. Астров. Вл. Сорин—Учение Ленина о партии 118
А. Зайцев. Ф. И. Михалевский—Начальный курс политической экономии. . 119
И. К. Г. И. Крумин—Пути хозяйственной политики 121
И. Краваль. Н. В. Святицкий—Организация российской госуд. промышленности 122

ГУМ
ВСЕ ДЛЯ ВСЕХ
ВЕРХНИЕ ТОРГОВЫЕ РЯДЫ
ЗДЕСЬ ВСЕ КУПЛЮ,
ЧТО НУЖНО МНЕ
НЕ ТРАТЯ ВРЕМЯ В БЕГОТНЕ

60